

НЕДАРОМ ПОМНИТ
ВСЯ РОССИЯ
ПРО ДЕНЬ
БОРОДИНА!

М. Ю. Лермонтов

№ 17 СЕНТЯБРЬ 1982

ISSN 0131—6656

СМЕНА

БЕРЕЖЛИВОСТЬ — ЧЕРТА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

РАБОТА КАК ДЕЛО ЖИЗНИ

**XIX
СЪЕЗД
ВЛКСМ**

Формулировка «Бережливость — черта нравственная», прозвучавшая на XIX съезде комсомола, выводит наш разговор об экономии и бережливости (см. «Смену» № 20, 1981 г., № 6, 1982 г.) на новый уровень.

Порой разговор на эту тему сводится к перечислению внушительных цифр, соотнося с которыми свои поступки, свою работу не так-то просто. И потому не трогаешь, не тревожишь. А тревожить должен. Речь-то не только о неких секундах, граммах, копейках. Речь о чести и совести человеческой. О том, без чего себя и человеком-то в полном смысле слова считать нельзя. Потому что нельзя человеку растративать богатства родной земли, нельзя губить то, во что вложили ум и силы другие люди, будь то хлеб, машины, станки, одежда... И чем сильнее можно оскорбить человека-мастера, как не варварским отношением к тому, что он сделал! Тут нет сомнений, нравственно это или нет. Это безнравственно. По самому большому счету.

Мы хотели бы, чтобы материалы, помещенные в этом блоке, помогли взглянуть на проблемы бережливости именно с этой стороны. Помогли понять, что бережливость — достоинство, возвышающее человека.

После выступления «Смены»

«ДИСПРОПОРЦИИ»

В «Смене» № 5 было опубликовано письмо мастера шахты «Воргашорская» (Коми АССР) Петра Гулевского. Речь шла о важнейшей для Севера проблеме — о закреплении кадров. «Рубль давно перестал быть главным стимулом, привлекающим людей в Воркуту», — писал П. Гулевский. — И сейчас все очевидно, как бьет по нам диспропорция между промышленным и гражданским строительством». И приводил конкретные примеры того, как срываются планы по строительству жилья, спортивных баз, детских учреждений. А результат — «молодежь, помучившись год-два, уезжает от нас, так и не успев по-настоящему освоить шахтерскую профессию, не сделав того, на что потенциально способна».

В редакцию поступил ответ на это выступление из Министерства угольной промышленности СССР.

«Министерство угольной промышленности СССР рассмотрело вопросы, поднятые т. Гулевским в статье «Диспропорции».

Утвержденным планом на XI пятилетку по объединению «Воркутауголь» предусматривается ввод 307 тысяч квад-

ратных метров общей площади жилых домов, детских дошкольных учреждений на 930 мест, 3 общеобразовательных школ на 2700 ученических мест, детской больницы на 90 коек в поселке Воргашор, плавательного бассейна в корпусе обслуживания общежития и ряда других объектов здравоохранения и коммунального назначения.

На строительство жилья и объектов соцкультбыта для объединения «Воркутауголь» в 1981—1982 годах предусмотрено выделить 118,9 миллиона рублей капитальных вложений.

В план 1982 года включено окончание реконструкции завода крупнопанельного домостроения в г. Воркуте, его мощность достигнет 106 тысяч квадратных метров общей площади жилых домов. С вводом в действие этого завода вопрос об объемах жилищного строительства в городе Воркуте будет дополнительно рассмотрен при формировании годовых планов на 1983—1985 годы.

И. СЛИВАЕВ,
заместитель министра
угольной промышленности СССР»

«СКУПЫЕ» ЛЮДИ

Михаил ФОНОТОВ

Удивительное это зрелище — смотреть, как идет чугун. Больно глазам, а не отворачиваться от огня. Мы стояли наверху, на решетчатой эстакаде, а внизу, у пламени, в фейерверке искр колдовал Раис Файзаханов, первый гор-

новой. Горн, если смотреть с высоты, как макет песчаной местности. Ослепительный ручей, идущий от летки, раздваивается. На развилке Раис перекрывает чугун, ждет, пока стечет шлак. Потом включает рубильник, разворачивает «пушку», наводит ее на летку и выстреливает в нее глину. Медленно остывает огненный ручей.

И домны стареют... Эта домна была, пожалуй, самой знаменитой. Другой домны, которую бы так много рисовали, фотографировали, описывали, пожалуй, нет. Ею гордились, о ней вспоминали и грустили. В 1932 году ее «приняли» в комсомол и дали имя «Комсомолка». Это домна № 2 на Магнитогорском металлургическом комбинате.

И домны стареют... Теперь на месте «Комсомолки» — новая домна. Только фундамент остался от той, легендарной. Его закладывали тогда... Я подхожу поближе, кладу ладонь на пыльный бетон...

Раис снимает суконную шляпу, куртку из обгоревшей ткани, наливает кружку чая.

— Сколько, Раис?

— 270 тонн.

Еще 270 тонн. Плюс к тем 25 миллионам, которые дала «Комсомолка».

Уральцы знают, как дается сталь. Неудивительно, что они первыми произнесли эти слова: беречь металл.

Металлический фонд нашей страны огромен. Мы живем среди стали. Повсюду железо. И под ногами железка валяется...

Тот же гвоздь... Станина, обод, балка — они вернутся в мартен, на переплавку, чтобы обрести новую жизнь. Гвоздь не вернется. Тысячи тонн стальной проволоки, из которой штампуют гвозди, — металл, потерянный навсегда. Но на всем можно что-то сэкономить. И на гвоздях тоже. Если, например, вместо круглых делать «трефовые» гвозди, потребуются на десять процентов металла меньше.

Инженер А. Капралов, когда я был на Челябинском трубопрокатном заводе, сказал мне: «Миллиметры ловим». Миллиметры — на трубе длиной 11,5 метра. Сварочный шов у кромок трубы (ее диаметр больше метра) не всегда ровен. На каком-то отрезке он слабават. Если

«научить» аппарат протянуть шов хотя бы на несколько миллиметров, в обрез уйдет меньше стали. Миллиметры оборачиваются тысячами тонн металла, который прежде отправлялся на переплавку.

Кажется, беречь металл элементарно. Не выбрасывать шайбу, не втаптывать в грязь фланец, не зарывать в котлован обрубок швеллера. Собирать лом. Это разумеется само собой. Один из способов, открытый всем, даже детям. Но есть еще тысяча других, доступных узкому кругу лиц, которые проникли в тайны металла. Эти способы, обитающие в научных лабораториях, в конструкторских бюро и в отделах технологов, и есть самые современные и самые эффективные.

Олег Ильич Голяницкий, заведующий кафедрой Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства, снял с полки пробирку, подал мне. Я осматрел ее — ничего особенного. В пробирке вода и сероватая стальная пластинка. Так оно и есть, с одной поправкой: вода не совсем чистая. В ней ингибитор. Чуть-чуть. Сотая часть грамма. Этого достаточно. Двенадцать лет назад пластинку опустили в пробирку — и сталь не ржавеет. Нисколько.

Где железо, там и ржавчина. Коррозия. Есть сталь, которую не возьмешь ни на излом, ни на изгиб, а ржа ее съедает. Строго говоря, металлы начинают ржаветь почти так же скоро, как скисает молоко. Ржавеет и нержавейка. Только на отшлифованной глади не сразу проявляются рыжие пятна. Тление железа не прекращается ни на секунду, превращая стальную монолит в пыль. Ничто не щадит ржавчина — ни гвоздь, ни опору моста, ни деталь сложнейшего механизма. И чем больше мы добываем руды, выплавляем металла и пользуемся техникой, чем больше вокруг нас железа, тем выше ущерб от коррозии.

Голяницкий как раз тем и занят, что ищет химические вещества, ингибиторы, которые защищают металл от коррозии. Ищет и находит. Хорошо известные химикам вещества, освоенные в производстве, дешевые. И вдруг такая таинственная сила: запасную деталь надо завернуть в бумагу, пропитанную ингибитором (он летуч), чтобы на много лет защитить от ржавчины. Ящики с деталями оставляли на морозе, под дождем, отправляли в океанское плавание на палубе и в трюмах китобойной флотилии «Слава», они побывали в Антарктиде — ничего их не берет.

Олег Ильич показывает мне бумажный стаканчик, в котором вместо мороженого нечто, напоминающее застыв-

ОТВЕТ ВСТОВЕЕННАЯ

«Бережливость — черта нравственная. В чувстве хозяина крепнет сплав экономического мышления и совести, экономических знаний и конкретного действия, забота об общем, нашем и своем, личном благе. Комитетам ВЛКСМ следует осуществить систему мер по формированию у молодежи коммунистического отношения к общественной собственности. Необходимо, чтобы ленинская идея «экономического воспитания» осуществлялась на каждом рабочем месте, везде, где трудится и учится молодежь».

Из Отчетного доклада ЦК ВЛКСМ
XIX съезду комсомола

шее хозяйственное мыло. Это ингибитор «Прана». Комбайнеру надо взять такой стаканчик, настругать «мыла», высыпать стружку в подогретое масло, слить в картер и прокрутить двигатель. И все. Поршни и цилиндры коррозия не возьмет. «Праной» можно обработать весь комбайн извне и изнутри — и он целехонек простоят всю зиму.

Коррозия — тоже безвозвратные потери. А ущерб от нее, как подсчитано, достигает 20 миллиардов рублей. Как ни крепка сталь, а требует защиты...

Всякая экономия не обходится без затрат. А самые дешевые затраты, как утверждает эпоха, — умственные. Экономить с умом — веление времени. Одна из задач для умных голов — сделать наши машины легче, но прочнее.

Во дворе Уральского автозавода стоит старенький «зисок». Дощатый кузов, кабина из фанеры и планок. Рядом с кабиной непривычно чернеет колонка газогенератора. Его топили дровами. Бензина не хватало. Экономии: бедны были.

А чуть дальше, на просторной площадке, мощно гудят, круто разворачиваются зеленые, только что с конвейера «Уралы».

Как непохожи эти машины! А задача та же: экономить. Не от бедности, а все-таки экономить. Такая это штука — экономия, нет ей конца.

«Урал» знает всякий. Он ездит там, где кончается асфальт. Он пробьется сквозь снега и пески. Он таким задуман: мощным, крепким, тяжелым. Однако нельзя ли ему быть все-таки... полегче?

Г. Гладышев, заместитель главного конструктора:

— Рама нашего автомобиля ходила мало. Три-четыре десятка тысяч пробега, и можно не смотреть — трещина. Значит, ставь на капремонт. Наслышались мы упреков...

Раму нужно усилить. Значит, сделать тяжелее? А она стала на 80 килограммов легче. Парадокс: экономить металл на детали, которая быстро изнашивается. Деталь, с которой, казалось бы, сняли всю «лишнюю» сталь, можно сделать еще легче, если... подумать. Подумать не о том, как во что бы то ни стало сэкономить металл, а как сделать деталь лучше. Лишняя сталь ей не на пользу.

А Горбачев, ведущий конструктор: — Долго мы думали, пока нас не осенила простая мысль: а что, если поперечину рамы делать не из стального листа, а из трубы. Непривычно, конечно. И впечатление такое, что она слабее — все-таки легче. А оказалось, труба держится до списания машины, хоть бы что ей...

Нет детали или узла, которые заводские конструкторы не посадили бы на «диету». Килограмм за килограммом сбрасывает «Урал» вес. И это ему на пользу.

Разумеется, нужно экономить не только металл, а абсолютно все. Но что оно, это «все»? В конечном итоге это природа и труд.

Говорят, что охрана природы слишком обременительна. Что фильтры, очищающие дымы и воды, дороги и капризны. Что подрядчики несговорчивы. Что неразрешима дилемма — то ли природу

охранять, то ли план выполнять. Что, наконец, проблемы эти решаются в высоких сферах, а местная инициатива, увы, бессильна.

Я помню времена, когда на территории электролитного цинкового завода в Челябинске травинка не росла. Пассажиры трамвая, проезжающие мимо завода, вдруг обнаруживали у себя насморк. Люди ворчали, но в общем-то принимали заводской угар как неизбежное зло: такое, мол, производство.

Производство, верно, не целебное, однако же теперь завод чист перед природой: вдоль корпусов растут ели, клены, летом пестреют цветники. На месте отвалов — ажурные теплицы. А над трубами в небе — только невинный парок. И в реку Миасс теперь никаких ядов завод не сливает.

Завод «проявил сознательность»? Завод «ценит природу»? Проявил, ценит. Но как ему это удалось? Как осилил он то, перед чем другие разводят руками?

Долго рассказывать. Считалось, например, что нет такой технологии, которая оставляет в выхлопах те сотые доли процента сернистого ангидрида, против которых не возражают санитарные врачи. А заводские инженеры выискали в каком-то журнале заметку, в которой сообщалось, что такая технология где-то, очень далеко, есть. Суть ее, разумеется, не раскрывалась. Но инженеры дошли до нее сами, сами внедрили и освоили. А назвали ее так: процесс двойного контактирования. Он теперь известен повсюду.

«Сначала природа, потом — план», — сказал мне недавно директор завода Рем Салимович Гузаиров. То есть, если случилась прореха, останавливай агрегат, рискуя планом. Кто-то усомнится: ой ли? Однако же за последние, скажем, десять лет завод ни разу план не сорвал, наоборот, что ни квартал, претендует на первое место в отрасли. При этом и природе не вредит.

Все трубы, какие ни есть на заводе, перекрыты фильтрами. Кто-то скажет: эка невидаль, эти фильтры нынче кто не заимел, да не везде они фильтруют. Вот именно. А на цинковом заводе 97 процентов воды находится в обороте, а ряд переделов переведен на бессточные схемы.

Есть на заводе дымовая труба высотой 110 метров. Уникальное сооружение. Ее построили для того, чтобы сбрасывать избыточный ангидрид. Или на случай, если печь остановлена на ремонт. Однако через эту трубу не прошло ни кубометра дыма. На заводе построили новый цех, который питается тем самым «избыточным» ангидридом. И агрегаты ремонтируют так, что сбросы исключены. Конечно, та «лишняя» труба (навязанная, кстати, заводу) стоит денег, но где наша не пропадала, убыток можно скрепя сердце простить, пусть уж лучше выситя она такая, бездымная. Первая из труб, которая не коптит небо. Тоже памятник.

Пора сказать о главном. Завод сбрасывал в небо и реку много редких и дорогих элементов. Именно те, что значатся в перечне продукции, которую завод выпускает. Часть веществ он извлекал из сырья, часть сбрасывал. Те,

что извлекал, считались полезными, те, что сбрасывал, назывались вредными веществами.

Теперь вредных веществ не стало. Из сырья извлекается 97 процентов цинка и серной кислоты — показатель, который не стыдно привести в любой аудитории. Завод выбирает 92 процента кадмия, а его в сырье не более 0,12 процента.

Заводская лаборатория выдает сотни анализов, дотошно выясняя, сколько «вредных» веществ в стоках и выхлопах. Чтобы не вредить природе? Да, разумеется. Но и ради плана. Если, например, в стоках содержание цинка превысит пять миллиграммов на литр, то цех переработки окислов съедет на мель: ему не хватит сырья. Потому что теперь и стоки, и выхлопы, и шламы тоже сырье. Вот как дело-то обернулось. Без фильтров никуда. Вся экономика развалится.

Значит, несправедливо мы считаем, что охрана природы обременительна. Это абсурд, несуразица. Наоборот, мы платим большие деньги, чтобы природу загрязнить. Сейчас, когда в обороте почти вся таблица Менделеева, по сути, нет веществ, которые можно со спокойной душой выбрасывать в отходы и отвалы. И значит, нет ничего экономичнее, чем безотходная технология. Безотходная технология, производство, отрасль, народное хозяйство. То есть, проще говоря, хозяйство, в котором ничего не пропадает зря.

Надо, чтобы цветочки пестрели у заводских корпусов. Рядом. Лирика, она экономична. А экономика, выходит, лирична. Впрочем, давно доказано, что красота рентабельна. Красота, а не халтура. Красивая работа, говорят, два века живет.

На цинковом заводе работают «скупые» люди. Между прочим, они всерьез учатся считать копейку. Закончив курс, рабочие (с помощью инженеров) пишут экономические рефераты. В них они не на отвлеченные темы размышляют, а конкретно: кто что сэкономил и что еще мог бы сберечь. Все же вместе экономят за год киловатт-часы энергии, тонны топлива, калории тепла — и все в многозначных цифрах. Они дают стране самый дешевый цинк. Что говорить, «скупые» люди.

Но они не жалеют денег на сауны (в электролитном цехе их две: мужская и женская), на комфортные комнаты с чайными, на ингаляционные кабинеты, на профилакторий, на базу отдыха с каминным залом, на больницу с грязелечебницей, на стадион, на детские сады и пионерские лагеря, на теплицы, на овощехранилище... Ничего не жалеют они для подшефной школы, что тем более странно, потому что не рассчитывают, чтобы выпускники всем классом пришли на завод, — производство этого не позволяет.

Шефы часто бьются в школе, а ученики на заводе: то просто экскурсия, то совместное комсомольское собрание, то спортивные соревнования, то дежурство в народной дружинке. В своих рефератах о шефствующих цехах старшеклассники оперируют такими понятиями, как производительность труда, рентабельность и даже фондотдача.

Рабочие берут с собой учеников на базу отдыха. Школьникам отдана половина мест в пионерском лагере.

Зачем эти расходы? Интерес, скажем так, государственный: новое поколение надо воспитывать всем, независимо от ведомственной принадлежности. Если все же иметь в виду узкий, ведомственный интерес, то есть и он. Замечено, что общение с детьми воспитывает... взрослых. Шефствуя над школой, завод, может быть, больше приобретает, чем отдает. Такая тут высшая математика.

Вода и воздух уже не даровые. Иссякают леса и недра. Пожалуй, одно солнце можно пока еще не экономить и не беречь — бери, сколько хочешь. Тают иллюзии насчет даров природы. Но труд-то даровым никогда не был. А мы, случается, не ценим и плоды труда, что действительно уж совсем не по-человечески. А иногда полагаемся на щучье веление, будто ждем, когда благодать сотворится сама собой...

Бережливость начинается и заканчивается трудом. Любовью к труду. Трудолюбием.

Токарь Челябинского тракторного завода, лауреат премии Ленинского комсомола Андрей Чепелев:

— Вот мое рабочее место. Три станка в ряд — три «карусели». Прихожу на работу примерно за час до начала смены. Присматриваюсь к станкам, подбираю по своему вкусу инструмент, настраиваюсь, вхожу в обстановку, чтобы по звонку сразу взять старт. Наконец, включаю станки — один, потом второй, потом третий.

Тут-то и начинается: крюк подъемника, кнопка на пульте, гаечный ключ. И опять: крюк, кнопка, ключ. Гудят мои «карусели», и я вдоль них — челноком. Вся мудрость в том, чтобы держать в поле зрения все три станка сразу. Ритм захватывает. И если все хорошо, смена пролетает, как во сне. Не ошибся ни разу — рекорд.

Не сразу далась мне эта точность. На первых порах я завел тетрадь, в которую записывал, сколько времени тратю на каждую операцию. Искал, где теряю минуты. Учился некоторые операции выполнять не глядя.

Суть, наверное, ясна: чем бы я ни был занят, станки должны работать. Есть у меня две-три минуты, чтобы, например, в жару сходить выпить стакан воды. Пока жожу, станки гудят. Теперь, когда темп взят предельный, руками, сноровкой большего уже не добьешься. Но есть еще и голова на плечах.

Когда я был в Японии, рассказывал о своем рационализаторстве. Японцы удивились: «А где ваши инженеры?» И объяснили: в Японии рабочий должен только работать, а творить — дело инженеров. И если рабочий предлагает какое-то новшество, инженер не одобряет — это должен был сделать он.

Я тогда спорил: почему же рабочий должен быть только исполнителем, а не творцом? А что касается инженеров, то они мне помогли. Без них не внедрялось ни одно новшество, которое я предлагал. Так я сказал японцам. А еще подумал, хотя и не сказал, что нашим инженерам действительно стоило бы прибавить активности.

Как бы то ни было, уже третья пятилетку я ежедневно выполняю две нормы. Почин мой, опять одобрили, везде называют передовиком. Но сам-то я чувствую, не выдержать мне нагрузки, отстаю от графика.

А что получилось? Сегодня снимают со смены — надо на стройке выступить. Завтра приглашают в школу. После завтра еще какое-то торжество. Иду, делаю нечего. А заместителя у меня нет. После очередной отлучки прихожу в цех, подсчитываю, сколько надо выдать процентов, чтобы войти в график. Уже не 200, а 210, 220, а то и все 230 процентов

надо выжать. Гоню, слово-то дано. Иначе перед товарищами стыдно. Так, скажут они, всякий может быть передовиком, если и заседания в зачет.

Однако, чувствую, отстаю. Пошел в партком. Обидно, говорю, что меня назвали передовиком за то, что я с великим трудом сэкономил время, которое у меня теперь так щедро отнимают. Нельзя ли все это после смены? В парткоме меня поняли правильно.

Продолжая разговор, мы вышли с Андреем во двор. Рядом была стройка. Битый кирпич, осколки облицовочных плит, панели с пробоинами — известная картина. На только что укатанном асфальте экскаватор рыл траншею. У магазина валялись измятые ящики. (Ах, эти ящики... Когда однажды в леспромхозе я увидел «реку» бревен, которые распиливают на тарную дощечку, понял, что эти ящики дорожке мебельных гарнитуров — их делают из стружки.)

Мы все хотим порядка, чтобы наша экономика стала экономной. Но с чего начать? С малого или большого? Ущерб ущербу рознь. То копейка, то рубль. С копейки, которая рубль бережет. Наверное. Но как убедить строителя поднять копейчный кирпич, если он видит, что рядом зазря пропадает рублевая плита? Пропадает — и виноватого не найдешь.

Как-то известный сталевар Петр Сатанин рассказывал о лицевых счетах экономии. Хорошее это дело, говорил он. Например, на тонну стали можно израсходовать (лимит разрешает) и 50 килограммов, допустим, ферромолибдена и 70. Вроде всего-то две-три «лишние» лопаты... «А подумаешь, у тебя на лопате иногда до ста рублей лежит». Не мешало бы и покупиться.

Но, продолжал Сатанин, сварил сталевар плавку. Сэкономил время, шихту, попал в заказ. Пора сливать сталь, а нет изложниц. Бегаешь, нервничаешь, ищешь «крайнего». Какая тут экономия — все насмарку! Только бы выдать сталь, хоть какую, пока не застыла...

Кто тут виноват? Увы, малая экономия очень часто утопает в большом ущербе. Во многих случаях она не имеет смысла. Не польза от нее, а вред. Лицевой счет сталевара (токаря, шахтера и т. д.), как патрон в обойму, должен входить в лицевой счет организатора производства, ближнего, который тут же, на глазах, и дальнего, которого у мартена никогда не видали... Только сталевар выдает сталь в натуре. Отсюда и иллюзия, что все в его руках. А за его спиной — еще тысячи причастных. Все ли, вопрос, причастны?

Кажется, мы созреваем, воспитываемся быть рачительными хозяевами. Меняются даже наш характер, представления о ценностях. Мне вспоминаются беседы с профессором Л. Эпштейном, которого интересовали проблемы экономики и морали. О чем мы говорили тогда? Ну, например, нравственна ли расчетливость? Если в труде, то вроде да, нравственна. А в обиходе — назови человека расчетливым, он и обидеться может.

Мы слишком поздно приобщаем к счету. Пусть, мол, парень вырастет, выучится, станет инженером, освоится на производстве — тогда только созреет для экономики. А начинать надо с «экономики» мороженого, конфетки.

Сдвиги, конечно, есть. Как показали исследования, половина учащихся старших классов считает бережливость и расчетливость такими же положительными качествами, как, например, честность и смелость. А десятью годами раньше так считали только 20 процентов учащихся.

Мы учимся понимать, что романтическое пренебрежение к деньгам, ко всякой бухгалтерии не имеет ничего общего с представлениями об облике современника, а тем более человека завтрашнего дня.

За каждой вещью мы должны видеть прежде всего труд. Ценить труд, свой и чужой. Считать безнравственным, когда труд пропадает зря. Жадность и мелочность тут ни при чем.

Досрочно сданный в эксплуатацию дом. За ним — сэкономленное время, которое даст возможность строителям раньше приступить к сооружению следующего объекта. За ним — хорошее настроение людей, которые будут жить в этом доме. Досрочно построенный дом — это береженный труд и подаренная людям радость. Конечно, если и качество на должной высоте.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

ПОРЯДОЧНОСТЬ ПРОТИВ БЕСПОРЯДКА

Наверное, это каждому знакомо: зацепят душу чьи-нибудь слова или поступок, зацепят и не отпускают. Вот и со мной такое случилось: какой день не дают покоя слова знакомого шофера Сергея Алексеевича Кривога.

Начался же разговор со случайной встречи вечером в нашем поселке. Смотрю — Сергей Алексеевич что-то сильно не в духе, отмалчивается, про себя что-то непонятное бурчит. Шофер он опытный, водит тяжелый КАЗ-608, машина у него всегда в полном порядке. И человек отзывчивый, бодрый всегда такой, энергичный. А тут сам на себя не похож. Стал я из него тя-

нуть: да в чем дело-то? Он рассказал.

Совхоз, в котором работает Сергей Алексеевич, сейчас строит комплекс. Понадобились рельсы. Прикинули на скорую руку — вроде машина Сергея Алексеевича тут как раз подходит. Еще наказали вместе с рельсами заводно и стекловату захватить. Поехал он. Выяснилось, что стекловаты вообще нет, причем давно уже, а рельсы в кузов не помещаются. Что делать? Сел, поехал обратно. Опять пустой. Тут его ГАИ и остановило. Почему порожняком разъезжаете? Объяснил. Очень спокойно — бывает, чего уж тут. А лейтенант, который его остановил, говорит: «Ну, ладно, они там просчитались в чем-то, но вам-то самому, това-

рищ Кривов, лично не стыдно пустую машину туда-сюда гонять? У вас-то совесть есть?»

— Вот и думаю теперь: есть ли у меня совесть? — невесело усмехнулся Сергей Алексеевич.

— Ну, ты даешь, Алексееч! Нашел о чем убиваться! — рассмеялся Равиль Хамдамов. Он тоже водитель, тоже в нашем поселке живет, проходил мимо, остановился узнать, о чем разговор. — Я вот сегодня, знаешь, чем занимался? Вместе с диспетчером ездил весь день, лобовое стекло доставал. Кто-то ночью разбил, случайно, наверное. А стекло таких на складе уже год нет. Катались мы за ним, между прочим, на ЗИЛе. Бензин он кушает с таким же аппетитом, что и твой КАЗ. А что было делать? Были бы стекла на складе — не гонялся бы. При чем здесь моя совесть? Будут нормальные условия — тогда и...

— А знаешь, как говорится? — задумчиво так отвечает Сергей Алексеевич. — Совесть или есть, или ее нет вовсе. Независимо от того, имеются стекла на складе или нет. На своих машинах да на своем бензине вы бы с диспетчером не мотались по городу целый день. Узнали бы сначала, куда стоит ехать, а куда незачем.

Владимир КОЛОСОВ,
Герой Социалистического Труда,
мастер производственного обучения
СГПТУ № 3, Кемерово

Они уже все знают и понимают, обо всем имеют свое твердое мнение и хотят, чтобы к ним относились, как к взрослым, самостоятельным людям. И они имеют на это право — ведь через год-другой им быть полноправными работниками крупнейшего в области производственного объединения «Азот». Объединения с самой современной технологией, со сложнейшей техникой. Работа здесь требует не только мастерства, знаний, но и ответственности, самодисциплины.

Но они еще молоды, и часто их разбирает к месту и не к месту неудержимое веселье. Сил много, жизнь интересна, и нет в ней ничего недоступного. Вот один из таких безудержных, непонятных со стороны взрывов веселья — в столовой училища за обедом. Смешно так, что стол ходуном ходит, к тому же и ножка у него шатается.

И вот рука одного из этих красивых, здоровых, считающих себя взрослыми парней тянется к тарелке с хлебом. Пальцы перебирают щедро нарезанные ломти. Наконец находят то, что нужно, — поджаристую горбушку. Парень мнет ее сильными пальцами спортсмена, потом наклоняется и... подкладывает под ножку стола. Довольный, выпрямляется — все в порядке, стол больше не шатается, есть теперь куда удобнее.

Никто из его друзей и бровью не повел. Слово не видели ничего. Но ведь видели! Значит, не понимают, что было сделано на глазах у них? Но ведь не младенцы же, должны понимать. Тогда почему молчат?

Не вчера это было, но никак не идет у меня из памяти эта сцена.

И вот однажды подумал: а ведь такого бы с ним быть не могло ни в одной заводской или фабричной столовой.

Мне скажут, что парень не поступил бы так потому, что там ему пришлось бы заплатить за хлеб, а в училище еда бесплатная, форма тоже. И напомнят, как относятся к бесплатно выдаваемой

форме иные наши учащиеся. Что и говорить, безобразно относятся, можно сказать, варварски. Один второкурсник, ни разу не надев выданные ему новые ботинки — предпочитал им купленные родителями туфли, — изрубил эти ботинки топором. А ведь, казалось бы, чего проще — верни, другому пригодятся, твоему же товарищу по училищу. А захотелось топором побаловаться, так на то дрова есть. Если уж разумно, нормально, по-человечески рассуждать. Неужели такая мысль 17-летнему человеку не по силам?

Но знаете, почему я все-таки уверен, что в рабочей столовой у парня нашего не поднялась бы рука на хлеб? Нет, не просто потому, что там бы он за него свою копейку заплатил — не очень-то у нас сейчас копейками дорожат. Уверен я потому, что знаю: люди бы не дали. Не позволили. Рабочие люди, знающие цену всему, что человеку нужно. Своим трудом это нужное создающие.

И потому еще, верю, не поднялась бы на такое рука у парня, что, когда он в рабочей столовой своим человеком станет, руки его и голова будут уже знать, какой работой достается все, чем живет человек.

Меньше всего хотел бы, чтобы меня поняли так, что, выходит, ничего особенно страшного в случаях, о которых рассказано выше, нет — пойдут ребята на работу, повзрослеют, все поймут и исправятся. Нет, это значит обманывать себя, закрывать глаза на серьезнейшую проблему. Никак нельзя нам мириться с подобными фактами. Ничем не могут быть оправданы понесенные потери, сколь мелкими они ни показались бы иным благодушным и больно уж щедрым гражданам.

Я начал примерами в чем-то исключительными, из ряда вон. Можно было начать более спокойными и... типичными, распространенными, к сожалению. Можно. Только мне кажется, что разговор сегодняшней требует определенного накала. Тут не только разум — чувства задавать надо.

Мы должны ясно отдавать себе отчет: зря, бездумно, безжалостно загубленные хлеб, одежда, мебель, инструмент не просто потери, за ними уже сложившееся — пусть и бессознательно! — отношение к тому, что называют народным добром. Ради которого столь-

ко сил положено, столько перетерплено лишений в трудные времена нашей истории. И если мы не сумеем это отношение одолеть, перестроить, то нетрудно себе представить, как проявится оно в будущем, когда нынешние наши веселые ребята придут на производство, когда от них будет зависеть, как распорядятся громадными мощностями, огромными и все-таки исчерпаемыми запасами сырья, материалов, энергии...

Вот почему сейчас уже не имеет права на существование вопрос, воспитывать ли в молодежи бережливость. Вопрос может ставиться только так: **с какой поры и каким образом?**

У нас в училище часто можно увидеть и услышать лозунг «Экономить в большом и малом!». Каждый преподаватель, мастер стремится научить ребят любое дело выполнять разумно, точно, экономно. Любое. Случается, скажем, ученику красить станок — его не просто отправят с банкой и кистью, а обязательно объяснят и покажут, как с этим справиться половчее, чтобы краска не проливалась и лишнего не тратится. На занятиях в группах отбросит парнишка в сторону сверло или напильник — оказалось, что сточились, — мастер сам проверит инструмент и в большинстве случаев расскажет, как им еще можно пользоваться. А по ходу еще и покажет, как можно с толком использовать остатки металла. Или, скажем, просит ученик что-нибудь объяснить, а станок оставил работающим. Объяснит, но сначала станок выключит, в этом можете быть уверены.

Мелочи. Повседневные мелочи. О них и рассказывать вроде как-то неудобно. Но уж такая это штука экономия: кто азбуку повседневных мелочей в ней не одолел, тот и всего остального не разберет.

И вот сразу замечаешь, что одни эту азбуку на лету схватывают или даже сами ею вполне владеют, как Ира Непомнящих или Саша Корниенко, а для других она как об стенку горох — отлетит и следа не оставит. В чем тут дело?

А не в том ли, что Ира и Саша уже прекрасно знают, что такое труд? Ира жила в сельской местности, Саша в пригороде с бабушкой — дома всегда дел хватало. На огороде не по одному урожаю вырастили, собрали. Вот и знают, что чего стоит.

— Ладно, мы такие-сякие, — обиделся Равиль. — А сам-то ты, праведник, что же порожняком гоняешь?

— Да и я... Мог бы сам подумать, уместятся рельсы в мой кузов или нет. Или, например, позвонить со склада в контору — может, вместо рельсов и стекловаты можно было что другое захватить? Наверное, не так уж и трудно было это сделать. Только вот почему-то в голову не пришло. Привычки нет подумать сначала, как сделать повыгоднее, поудобнее для всех.

— Давай-давай, — махнул рукой Равиль. — Только иногда по сторонам поглядывай, сколько вокруг машин порожняком болтаются. Работа у нас такая. Я вот завтра начальника РСУ в город повезу — в служебную командировку. Знаешь, на чем? На своем самосвале. Понадобится моток проволоки, а я буду рядом, и за проволокой меня пошлют. Да и тебя тоже.

Он ушел.

— Вот ведь он еще и радуется таким безобразиям. А что его машина в это время на каком-то объекте позарез нужна — ему что?! — с каким-то удивлением сказал Сергей Алексеевич. — Как так можно?

Или вот знаю я парня, — не мог он успокоиться, — устроился на ведом-

ственный автобус в стройтрест. Отвез утром людей — до вечера свободен. Сначала в карты резался, потом «левачить» начал. И ничего плохого в этом не видит. Людей, говорит, выручаю. Государственную машину гоняет, горячее жжет, деньги себе в карман кладет, а считает, что людей выручает. Куда как благородно! Те, кто ему такой «рабочий день» организовал, тоже должны ответить, но сам-то он должен понимать, что делает. А как научится человек в мутной воде рыбку ловить, так порядок ему уже и не нужен. Вот и готовы кричать: нет порядка и быть не может. Для меня такие люди с червоточинкой. Полагаться на них не могу.

Вот езжу теперь и думаю над словами Сергея Алексеевича. Но вспоминаю их не только за баранкой. У нас, например, на базе часто бывает так: придешь утром, а у многих машин инструмент разворовали. А к тому, что болты снимают, подфарники, прожекторы, как будто даже и привыкли. Да что болты — коробки скоростей снимают! И ведь все это тянут у своих же, как говорится, товарищей по работе. Это уже, по-моему, самое последнее дело.

Однажды мы разбирали такого «та-

щилу» на собрании. Стыдили. Он все говорил, что ему очень хотелось в рейс выйти. А потом, уже после собрания, признался своему другу, что договорился в этот день о «левом» грузе. Нескольких машин, прицепов и полуприцепов у нас так и стоят, ни на что уже не годные. Называют их «разуконкомплектованными». Успокаивающее такое слово...

И прав Сергей Алексеевич, когда говорит, что есть у нас такие, кому порядок уже не нужен. Невыгоден.

Раз возили мы кирпич. Накладные нам выписали, в которых конечным пунктом значился загородный поселок, а уже перед самым выездом сказали, чтобы мы выгрузили кирпич у строящегося общежития. Разница в расстоянии приличная. Я говорю парню, с которым вместе должны были ехать: «Вернемся — надо будет в накладных исправить, точно указать, куда возили». Он на меня как на ненормального: «Ты что, чокнулся? Это же нам лишние тонно-километры — раз, и время, которое мы толково используем, — два. У меня и адрес есть, где мы сегодня нужны».

Я все-таки от общежития вернулся и сказал, что накладные у нас неправильные. Он, ругаясь, тоже. С тех пор

Как-то с радостью прочитал слова Антона Семеновича Макаренко. Он подчеркивал, что считает труд для подростков целительным. Ведь только в труде могут познать они ценность заработанного рубля, учатся рационально его расходовать, беречь вещи. Они начинают серьезно относиться и к учебе, изо дня в день у них формируется привычка к труду. Такие ребята к 17 годам становятся серьезными, взрослыми людьми, их ничем не собьешь с избранного жизненного пути. И наоборот, долгое детство и отрочество, проведенные за родительской спиной, юность, прожитая за счет государства, формируют потребителя, расточителя, эгоиста, неспособного заботиться не только об окружающих, но даже о собственных детях.

С радостью прочитал я эти слова потому, что и сам к этому времени пришел к тому же. А потом радость поутихла. Подумалось: когда уже эти слова сказаны, а настоящий, серьезный труд для многих сегодняшних ребят так и остался тайной за семью замками. А ведь самое главное, что у 12—14-летних ребят руки уже, что называется, чешутся по делу. Они уже и толковые достаточно, чтобы в серьезных вещах разбираться. Только дело, работа им нужны настоящие, неподдельные. А вот многие ли их находят?..

Опыт преподавательской работы у меня еще невелик. Но все же он, помноженный на многолетний рабочий опыт — а в бригаде я постоянно имел дело с молодежью, — дает мне право утверждать, что основы бережливости, уважительного отношения к созданному напряжением ума и сил других людей должны закладываться в семье и школе. Прежде всего с помощью труда.

Профессионально-техническое училище эти основы закрепляет и развивает в новом направлении — применительно к конкретно выбранной специальности. Тут главное, чтобы ребята прочно уяснили: настоящий мастер всегда эконом, расчетлив. И научились этому.

Поэтому мы обязательно организуем для них встречи с лучшими рабочими нашего предприятия. Последняя такая встреча моих ребят, обучающихся специальности машиниста компрессоров, — с Виктором Баландиным. Он первым на «Азоте» решил один обслуживать компрессор — раньше обслужива-

со мной не разговаривает, будто я его кровно обидел. Да еще «нажаловался» на меня другим шофером из «деловых людей». Один из них меня по-отечески пожурил: «Зачем отказываться от того, что само в руки плывет?» Я говорю, что лишние и чужие тонно-километры мне не нужны, я хочу жить с теми, что действительно сам честно наездил. «Ну, если ты такой — живи, — говорит он. — Но только и другим не мешай жить так, как они хотят». И все это с доброй такой улыбкой.

Беспорядков у нас, конечно, все еще много. Но ведь можно бороться с ними, а можно пользоваться ими, стараться загрести побольше, но не за честную работу, а за ловкачество. Я тоже не святым воздухом питаюсь. Но я хочу, чтобы все, что я получаю, было мной заработано честно. А честно — это значит, что ты каждый раз сделал дело с максимальной точностью и ответственностью, так, как делал бы для самого себя.

А прикрываться беспорядками легко. Но только можно тут доприкрываться до потери своей рабочей совести и чести.

Марат КРЕСТЕНКО,
водитель, г. Фрунзе

Наша обложка.
Бородинское поле.
1982 год.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Фотоочерк
«ОТБЛЕСК БОРОДИНА»
на 16-й странице.

- 1** XIX СЪЕЗД ВЛКСМ.
РАБОТА КАК ДЕЛО ЖИЗНИ.
БЕРЕЖЛИВОСТЬ — ЧЕРТА НРАВСТВЕННАЯ.
- 5** Михаил ХРОМАКОВ.
«МЕЛЬ». ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ.
- 6** ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ДИСКУССИЯ:
«ХОЧУ БЫТЬ ПЕРВЫМ».
«ОЦЕНКА БЕЗ КОМПРОМИССОВ».
- 8** Рассказ Ирины СТРЕЛКОВОЙ «ЧУЖАЯ».
- 12** «КРАСНЫЙ ГАЛСТУК КОМСОМОЛЬЦА».
Фоторепортаж Владислава ЯНЕЛИСА
и Владимира ВАСИЛЬЕВА.
- 14** Владимир МИЛЮТЕНКО.
«ЕЩЕ ОДИН БОЙ ПАВКИ КОРЧАГИНА...»
К 50-летию выхода в свет романа Николая Островского
«Как закалялась сталь».
- 16** 170 ЛЕТ СО ДНЯ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ.
«ОТБЛЕСК БОРОДИНА».
Александр КРИВИЦКИЙ, Владимир ЧЕЙШВИЛИ.
- 18** Стихи Михаила ВЛАДИМОВА.
- 22** А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».
- 24** Петр НОВИКОВ. «ПРИБАВЬ-КА САМ!»
- 25** Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 28** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Нозль КАЛЕФ. «ЛИФТ НА ЭШАФОТ».
- 31** Стихи Риммы КАЗАКОВОЙ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАЙН (заместитель главного редактора),
Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

ли двое,—выполнил за пятилетку 10 годовых заданий.

Сначала была экскурсия на предприятие. Ребята впервые увидели, на какой технике им предстоит работать. Машины компрессоров размером чуть ли не с самолет, и такой же, как на аэродроме, неумолчный гул, по которому сразу понимаешь, какие мощности за ним скрываются. Потом в музее трудовой славы был серьезный, обстоятельный разговор с Баландиным. А потом один из моих ребят мечтательно сказал:

— Знаете, Владимир Максимович, вот кончу училище, тоже буду один компрессором управлять, и вы ко мне приведете своих пацанов. Я им тоже объясню, что к чему...

— Чтобы одному с компрессором управляться, знаешь, как надо работать? — Представляю.

— И учиться как надо? — Я понял, Владимир Максимович.

Мне бы только радоваться, а в голову уже старая забота лезет: нет у нас в училище такого оборудования, чтобы я сразу ребят всему, что их на предприятии ждет, мог на нем обучать. На словах могу, только это, сами понимаете, другое.

А все потому, что училище наше устарелое. Это относится и к самому зданию, и к мастерским, и к оборудованию. Учебного оборудования, соответствующего оборудованию заводских цехов, нет ни у электриков, ни у операторов, ни у «киповцев».

И получается: говорим все время об экономии, о том, что надо беречь рабочее время, а в мастерских или учебных классах тратим его на давно наскучивший всем набор операций. Разрыв, не сулящий ничего хорошего.

Есть у нас и особое время — производственная практика. Каким вернется после нее в училище наш ученик? Чему научится? В каких своих взглядах на работу утвердится, какие отбросит?

Многое тут, конечно, зависит от мастера. Во-первых, был ли он в своем учении правдив? Ведь каждый мастер учит не просто специальности — учит рабочей жизни. И вот совпадет ли она с той, в которую окунутся на практике его ребята? Молодежь, она быстра на заключения и выводы, попробуй потом опровергни.

Поэтому самое важное, чтобы рядом с ребятами не оказалось случайных людей, под влияние которых они могли бы попасть. Речь не о создании тепличных условий, а о том, чтобы ребята учились прежде всего у тех, кто на предприятии не работник, думающий только о зарплате, а рачительный хозяин, болеющий его нуждами.

Я, например, спокоен и рад за тех ребят, что попадают в бывшую мою бригаду, которую сейчас возглавляет мой ученик Юрий Петров. Все хорошее, что я своим ученикам рассказывал о работе, людях, они теперь увидят на деле. Увидят, что такое настоящая, серьезная работа. Все оборудование в цехе гидрирования — под высокой нагрузкой, работа круглосуточная, а плановый ремонт — раз в два года. От ремонтника здесь очень многое зависит, и счет во время работы идет на минуты. Побывав в лучших бригадах, потру-

дившись с лучшими нашими рабочими рядом, ребята заметно меняются. Они уже знают, что слова о необходимости экономить каждому на каждом рабочем месте вылились в цехе во всеобщую борьбу за экономию энергии, пара, воды. Что бережливость, дисциплина отличают самых уважаемых там людей, а халтурщиков и прогульщиков, если вдруг нужно, никто не хочет брать с собой в пару. И вообще житье у них в коллективе такое, что завидовать нечему.

Хотя я и проработал на «Азоте» 28 лет, всех на таком огромном производстве знать, конечно, не могу. Так что попадают ребята и к незнакомым мне людям. В таком случае иду к начальнику цеха, техноруку, советуемся. Достаточно ли тщательно подобрана кандидатура наставника? Момент-то серьезный. Недоглядели, а потом в училище слышишь, что в цехе перекуры, когда вздумается, материалы не жалеют, и самое обычное дело сунуть, уходя со смены, в карман понадобившийся в хозяйстве инструмент... Обидно и досадно. Да и неверно по одному-двум нерадивым или нечестным на руку людям судить обо всем цехе. Но как непросто переубедить ребят! Ведь все это происходило на их глазах.

И тут мы подходим к самому важному условию успеха в деле воспитания бережливости у молодежи. Именно жизнь, люди, с которыми молодые сталкиваются, преподают им самые наглядные и запоминающиеся уроки. В том числе уроки бережливости или, наоборот, уроки расточительности, бездумного отношения к окружающему. Дома и в школе, в училище и на предприятии, на улице и в магазине людьми самыми близкими и вовсе не знакомыми даются эти уроки. К ним причастен каждый из нас. И потому нельзя считать, что твое отношение к народному добру, к своим рабочим обязанностям — только твое личное дело. На каждого из нас — хотим мы этого или не хотим, принимаем в расчет или нет — устремлены глаза молодых. И от того, что они видят сегодня, зависит, какими они будут завтра. Давайте помнить об этом.

Я уже давно пришел к убеждению: человек небережливый, неспособный ценить и уважать сделанное его предшественниками, безразличный к труду других — это человек, еще не созревший в чем-то главном, еще не понявший в жизни чего-то очень важного. Юноша или девушка, в которых воспитаны эти качества, граждански зрелее какого-нибудь отца семейства, не понимающего, что и от него зависит, как распорядимся мы всем, что создано нашими же усилиями.

Бережливость, казалось бы, совершенно приземленное, обыденное понятие. Но оно прямо связано с самыми дорогими и обязывающими понятиями нашей с вами жизни.

«Испокон веков бережливость начиналась с отношения к хлебу. Но посмотрите, мчится автомашинка с зерном на элеватор, а следом за ней бежит поистине «золотой» ручеек. А как оценивать ситуацию, когда в магазинах некоторым людям хлеб отпускают корзинами и мешками? На корм домашнему скоту идут отборные батонны. А горы мусора из черствого хлеба! И во всех случаях находится надежный аргумент — за хлеб заплачено!»

Человек во все времена мечтал о том, чтобы вырастить два колоса вместо одного, чтобы хлеба было много-много. «Густое жито веселит», — гласит поговорка. Говорят, что хлеб — наша совесть. Но разве совестью разбрасываются?»

Василий РЕМЕСЛО,
академик,

дважды Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской и Государственной премий СССР

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ, ЖДЕМ ВАШИХ ОТКЛИКОВ!

ТРЕВОЖНЫЙ СИГНАЛ

БУДЕТ ЛИ «АНГАРА» КОРАБЛЕМ-МУЗЕЕМ?

В горах Иркутского горкома комсомола в 1978 г. секретарь Куйбышевского районского комитета Иркутского горкома комсомола Сергей Стрижнев рассказал читателям «Смены» о судьбе легендарного ледокола «Ангара» и о том, как в Иркутске пытаются организовать его превращение в музей.

«Ангара» — это уникальный памятник советской истории. Это первый в мире ледокол, который был построен в СССР. Он был построен в 1932 году на заводе «Красный металлист» в Ленинграде. Его длина составляла 100 метров, ширина — 12 метров, а осадка — 10 метров. Он был способен разбивать лед толщиной до 1,5 метров.

Сейчас он находится в гавани Иркутского порта в слепом Иркутском Обществе комсомольцев. Но его судьба будет предрешена в историческом собрании обкома ВЛКСМ.

В настоящее время для организации работы по превращению ледокола в музей созданы рабочие группы. Они занимаются поиском документов, фотографий и других материалов. Также ведется работа по привлечению внимания общественности к судьбе ледокола.

Мы надеемся, что в скором будущем «Ангара» будет превращена в исторический музей. Это будет большой вклад в сохранение нашей истории.

Гендиректор музея Г. И. Иванов и директор Иркутского областного краеведческого музея В. И. Иванов.

Секретарь Иркутского горкома комсомола С. СТРИЖНЕВ

ТРЕВОЖНЫЙ СИГНАЛ

...И снова — о легендарной «Ангаре»

«Смена» уже писала о том, что инициатором превращения ледокола «Ангара» в музей является секретарь Куйбышевского районского комитета Иркутского горкома комсомола Сергей Стрижнев. Мы уже сообщали о том, что в настоящее время для организации работы по превращению ледокола в музей созданы рабочие группы. Они занимаются поиском документов, фотографий и других материалов. Также ведется работа по привлечению внимания общественности к судьбе ледокола.

Мы надеемся, что в скором будущем «Ангара» будет превращена в исторический музей. Это будет большой вклад в сохранение нашей истории.

Гендиректор музея Г. И. Иванов и директор Иркутского областного краеведческого музея В. И. Иванов.

Секретарь Иркутского горкома комсомола С. СТРИЖНЕВ

Возвращаясь к напечатанному

Михаил ХРОМАКОВ

МЕСЛЬ

О судьбе исторической реликвии, слове комсомольского вожака и о том, как понимают в Иркутске ответственность за это слово.

НА ДВА СЛОВА!

«Ледокол «Ангара», установленный несколько лет назад в заливе, возле Иркутского микрорайона Солнечный, и о судьбе которого не раз писал ваш журнал, по решению нашего горисполкома будет передан Свердловскому району Иркутска с перспективой оборудования под детский клуб».

В. СОКОЛОВ,
секретарь обкома ВЛКСМ,
Иркутск

«СМЕНА», СЕНТЯБРЬ 1978 ГОДА. ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ВОССТАНОВЛЕНИЕ БАЙКАЛЬСКОГО ЛЕДОКОЛА «АНГАРА»... ПО ПРЕДЛОЖЕНИЮ ОБКОМА ВЛКСМ СУДНО БУДЕТ ПРЕВРАЩЕНО В ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ. ОТДЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ КОТОРОГО ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ ПОСВЯТИТЬ СЛАВНОЙ ИСТОРИИ ИРКУТСКОГО КОМСОМОЛА...»

С. СТРИЖНЕВ,
секретарь Куйбышевского райкома ВЛКСМ
г. Иркутска

«СМЕНА», ФЕВРАЛЬ 1980 ГОДА. «...ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТ НА ЛЕДОКОЛЕ «АНГАРА» СОЗДАН ГОРОДСКОЙ ШТАБ... ОСНОВНЫЕ РЕМОНТНО-ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ ПЛАНИРУЕТСЯ ЗАКОНЧИТЬ В АПРЕЛЕ 1980 ГОДА.»

В. ВОРОНОВ,
секретарь Иркутского обкома ВЛКСМ

«СМЕНА», ОКТЯБРЬ 1980 ГОДА. «...ЛЕДОКОЛ «АНГАРА» ПРИЗНАН ИСТОРИЧЕСКИМ ПАМЯТНИКОМ... В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ... ПРОВОДЯТСЯ ВОДОЛАЗНЫЕ РАБОТЫ ПО ПОДЪЕМУ КОРМОВОЙ ЧАСТИ ЛЕДОКОЛА.»

А. ОРЛОВ,
первый секретарь Иркутского обкома ВЛКСМ

«СМЕНА», ЯНВАРЬ 1981 ГОДА. «ТЕПЕРЬ «АНГАРА» ИНТЕРЕСНА ТОЛЬКО ТЕМ, ЧТО РАБОТЫ ПО ПОДЪЕМУ ЕЕ МОГУТ СРАВНИТЬСЯ ПО ВРЕМЕНИ ЛИШЬ С ПОДЪЕМОМ «ТИТАНИКА»...»

А. КОНДРАШОВ,
читатель «Смены»

«СМЕНА», ИЮНЬ 1982 ГОДА. «ЛЕДОКОЛ «АНГАРА»... БУДЕТ ПЕРЕДАН СВЕРДЛОВСКОМУ РАЙОНУ ИРКУТСКА С ПЕРСПЕКТИВОЙ ОБОРУДОВАНИЯ ПОД ДЕТСКИЙ КЛУБ.»

В. СОКОЛОВ,
секретарь Иркутского обкома ВЛКСМ

Три корабля пересекали озеро, таща за собой тяжелые хвосты дыма.

Ледокол «Ангара» шел посередине. Слева резал волну «Кругобайкалец». Справа — «Инокентий». На мостике ледокола люди переговаривались севшими от тумана голосами.

— Комиссар, — окликнул капитан Шевцова. — Ходу двадцать минут.

— Ясно, — сказал Шевцов и, взглянув в черную полосу берега, приказал, не обернувшись: — Готовить десант!

Через несколько минут на палубах забряцали винтовки, матросы засуетились у шлюпбалок.

— Десант готов! — крикнул с палубы боцман. Капитан Базилевский двинул ручку машинного телеграфа.

Шлюпки легли на воду. С берега вдруг ударили пулеметные очереди. Базилевский увидел, как вильнула первая шлюпка, уходя от пули.

Отвечили пушки «Ангары». Разрывы легли у колокольни. Пулеметы заткнулись. В деревне началась паника, чехи-белогвардейцы побежали в балку через огороды, но уже с правого и потом с левого фланга покатились волны десанта, беря белых в кольцо.

Шел 1918 год...

— Вы насчет ледокола? — удивился первый секретарь Иркутского горкома

комсомола Павел Уханов. — Так он не наш. Числится на балансе ДОСААФ... Я позвонил в ДОСААФ. Выяснить подробности не составило труда. Несколько лет назад ледокол был передан с рук на руки горкому комсомола.

— Разве? — оторопел секретарь. — Не может такого быть. Чтобы у нас на балансе целый корабль оказался?

— Павел, — сказал я, — пять лет назад горком комсомола бросил клич: «Восстановим «Ангору!»», «Вторую жизнь легендарному ледоколу!»

— Точно, — сказал Павел. — Было!

— Ну, и?..

— Сейчас я провентилирую этот вопрос...

Через час мы встретились вновь. Этот час я провел, перечитывая пламенные строки призывов: «Комсомольцы и молодежь Иркутска, боритесь за почетное право быть сфотографированными у революционного корабля!»

Если верить планам горкома комсомола, то уже несколько лет на борту ледокола должен был действовать филиал краеведческого музея, материалы для которого собрали пионеры и комсо-

мольцы, мемориал и пост почетного караула, комсомольский клуб... — Значит, насчет ледокола? — заговорил, вернувшись, Уханов и потер ладонью лоб. — Сделайте уже ничего невозможно. Остается одно: разрезать его на куски, а металл сдать.

Белогвардейцы доживали в Иркутске последние дни, но все еще надеялись на помощь семенищевцев и японцев.

На ледоколе «Ангара» постоянно дежурили казаки. Командант станции Байкал, начальник гарнизона штабс-капитан Годлевский в первый же день пригрозил pistolетом капитану Базилевскому: «Чую, что не наш ты человек, смотри, запахнет большевистским духом на корабле, утоплю всех, как ценят».

Заложников — студентов, гимназистов, нескольких людей в возрасте, арестованных в городе в самый канун нового, 1920 года, связали по двое за локти и загнали в трюм. Они услышали, как застучали машины, как заворочался, обламываясь, лед вокруг ледокола.

Стемнело. Арестованных выводили по одному на корму, приказывали раздеться и выложить ценные вещи на стол, дескать, выдать арестантские халаты.

На корме стояли офицеры с pistolетами в руках. «Подходи!» Казак ударил колотушкой по голове, и человек летел за борт...

Хорошков Миша, семнадцатилетний светлогорловый паренек, прыгнул в воду до удара. Один из офицеров несколько раз выстрелил. Годлевский остановил его:

— Чудак вы, однако. Он и двух минут не проработает. Давайте лучше продолжим.

Студент Орландский, студент Корзин... Последней вывели юную и красивую Веру Ермолаеву. Казак ударил.

— Надо принести ведро горячей воды и смыть кровь, — сказал Годлевский, подойдя к вещам заложников. Брезгливо поморщившись, повертел портсигар. Отложил. Выбрал из кучи дамское пальто на кенгуровом меху. «В подарок, господа. Девушки любят подарки».

Казнили на «Ангаре» 31 человека. Один из них — Петр Яковлевич Поручиков, первый комиссар Бодайбинской милиции. Его именем уже в наши годы была названа иркутская улица, в память о тех, кто отдал свою жизнь за установление Советской власти в Сибири.

Я остановил попутную машину: «Подбросите до ледокола?» Водитель посмотрел на меня озадаченно: «К плотине, что ли?» «Ну да». Некоторое время мы ехали молча. «А вы не из Иркутска, наверное?» — спросил водитель. «Почему не из Иркутска?» «Да у нас так не говорят: «до ледокола»».

Мы познакомились. Когда я рассказал Борису Казакову, что привело меня в Иркутск, он коротко рассмеялся и стукнул ладонью по рулю. «Опоздали. Утопил ледокол. Пузыри пустил. Мотало, мотало его по заливу. Горел даже однажды. А теперь все». «Но его же — обком комсомола рапортовал — заканчивали восстанавливать». «Какое там, — опять рассмеялся Борис, — выломали все внутренности — и точка. Да вот он...»

Уткнувшись носом в берег, опрокинувшись на корму, ледокол ушел на треть под воду: канаты, продернутые в ноздри клезов, свернутые жерла вентиляторов, сложенные мачты, погнутые шлюпбалки, пятна ржавчины... «Такие дела», — вздохнул Борис.

Не так уж давно на капитальный ремонт ледокола было затрачено два миллиона рублей. Ледокол был на плаву и чувствовал себя отлично, и наверняка гордился своей биографией рабочего и солдата, отдавшего людям более полувека честного труда.

Это был третий (после «Ермака» и «Байкала») ледокол в России. Пока строилась Кругобайкальская железная дорога, ледокол «Ангара» должен был перевозить через озеро пассажиров и грузы.

И ледокол перевозил, воевал в составе Байкальской военной флотилии, снова трудился... В 1959 году корабль отремонтировали на верфи и торжественно спустили на воду. Но, видимо, началась для него полоса невезения. Весной ледяное поле под нажимом ветра сломало причал, раздавило контуру судоверфи и выбросило «Ангору» на берег. С трудом корабль спустили снова на воду, переоборудовали под плавучий склад, а позже отвели в залив и отдали

ДОСААФ под морскую школу. Никто не мог придумать, как использовать сто его кают, отделанных деревом и бронзой. Может, плавучий санаторий? Может, ресторан? Гостиница? Нашли другой «выход» — пустить ледокол на металлолом. Но за корабль вступились те, кто видел в «Ангаре» историческую реликвию.

— «Ангара», — говорили они, — свидетель и участник революционных событий в Сибири. В конце концов это научно-технический памятник, единственный сохранившийся представитель первого поколения ледоколов».

«Ангару» удалось отстоять. И тут затрубили фанфары: за дело взялся горком комсомола.

В феврале 77-го он принял постановление: «Считать делом чести каждой комсомольской организации, каждого юноши и девушки внести свой достойный вклад в восстановление ледокола «Ангара» и создание на его базе Музея Революции и истории Иркутского комсомола».

В апреле того же года было принято постановление Иркутского горисполкома: «...Управлению коммунального хозяйства выступить заказчиком и завершить предусмотренные проектом работы по переоборудованию и установке ледокола».

И замелкали на страницах отчетов, газет, журналов, зазвучали с трибун фразы, в которых чаще всего попадались звонкие слова: «заканчивается, завершается, достигнуто...»

Да простят мне приверженцы шариковой ручки, но как не сказать: перья скрипели, «работа» шла.

Не станем утомлять читателя долгим цитированием многочисленных рапортов-отписок, созданных иркутскими комсомольскими руководителями. Бумаготворческий их стиль хорошо виден по приведенным на этих страницах коротким выдержкам из пришедших в «Смену» официальных ответов на запросы редакции: «Когда же «Ангара» станет кораблем-музеем?» Обратите внимание, что срок каждый раз называется все более дальний.

А тем временем беспрзорный ледокол носило по заливу. Борьбу за его жизнь на свой страх и риск вел лишь маленький коллектив спасательной станции. Они откачивали воду из трюмов, затыкали щели в бортах тряпками. А когда какие-то хулиганы подожгли ледокол, отважные спасатели отстаивали его от огня...

Минуло еще полтора года. Фанфары прозвучали в последний раз и смолкли. Ледокол затонул.

«Здравствуй, дорогая редакция! Помогите нам спасти «Ангару». На нее взглянуть страшно. Из воды торчат только нос корабля и трубы. Остальное затоплено. На комсомольской конференции Восточно-Сибирского филиала Академии наук делегаты спросили о судьбе «Ангари». Из президиума ответили: «Идею надо отбросить. На восстановление нужны средства. Так что... в ближайшее время его уберут».

Средства? Но сколько же стоит наша история, наша слава? Неужели ее можно мерить на деньги? «Ангара» — наша революционная реликвия, омывая кровью революционеров и пролетариев Иркутска. Неужели мы дадим ей погибнуть?

Мы сказали: «Готовы провести сколько нужно субботников в фонд спасения «Ангари». Ответ был еще категоричнее: «Нет! Этим заниматься не будем».

Помогите нам спасти корабль-ветеран. Комсомольцы Иркутска, внуки и правнуки тех, кто боролся не щадя жизни своей за светлое будущее родного Прибайкалья...»

Но ведь были же уже субботники в фонд «Ангари». Тогда, пять лет назад, поверив благим намерениям горкома комсомола, на призы откликнулись многие. Работая под девизом: «Будет у нас в Иркутске своя сибирская «Аврора», студенты университета, молодежь завода 403 МГА, бригада «Иркутскжилстроя», комсомольцы БАМа отдавали заработок в фонд «Ангари».

— Как были использованы эти деньги? — спросил я Павла Уханова.

— Понимаете ли, — вздохнул секре-

тарь, — мы не открывали отдельного счета. Деньги переводились на счет горкома...

— И куда они ушли?

— Так я же вам говорю, счет общий. Не установишь. Видимо, на какие-то мероприятия.

— А конкретно на «Ангару»?

— Ничего. Горисполком в тот год, когда запели фанфары, тоже выделил пятьдесят тысяч «на ледокол». История о том, как были истрачены эти деньги, напоминает юмористический рассказ.

— Для начала мы углубили дно залива, использовав земснаряд. Это обошлось в 11 тысяч 372 рубля, — рассказывает управляющий ремстройтрестом В. Липатов. — Затем подвели пароход и пришвартовали его к вбитым сваям. После этого обнесли площадку забором, поставили будку сторожа, проложили на борт судна трап. 50 положенных тысяч мы освоили. Но «Иркутспецстрой», строящий набережную, обрубил наши канаты и начал вбивать свои сваи. Мы еле успели увезти свой забор и будку. Что теперь? Денег нам больше не отпускают, сметы нет... А котлован по весне замылю.

— Товарищи бойцы революции! «Ангара» должна идти в важную разведку! — У командующего Байкальской флотилией Луки Власова был зычный голос. — Не всем, может, доведется вернуться назад. Спрашиваю вас, кто готов пролить свою кровь за свободу и революцию? — Власов выдал паузу и скомандовал: «Добровольцы, шаг вперед! Желающих было много. Взяли только бывших фронтовиков.

...«Ангара» встала за мысом. На берег ушла шлюпка с разведчиками. Капитан Базилевский поднял бинокль и отыскал фигурку, скользящую по осыпи к берегу. И тут же из-за леса выкатился бронепоезд. Заворочались башенки, и разрывы всплеснулись у ледокола. Капитан приказал: «Лево на борт! Полный назад». Успеть бы уйти из-под прицельнойвилки! И точно: следующий залп лег точно по носу корабля. Теперь полный вперед на кипящие еще следы разрыва!»

Ударил трехдюймовый «Ангари». Разрыв блеснул на бронепоезде. «Ура!» — закричали артиллеристы ледокола. Еще три удачных выстрела. Бронепоезд попятился, пытаясь отстреливаться, но следующий снаряд свернул ему башню, и, раздувая пары, словно отфыркиваясь, бронепоезд укатил.

Деже Фрид, венгерский лейтенант, член ЦИК коммунистической организации иностранных рабочих Сибири, командир интербригады, вспоминал: «Действия флота настолько беспокоили белых, что они постоянно занимались выяснением задач большевистского флота на озере Байкал».

Когда колчаковцы подошли к Байкалу, комиссар Шевцов собрал отряд. «Путь закрыт, остается одно — высаживаемся на берег и прорываемся в Читу». Сбросили в море пушки, снаряды, пулеметы. Несколько дней «Ангара» ходила лишь с судовой командой, за ней охотились белогвардейцы. В конце августа ледокол взяли в плен.

В 20-х годах балтийские моряки водрузили на «Ангару» четыре орудия, пулеметы, радиостанцию. Ледокол стал называться по-военному «канонерской лодкой». Канонерка ходила к Усть-Баргузину, высаживала десант для подавления белогвардейско-кулацкого восстания.

Известна большая роль, которую ледокол сыграл в Великой Отечественной войне: на его плечи легла основная тяжесть озерных перевозок.

— Думаю, — поделился со мной Уханов, — «Ангара» никакой исторической ценности не представляет. Поэтому ее и резать собирались.

Но просто так разрезать корабль теперь было нельзя. Не так давно усилены общества по охране памятников ледокол был зачислен в список памятников науки и техники. Но оттого, что имя ледокола всплыло в списках, самому ледоколу не полегчало, он по-прежнему шел ко дну.

Итак, флагман Красной байкальской флотилии, сражавшийся с белогвардейцами, плавучая батарея байкальского фронта, участник борьбы с контрреволюцией на Байкале, канонерка военной флотилии, памятник техники, символ революционной и трудовой славы края затонул на глазах горкома, а он продолжал бездействовать.

— Как же, — обиделся Уханов. — Око-

ло тридцати субботников провели.

— Сколько?! — удивился я.

— Ну, а немного преувеличил, — сказал секретарь. — Но точно три-четыре непосредственно на ледоколе было.

— А что сами вы конкретно делаете для того, чтобы помочь «Ангаре»?

— Я вхожу в штаб по вопросу ледокола.

— Ну, а что делаете конкретно?

— Хожу раз в месяц к председателю исполкома. — И Павел показал на потолок.

В краеведческом музее экскурсия надолго останавливается у стенда «Ангари». «Это особая глава революционной истории нашего края, — говорит экскурсовод. — Поэтому хочется рассказать о ней подробнее».

Под стеклом экспонаты: небольшая модель ледокола, фотография пулеметчика с «Ангари», перепоясанного пулеметными лентами, документы капитана Базилевского, фотоснимки верфей, ледокола, рядом деревянная дубинка, колотушка, обычно служащая для обивки льда с палубы, — орудие убийства...

Во время суда над палачами она служила вещественным доказательством.

— Вы знаете, — говорит мне экскурсовод Надежда Полищук. — Я ощущаю почти физическую боль, когда вижу нашу «Ангару» в ее беспомощном состоянии. Коробит такое демонстративное пренебрежение к родной истории, становится стыдно за людей.

Ах, Надя, слышали бы вас те веселые злоумышленники, которые по пьяной лавочке открыли кингстоны «Ангари», когда она еще стояла в заливе, чтобы посмотреть, как тонут корабли. Те сорванцы, которые дважды поджигали ледокол, чтобы посмотреть, как корабли горят. Те чиновники, чье равнодушие и невнимательная инертность куда опаснее ацетиленового резака...

Но есть ведь и иные... Помните ту маленькую команду спасательной станции, которая отважно спасала ледокол? Представьте, товарищ Уханов, никто им этого не поручал.

Много можно назвать имен тех, кто выходил на субботники, кто был настойчив, не позволяя уничтожить ледокол... Виктор Денгын, по крупицам воссоздавший историю «Ангари», затратив не один месяц вдумчивого труда. Михаил Денискин, выступавший в областной печати с материалами в защиту ледокола. Ребята из общественного конструкторского бюро под руководством Александра Гулицкого, восстановившие по макетам и снимкам облик корабля. Рабочий Сергей Кудимов, пришедший в горком: «Чем мы можем помочь «Ангаре»? Комсомольцы, нарисовавшие «Комсомольский прожектор» — «Ледокол посылает SOS!» — и вывесившие его в вестибюле горкома. Через полтора часа Уханов «прожектор» конфисковал...

Да, вместо памятника революционной славы горком комсомола создал памятник собственной беспринципности. Не этим ли вызвано такое навязчивое стремление убрать «Ангару» поскорее с глаз долой?

Корабли поднимают даже со дна моря. Нужны специалисты? Но давайте обратимся к тем, кто этими специалистами располагает. Разве Министерство речного флота откажет в помощи? Нужны инженерные кадры? Но, простите, ведь Иркутск — один из вузовских городов Сибири. Думаю, студенческие конструкторские бюро с удовольствием возьмутся помочь ледоколу.

Нет средств? Но ведь обкому комсомола известно, что хватало бы двух-трех субботников комсомола Приангарья, чтобы с лихвой покрыть расходы. Так в чем же дело?

Ледокол, легко управлявшийся с байкальскими льдами, не смог проломить лед равнодушия. Благополучно избегавший мелей на самых сложных фарватерах, сегодня он прочно сел на мель голословных обещаний.

Читательская дискуссия: «Хочу быть первым»

ЕМУ БЫЛО 23...

Дорогая «Смена»!

Нас, членов городского пионерского штаба, взволновала дискуссия, ведущаяся на твоих страницах. У нас давно существует девиз: «Не тот первый, кто впереди идет, а тот первый, кто за собой ведет». Именно так мы понимаем главную черту лидера любого масштаба. Кто способен повести за собой людей? Тот, кто отличается в труде, кто занимает высокую нравственную позицию, кто способен понимать другого человека, кто всегда готов прийти к нему на помощь. И потому нам очень не нравится сама постановка вопроса в письме А. Козаря: «Хочу быть первым!» Обязательно и непременно первым! Но зачем, во имя чего? Можно ведь быть рядовым работником и одновременно первым в своем коллективе.

Но вот еще о чем подумали мы в связи с дискуссией. Очень часто бывает, что живет человек и вроде бы ничем не отличается от других, и окружающие в текущей дел не обращают внимания на то, какую роль он играет в их жизни. И вдруг происходит что-то неординарное, и этот человек предстает совсем в другом свете перед нами.

В этом году мы потеряли нашего друга Бориса Усеинова, который погиб при исполнении служебных обязанностей. Ему было всего 23 года, работал он шофером такси, биография его ничем не отличалась от биографий его сверстников: учился в школе, служил в армии, работал, занимался на подготовительных курсах МАДИ, собирался жениться. Но было у Бориса качество, которое отличало его от других, — это постоянное увлечение общественной работой. Знаменосец в пионерской дружине, член районного и городского пионерских штабов, знаменосец пионерской организации города Москвы, активный комсомолец в армии и молодой коммунист в последние два года. Десять лет он жил рядом с нами, и все мы любили его. У него было много друзей, и он умел быть очень нужным всем. Одна из наших девочек не случайно сказала о нем: «Он был удивительно светлым человеком». Борис всегда располагал к себе, с ним всем всегда было хорошо, он мог ободрить и поддержать в трудную минуту. Вокруг него всегда был какой-то особый микроклимат. Если он организовывал крупное мероприятие, где участвовали сотни ребят, то его пунктуальность, умение все предусмотреть, требовательность к помощникам говорили о незаурядных способностях лидера.

Борис мог простоять всю ночь на посту на турслете, пожалев будить уставших ребят, нести в походе, кроме своего, еще чей-то рюкзак. Сделав свою работу, обязательно помогал товарищам и при этом делал все весело и легко, хотя мы, близкие его друзья, видели и его усталость и мозоли на руках. И все-таки мы не знали, как много он значил для других людей. Когда Бориса не стало, нас потрясло, что в последний путь его провожало более двухсот человек, и это были далеко не все, кто смог прийти, приехать, прилететь... Оказалось, что и в таксопарке он пользовался огромным авторитетом у руководства и товарищей по работе, был одним из лучших водителей. Представитель таксопарка так и сказал на траурном митинге:

ОЦЕНКА БЕЗ КОМПРОМИССОВ

Борис Усеинов был настоящим человеком».

Вот, на наш взгляд, что всегда выделяет лидера — его способность быть «настоящим человеком». Борис никогда не стремился к лидерству, но он был им фактически и в таксопарке, и в Доме пионеров Москворецкого района, где многие годы был членом районного пионерского штаба, и среди слушателей подготовительных курсов МАДИ, и когда служил в армии.

Мы за такого лидера!

Владимир СИДОРОВ,
старший пионерский вожатый
средней школы № 40
г. Москвы
Сергей БАЛАКИН,
студент МЭИ

ЧТО ДОРОЖЕ ВСЕГО

Хочу обратиться к В. Владимирову от лица тех, с кем он собирается «спорить до посинения» по вопросу: «Нужны ли красивые вещи человеку и в каком количестве?»

Но прежде всего я скажу, что мне 22 года и у меня есть весь тот «джентльменский набор», о котором Владимир несколько раз упоминает в своем письме, а именно: дубленка, джинсы, дача, машина и пр. Хотя машина папина, но я на ней давно езжу. Мои родители не занимают высоких должностей, просто работают инженером и врачом. Нас детей, у родителей трое. Старшие уже живут самостоятельными семьями. Я, младшая, пока дома.

Владимиров несколько раз перечисляет в своем письме тот набор материальных благ, о котором мечтает. Но если он разумный человек, а не маньяк, то у него должен быть какой-то предел в приобретении этих благ. Ну, в самом деле, зачем человеку пять дубленок, шкафы одежды, несколько машин?

Предполагаю, что у него шикарная квартира, обставленная импортными гарнитурами. Но согласитесь, Владимиров, теперь, когда вы все с таким трудом приобрели, все достали, можно бы и начинать жить по-человечески. Но вот вопрос — как? Ведь просто жить вы уже разучились. Остается одно: разрушить все и начинать на новом месте.

Хоть Владимиров и уверяет, что всего добился в жизни, меня, когда я читала его письмо, не покидало ощущение, что написано оно с тревогой. Он все время кому-то доказывает, что живет правильно, что только так и стоит жить. А мне кажется, что он просто боится узнать, что есть на свете люди, живущие иначе, чем он, и счастливой его. Ведь счастье — это не жизнь без забот и печалей, как сказал Дзержинский, счастье — это состояние души. А где же ваша душа, бедный В. Владимиров? Вы, по-моему, несколько опоздали с вашим «джентльменским набором», им сейчас никого не удивить, и стеллажами нечитанных книг тоже. Сейчас в моде совсем другое. Уверена, вы не догадаетесь, что. Самая обыкновенная интеллигентность. Торопитесь достать. Она стоит дорого, но зато вес и авторитет в обществе гарантирован.

Марина МАКАРОВА,
Тула

Продолжаем нашу дискуссию, начатую в первом номере этого года. Мы получаем десятки писем, авторы которых не просто поддерживают или осуждают взгляды двух молодых инженеров, но размышляют и о собственном нравственном выборе. Как справедливо заметил один из участников дискуссии, Александр Жилев, статью которого мы опубликовали в 8-м номере, дискуссия — это своего рода «мозговая атака», призванная не разложить все по полочкам, а лишь найти в проблеме рациональную позицию, выработать общественную точку зрения на явление. Именно эту цель мы и преследуем, публикуя очерк и ваши письма, дорогие читатели.

Надежда АЖГИХИНА

ТАКОЙ ТАЛАНТЛИВЫЙ...

Я обрадовалась, встретив Вадика. Не видела его лет пять, со школы. Мы никогда не дружили, вообще не помню, были ли у него близкие друзья. Но Вадика любили и тянулись к нему — никто не умел так представить в лицах, скажем, сценку из школьной жизни, и мы умирали от хохота, поражаясь его способностям импровизатора. Он придумывал себе невероятные занятия: в седьмом классе вступил в переписку с академиком-математиком, предлагал новые доказательства известных теорем, а в девятом прославил нашу школу, победив в телевикторине для старшеклассников. В общем, Вадик был самой популярной личностью в нашей московской школе. Даже учителя обращались к нему на «вы».

Не почитал его только наш историк, Юрий Иосифович Косачевский, маленький плотный человек, которого вся школа боялась за едкий ум и называла за глаза не иначе как Косачом. Косач имел обыкновение вызывать Вадика в самый разгар очередного увлечения и публично выявлять его невежество. Вадик отвечал что-нибудь с потолка. «Как же так? — удивленно поднимал брови хитрый педагог. — Ведь на прошлом уроке мы разобрались», — и задавал каверзный вопрос. Вадик на ходу начинал придумывать ответ, запутывался, злился, а Косач, оперевшись на длинную указку, слушал его внимательно, не перебивал. Наконец Вадик выдыхался окончательно и замолкал, и Косач говорил нараспев: «Ну, голубчик, вы артист!» И ставил двойку. Он в Вадика не верил.

После десятого класса Вадик, как и хотел, поступил в энергетический, и некоторое время до нас доходили слухи о его необычайных успехах и славе — организовал студенческий театр, с которым занял третье место на московском фестивале, выступил в научном журнале с переводом немецкой статьи по парапсихологии, хотя в школе учил английский...

В нашей памяти Вадик оставался неутомимым оптимистом, вундеркиндом. Вадик — недостижимый пример, Вадик — воплощение безграничных человеческих возможностей, наша гордость, его ждет удивительное будущее...

Вот почему я очень обрадовалась, встретив его на Калининском проспекте возле Дома книги.

— Вот, посмотри, — сказал он, будто мы виделись не пять лет назад, а вчера. — Уникальная вещь, самое полное издание, — и распаковал пухлый сверток, перевязанный магазинной бечевкой. Внутри оказался таджикско-русский словарь.

— Зачем тебе? — изумилась я.

— Перевожу таджикского по-

эта, — просто и значительно сказал он.

— И давно этим занимаешься?

— Только приступил. Для начала надо язык подучить. Понимаешь, поэт неизвестный, его еще никто не переводил.

«А ведь ты, помнится, никогда не писал стихов, вообще литературой не интересовался?» — хотела спросить я, но не спросила — в глазах Вадика была такая уверенность в успехе, будто блестящий перевод уже у него в руках, и он улыбнулся — точно так же, как шесть лет назад улыбался с экрана, получая приз. Это была улыбка человека, привыкшего быть первым.

Оказывается, из МЭИ он ушел. Теперь — на втором курсе философского факультета университета и, между прочим, подумывает уйти в ГИТИС на театроведение. Нет, самостоятельность бросил, нестоящее занятие, зато недавно собрал приставку к магнитофону, сам придумал сложнейшую схему, полгода возился, а теперь, со снисходительным смешком сказал он, вся группа не вылезает у него из дома, музыку слушают.

Вроде бы все в порядке, и настроение у Вадика хорошее и рассказывает он интересно, как обычно. Но мне кажется, что-то не так. Может быть, Вадик мне не все рассказал? Или мне самой хочется сказать ему что-то очень важное, необходимое?..

— Слушай, — говорю я, — что ты сегодня делаешь?

— Не знаю... А что?

— Пойдем в гости? К моей тетке. У нее как раз собирается старая университетская компания... Ну что, идем?

— Не знаю... — Взгляд его скользнул в окно троллейбуса. — Давай еще созовимся...

Он, конечно, не позвонил. И в гости я отправилась одна.

А там была старая компания: тетkina подруга Элеонора с мужем, чета Устиновых, Борис Петрович и, конечно, Максим. В детстве я постоянно слышала про него: Максим руководил первым университетским джаз-оркестром, занимался каратэ задолго до того, как этот экзотический вид борьбы вошел в моду, приводил преподавателей в восторг неожиданными и остроумными ответами, его считали очень перспективным физиком и называли «наш Ландау».

Он был сегодня именинником — на днях защитил кандидатскую, что, впрочем, не составило для него особого труда, и он неподражаемо рассказывал забавные истории про своего научного руководителя и о процедуре защиты. Максима все поздравляли, и Борис Петрович позвал его к себе в лабораторию работать.

Борис Петрович скоро ушел. Весеелье продолжалось без него. Элеонора

ра вспомнила про Норвегию, где год преподавала, про ни на что не похожий язык. Максим заявил, что все это ерунда, что он может на спор выучить норвежское стихотворение. Все затихло. Элеонора прочитала длинный, странного звучания перевод. Максим тут же его воспроизвел. Произношение, правда, смахивало на английское, но... Элеонора развела руками. Все молчали, потрясенные. Максим выиграл пари.

Вот тогда я и пожалела, что Вадик не пришел. И поняла, зачем мне вдруг захотелось позвать его сюда. Я позвала его, чтобы познакомить с Максимом, потому что для теткиной компании Максим был то же, что Вадик для нас, и теперешний сорокапятитетный кандидат наук — это, быть может, Вадик в будущем. Мне вдруг стало грустно.

Но почему, собственно? Разве плохо быть Максимом? Кандидатскую защитил, остроумный, обаятельный, знает тысячу вещей...

Да, но почему ученым с европейским именем стал не он, «будущий Ландау», надежда факультета, а его бывший сосед по общежитской комнате — Борис Петрович? Он, как рассказывали, на первом курсе не обнаруживал никаких способностей, никто на него надежд не возлагал, тем более что ему в ту пору было уже двадцать четыре года, а не восемнадцать, как остальных студентам. Борис Петрович сделал карьеру головокругительную: через три года после защиты диплома совершил серьезное открытие, через десять лет стал профессором, а теперь зовет в свою лабораторию Максима. Интересно, помнит ли он, что у Максима списывал контрольные по математике?

Максим помнит. Поэтому сегодня он на спор стал учить норвежское стихотворение, искрился остроумием весь вечер — очаровал всех и выиграл, ведь, выиграл пари! Максим чувствует себя победителем, а мне все время кажется, что за весельем он пытается скрыть свое поражение, сам себе боится признаться, что он побежденный.

Потому что он, надежда курса, так и не стал «вторым Ландау». Не стал даже Борисом Петровичем, которого теперь все считают талантливым исследователем. Удивляются его интуиции, смелости и фантазии. Но ведь на первом курсе в него никто не верил. Мало того, он сам признавался, что в ту пору не чувствовал тяги к физике. Но он заставил себя полюбить эту науку, воспитал работоспособность и вырастил собственный талант.

Почему же Максим, у которого было все — энергия, способности, перспектива, наконец, молодость и здоровье, — крупным специалистом так и не стал?

Я думаю, что у Максима не было одного — он не мог, не умел посвятить **себя** главному делу жизни. И поэтому проиграл битву за собственный талант. Да, да, именно битву — ведь за талант надо бороться. Бороться с ленью, с разбросанностью. Бороться трудом. Одних способностей, пусть самых выдающихся, для таланта мало. Нужны огромная воля и сосредоточенность, нужна узда для самозабвения, нужен постоянный тяжелый труд.

Не хочется, чтобы Вадик повторил судьбу Максима. Пусть у Вадика будет будущее, которое ему предсказывали. Пусть станет личностью, каких немного. Ведь у него есть для этого все данные, самые незаурядные способности. А на что он их пока тратит?

Конечно, Вадик в рекордные сроки

выучит основы таджикской грамматики и поразит всех знакомых. Но по сравнению с профессиональными переводчиками его работа окажется ученической — будет не хватать знания тонкостей языка, опыта работы со словом. Но Вадик не пойдет к профессионалам, он не собирается становиться переводчиком. Так же, как не думал посвящать жизнь радиотехнике, собирая приставку к магнитофону. И не важно, что схема, до которой он додумался, давно известна и любой специалист сделает ту же работу в десять раз быстрее, — удивительно то, что сложный прибор собрал студент философского факультета. И снова Вадик на высоте. Хотя и философии он, как выяснилось, не хочет себя посвящать. Не потому, что философия ему неинтересна. Просто Вадик никогда не умел посвящать себя целиком чему-то одному, главному. Он как бегун на короткие дистанции — умеет собраться только на небольшой промежуток времени, и результаты поражают.

Но задумаемся: а на что вы направлены эти результаты? Чтобы удивить товарищей по группе? Или чтобы просто быть первым?

«Хочу быть первым!» Что может быть благороднее такого желания? Первыми хотели быть и Коперник, и Магеллан, и Пири — открыватели и таланты во все времена. Вадик никогда не хотел быть первым среди первых. Он хотел быть первым среди дилетантов: физиком — среди философов, языковедом — среди энергетиков, артистом — среди нас, обыкновенных школьников.

Вспоминаю Косача, нашего вездного историка, и думаю: «А вдруг из Вадика и впрямь ничего путного не выйдет?»

Верить в это не хочется. Я еще и еще раз пытаюсь понять, почему же это так все с ним получается, почему он разбрасывается, не ставит перед собой высоких целей, почему боится потратить себя и свои способности на серьезное дело.

И вот такая странная мысль приходит мне: а не потому ли, что был он в школе слишком способный, что все так легко ему давалось, что окружающие слишком верили в него?

Разве не знаем мы вот такие, к примеру, истории? В школу поступил мальчик со способностями выше средних. Таблицу умножения он выучил моментально, задачку решил, диктант написал без ошибок, а остальные еще мучаются, соображают. Ему скучно. Он очень быстро понимает свое особое отличие от товарищей. Пусть не самый сильный, не самый красивый — зато самый способный, так говорят все. Слова с годами варьируются — способный, одаренный, талантливый, наконец — очень талантливый... Мальчик привыкает к этой этикетке, она как несмываемое клеймо принадлежности к касте избранных. И он начинает думать, как укрепиться в этом звании, старается удивить окружающих, показать свои необыкновенные возможности, кидается из стороны в сторону — все ему удается одинаково хорошо. Об уроках думает немного — можно и не заниматься, все равно нагоню, пока другие потеют. Ведь спрашивают со всех одинаково. Постепенно эта способность удивлять превращается в необходимость: нужно удивить, чтобы самоутвердиться, — вундеркиндство становится профессией...

Судьба одного из это Вадика? Почему-то стало престижным слыть не зубрилой-отличником, а бравировать собственной ленью — она только подчеркивает одаренность. Не посещать лекции, а на экзамене удивить преподавателя парадоксальным, остроумным ответом, за который профессор, привыкший к затверженным из учебника фразам, простит поверхностность. Если что-то не удалось — не беда, единичный случай, я

ведь способный! Так поверхностность знаний постепенно становится принципом.

Умеете вовремя произнести изящную фразу, придумать неожиданный вывод — и вы на высоте. Вы любимы преподавателями, в почете у товарищей, в ваше блестящее будущее все верят. А тем временем память без постоянной тренировки слабеет, способности притупляются, умения и желания работать над собой не возникают. Но все кругом говорят: «Он такой талантливый...»

Между тем талант — это движение с ускорением. Талантливый человек быстрее и легче других преодолевает трудности, больше успевает сделать, постоянно наращивает свой потенциал. Но почему же тогда еще нередки случаи, когда одаренный юноша топчется на месте или движется с большим замедлением?

Один из ответов на этот вопрос, думается, может быть и таким: потому что ему, способному, некуда спешить. Никто не ставит перед ним сверхсложных задач, никто не заставляет бежать быстрее других. Требования к нему и в школе и в институте те же, что и ко всем остальным ученикам. Дарования только приветствуются всеми. Но все-таки ими никто не занимается. Способный сам пробьется, так часто и говорят.

Мы привыкли считать, что талант — личное дело каждого. Но разве талант не принадлежит обществу? И разве не в наших общих интересах помочь одаренному ученику?

Так почему же тогда мы позволяем способным людям бездельничать, стоять на месте? Почему мы всех школьников, всех студентов приравниваем к общему знаменателю, почему нас интересует масса, средний уровень, а не каждый ученик в отдельности? Получать-то мы будем не от некоего безликого знаменателя, а от конкретных людей.

Почему у нас такие негибкие школьные учебные программы, рассчитанные на средний уровень способностей? Ведь способности у всех людей разные и то, что одному дается с трудом, другому легко. Мало внимания уделяется и индивидуальной работе с учеником. В лучшем случае это — натаскивание отстающих до среднего уровня. У тех же, чьи задатки и способности чуть выше среднего, стимула развиваться дальше нет. Вот потому-то Вадик и прыгает из института в институт, потому многие очень перспективные студенты после окончания вуза становятся средненькими инженерами, неудачниками с непомерным самолюбием.

А что, если бы у каждого школьника или студента был бы личный, индивидуальный план занятий? Ведь если школьник-вундеркинд станет работать по усиленной, ускоренной программе, у него может появиться вполне конкретная и доступная цель — десятилетку, например, закончить за восемь лет? Не надо бояться лишней нагрузки — всякая творческая нагрузка только во благо. Конечно, все эти планы должны быть согласованы с преподавателями, скорректированы ими. А сам процесс образования станет более творческим, более живым, учитывающим и развивающим возможности каждого молодого человека.

Давайте более требовательно, более внимательно относиться к одаренным ученикам! Им подчас труднее, чем среднеспособным, найти себя. К счастью, их, одаренных, среди теперешних учеников немало. Но настоящий талант — все равно редкость.

Так пусть же больше талантов растет вокруг нас. От этого всем нам станет только лучше.

**Итак,
дискуссия продолжается.
Ждем ваших писем,
дорогие читатели!**

ЧУЖАЯ

Ирина СТРЕЛКОВА

РАСКАЗ

День, с которого все и началось, был вполне обычным для ноября, холодным и пасмурным. По лужам бежала мелкая рябь, шоссе запыло слякотью, навезенной с проселков, ветер начал голые и кривые деревья. Русская дорога в непогоду умеет нагнать тоску, а Козлов и без того ехал в Строгино, в дошкольный детский дом, не по своей охоте. На него в техникуме частенько сваливали общественные дела, от которых другие умели отбояриваться. Коллеги пользовались тем, что Александр Иванович — мямля, размазня. Он и сам знал, каков его несчастный характер. К сорока годам Александр Иванович изучил себя вполне и всегда сразу же отступал, едва на него принимались давить и нажимать: зачем тянуть, если все равно сдашься?

В этот раз Александру Ивановичу досталось вести детдомовцам книжки и игрушки. Обычно в техникуме перед праздниками собирали деньги на подарки для подшефного детского дома. Но той осенью одна из преподавательниц всех убедилась, что нынче трудно достать хорошую детскую книжку и игрушку. Зато сколько всякого добра есть по домам — и в отличном состоянии! Наши дети уже выросли из многих своих книжек и игрушек, а для детдомовских дошколят эти забавы в самый раз, да и по цене, по качеству они выше, чем купили бы новые... В каждом коллективе обязательно найдется такой живой, практический ум. Его слушают непременно, а потом жалеют, но уже поздно. В техникуме преподаватели досадливо обходили взглядом растрепанную кучу книжек и игрушек, собранную с таким энтузиазмом. Но дело сделано, не разбирать же по домам, да и не купишь уже перед самыми праздниками ничего приличного. Словом, в детский дом отрядили уступчивого Александра Ивановича.

В Строгине он сошел с автобуса и пошел старым барским парком. В аллее вековых лип застоялся мокрый гнилой воздух, с веток поливало за шиворот. Александр Иванович остушился в луже и промокнул ботинки.

«Ладно, в моем положении чем хуже, тем лучше», — костерил он себя, перекадывая из руки в руку увесистую сумку. Сам он за неимением детей и старых детских игрушек принес в общую кучу купленного в магазине оранжевого пластмассового зайца-урода. Но ведь не вынешь, не вручишь его от себя лично. «Шляпа я, — терзался Александр Иванович, поднимаясь по ступеням старинного дома с колоннами. — Тюфяк я и мокрая курица, а не мужчина».

Массивная резная дверь сама растворилась перед ним, как в детской сказке. Из сырого пронизывающего холода Александр Иванович попал в теплый домашний уют, в просторную переднюю с изразцовой печкой, с множеством симпатичных узеньких шкафчиков с отделениями для платяшек, шапок, резиновых сапожек. Александра Ивановича поразило, что все эти детские вещицы подобраны по цветам, к красному пальтишку — красная шапка и красные сапожки, к синему — синие, к зеленому — зеленые. И ни единой пары одинаковых одежек, все разные. «Со всем они тут не покинутые сироты, нуждающиеся в нашей благотворительности». Александр Иванович критически обозрел себя со стороны: скучный гость с ворохом старья, существо, чужеродное для этого дома, не повернуть ли ему обратно, пока не увидели хозяева.

Но старуха в синем халате, открывшая перед ним дверь, уже стаскивала с него мокрое пальто. Александр Иванович покорно отдал ей шляпу с волчьими обвисшими полями. Она повесила пальто и шляпу сушиться возле синей изразцовой печи и подала Александру Ивановичу войлочные домашние туфли.

— Ступайте, — распорядилась старуха, когда он переобулся. — Сумочку-то с собой прихватите.

Со своими жалкими подарками он пошел вверх по мраморным ступеням, весь лестничный марш был уставлен по обе стороны разлапистыми пальмами, мощными фикусами, ухоженными олеандрами, чайными розами и еще какими-то неизвестными ему крупными растениями. Наверу отворилась высокая белая дверь, выплеснулись звуки рояля и топот множества быстрых ног, появилась высокая полная женщина в белом накрахмаленном халате. Александр Иванович понял, что она тут главная. И что она красивая женщина. Он молча плюхнул к ее ногам свою увесистую ношу.

— Прощу ко мне в кабинет.

Он мельком прочел на белой двери табличку с обозначением должности: «Директор Молчанова А. М.». В кабинете его усадили на диван в белом чехле, директор Молчанова раздериула «молнию» на сумке, заглянула внутрь, потом оглядела несчастного, виноватого Александра Ивановича и миглом все поняла. Молчанова А. М. (Анна Михайловна, как он потом узнал) оказалась не только красивой, но и умной, проницательной женщиной.

— Ну, ну... — Она побарабанила по столу пальцами с коротко остриженными ногтями. — Что-то надо придумать. Я не могу оставить детей без подарков. Дети вас так ждали...

Они действительно его ждали. Только он вошел, оля на него налетели, облепили со всех сторон, ужасно подвижные, легкие, горячие, они карабкались по нему все выше и выше, добрались до плеч... Александр Иванович испугался, что упадет со всей кучей, присел на корточки. Бесенята все скопом повалили его на пол, запрыгали вокруг. Лежа на полу, он наконец увидел, какие они. Совсем крохи и почти первоклассники, хитрецы и протаски, щекастые колобки и тщедушные шиклетки... Александр Иванович еще бы полежал на полу, полюбовался на маленький пестрый народец, но Анна Михайловна хлопнула в ладоши, малыши, как солдатики, рассыпались по залу, заняли свои позиции, помеченные меловыми крестиками на паркете. Не все сумели сразу отыскать, где их крестики, пометались по залу, направляемые сердитым шепотом более сообразительных сверстников, наконец остановились где положено и готовно замерли, впериw глазенки в Анну Михайловну. Она сделала знак рукой, сидевшая за роялем музыкальная руководительница в длинном концертном

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

платье с открытыми плечами, с искусственной розой в высокой причёске гряднула что-то бравурное. Анна Михайловна хлопнула в ладоши, и малышня принялась старательно выделывать наклоны и приседания, колотить воображаемыми топориками воображаемые дровишки, стрелять ввысь из воображаемых луков, скакать на лошадках, и скользить, будто на коньках. Александр Иванович догадался, что за образец взято спортивное представление в Лужниках.

Близилось время раздачи подарков, малышня все нетерпеливей поглядывала на внесенную в зал сумку. Анна Михайловна заулыбалась таинственно и сказала на ухо Александру Ивановичу:

— За такое шефство больше на порог не пуцую! — С этими словами красавица ухватила пальцами его за плечо, вывела на середину зала. — Дети! — Хлопок в ладоши, от которого он вздрогнул. — Дети, вы уже знаете, кто вам сегодня привез подарки. Но вы еще не знаете, — она покачала головой, — с какими приключениями добирался к нам Александр Иванович. — Он опешил, не понимая, куда она клонит. Анна Михайловна сделала страшное лицо. — За ним волк гнался, не догнал. Баба Яга хотела поймать, не поймала. Доскакал наш храбрый гость до детского дома. Но вот беда, — Анна Михайловна пригорюнилась, — игрушки и книжки в дороге немножко пострадали и от Бабы Яги и от волчьих зубов.

Что тут началось! Малышня пришла в восторг. Получив подарок, каждый подбегал к Александру Ивановичу и показывал на книжке, на игрушке следы волчьих зубов и когтей Бабы Яги. Слава богу, отыскалась небольшая царпинка и на оранжевом новехоньком зайце. Анна Ивановна пошептала с зайцем и серьезно пояснила крохотной девочке:

— Он у тебя молодец, не растерялся. Знаешь, что он мне рассказал? Что увидел волка и спрятался на самом донышке сумки.

Девочка-шкилетик крепче ухватила своего хитрого зайца и убежала. Праздник продолжался. Александр Иванович вместе с детишками пил чай и ел праздничный пирог. Его водили по спальням и просили, чтобы он потрогал подушку, полотенце, пижамку: «И мою! И мою! Читай вышитое мое имя!» Его хватили за руки, дергали за рукава, за полы пижамки. «Посмотри, я нарисовал слона. Похоже? А это море и подводная лодка».

Со всех сторон ему совали рисунки, вязание и плетение, фигурки из разноцветного пластилина, и все время он чувствовал касание горячих влажных лапок, тайную детскую тоску по близкому человеку, своему, собственному. Наконец его привели обратно в зал, усадили в старинное кресло на золоченых ножках, дети расположились справа и слева от него на стульчиках с яркой хохломской росписью, музыкальная руководительница в длинном платье отвесила публике театральные поклоны и села за рояль. Начался парадный концерт, смотр дарований, русские матрешки и гопаки, лебеди в марлевых пачках и клоуны с картонными носами, полная программа, в ней все блистали талантами, почетный гость хлопал так, что вспули ладоши.

Краем глаза Александр Иванович примечал, как давешняя девочка-шкилетик умудрялась при каждой смене концертных номеров передвинуться на своем расписном стульчике. Она перемещалась с ожесточенным упорством все ближе и ближе к нему. До жалости нескладная, с непомерно тяжелой головкой на тонкой шее, с редкими волосиками на темени, лягушачьим ртом, острым длинным подбородком. Александр Иванович увидел ее рядом, возле ног. Она слезла с хохломского стульчика, прислонилась к коленям Александра Ивановича и с неожиданной ловкостью всцарапалась наверх, легкая, как котенок, молча повозилась на коленях, устраиваясь поплотнее, и замерла. Александр Иванович

не смел пошевелиться. Маленькая липкая ладошка отыскала его ладонь на подлокотнике кресла, всунулась в нее и притихла.

Анна Михайловна властной рукой подала знаки музыкальной руководительнице. Та захлопнула крышку рояля и встала, представительные закончилось.

В передней старуха в синем халате принесла Александру Ивановичу высохшее пальто, расправленную шляпу, теплые с печи ботинки. Дети толпились наверху и кричали:

— Дяденька Александр Иванович! Приезжайте!

Девочка-шкилетик по-взрослому отвернулась, крепко прижимая к себе оранжевого зайца. Уже одетый, в пальто, Александр Иванович взбежал по мраморным ступеням, чмокнул ее в макушку:

— Я обязательно приеду.

«Это судьба», — твердил он по дороге из Строгина.

Козловы никогда не ходили к врачам, чтобы провериться, кто из них повинен в том, что, живя в любви и согласии чистой супружеской жизнью, они остались обделенными родительским счастьем. Александр Иванович и Елена Петровна не могли не знать о подобных проверках, потому что в наш век от медицинских советов никуда не укроешься. Но оба они страдали провинциальной стыдливостью и боязнью огласки — город маленький, сразу пойдут разговоры. К тому же интуитивно они чувствовали, что причина не в ком-то одном из супругов, а в обоих. И не в наследственности — и он и она выросли в многодетных семьях, — а в проклятой войне. Детство и юность Александра Ивановича и Елены Петровны пришлось на голодные военные и послевоенные годы, растущие организмы тогда много чего недополучили, отсюда и все последствия. Очевидно, они были правы в этом своем убеждении. Взять хотя бы их необычное для взрослых людей пристрастие к сладкому. Козловы любили почаевничать вдвоем, каждый пользовался своей любимой чашкой, у Елены Петровны — китайская с китайкой под зонтиком, у Александра Ивановича — сувенирная из Ленинграда, с кудрявым Пушкиным. К чаю — к сортам и способам заварки — они были равнодушны, зато стол, что называется, ломился от сладкого — и конфеты, и мед, и несколько сортов варенья собственного производства. Козловы пренебрегали распространенным мнением, что сладкое вредно, они чувствовали, что их организм недополучил сахара в юные годы и теперь восполняет.

Решение взять девочку из детского дома они приняли без споров и колебаний. Елена Петровна согласилась, что это судьба. Из соображений такта и деликатности они не поехали в Строгино на другой же день, отложили на после праздников. Девочка еще не переехала к ним, а они уже ощущали ее присутствие в доме, подолгу говорили о том, как они будут ее одевать, чему учить, сполна пережили в эти дни все радости, какие поселяются в дружных семьях перед рождением ребенка.

Девятого ноября Александр Иванович и Елена Петровна поехали в Строгино. Александр Иванович намеревался прежде всего показать жене малышку, но в детский дом их не пустили. Анна Михайловна приняла супругов Козловых в деревянном флигельке, где помещался изолятор для больных детишек, она держалась холодно, тщедушные Козловы робели перед властной красавицей в халате ослепительной белизны.

— Мы с женой посоветовались и решили, — стеснительно начал Александр Иванович. — Детей у нас нет, материально мы вполне обеспечены, жилплощадь позволяет...

Он понимал, что говорит не то и не так, ужасными, казенными словами, но не мог же он вывернуться наизнанку перед неприступной А. М. Молчановой, излить ей свою душу, рассказать, что он пережил, когда существо, легкое, как котенок, всцарапалось ему на колени и замерло, как бы признав его своим защитником.

Елена Петровна поспешила ему на подмогу.

— Вы не сомневайтесь, девочке у нас будет хорошо.

— Понятно. — Анна Михайловна побарабанила пальцами по столу. — Значит, вы хотите взять не мальчика, а девочку.

— Но вы же видели! — воскликнул Александр Иванович. — Малышка! С зайцем! Я ей обещал, что приеду. Помните!

Красивое лицо посуровело.

— Я все прекрасно помню. После вашего необдуманного поступка у ребенка началась истерика. Следом заплакали другие дети. До полуночи в доме никто не спал. Вот последствия вашего легкомыслия.

Александр Иванович растерялся: «Почему такая неприязнь, такое нежелание понять?» Елена Петровна бодряще кивнула мужу и пустила в ход женскую дипломатию:

— Вы уж его извините, он вернулся от вас сам не свой, тоже всю ночь не спал. Муж все о девочке твердил, какая она славная, ласковая. Ее как зовут?

— Оля.

— А фамилия? — неосторожно спросила Елена Петровна.

— У нее нет фамилии! Мамаша этой девочки скрылась из родительного дома, паспорт, с которым она поступила, оказался чужим. То ли она его украла, то ли кто-то потерял. — Анна Михайловна усмехнулась. — Да что там, конечно, украла!

— Какой ужас! — Елена Петровна закрыла лицо руками.

— Да, хорошего мало. — Красавица не намеревалась дать Козловым передышку. — В родилке считают, что мамаша не местная, никогда здесь прежде не бывала. Нарочно заехала в наши края с чужим паспортом и теперь уверена, что ее никогда не отыщут. Что же касается девочки, то ли она обязана вас предупредить: Оля заметно отстает в умственном и физическом развитии от своих сверстников, часто болеет, ей необходимо находиться под постоянным наблюдением врачей...

— Мы обеспечим! — клятвенно заверил Александр Иванович. — У нас она поправится... Для начала мы могли бы брать ее на субботу и воскресенье.

— Ни в коем случае, девочка нервная, для нее это непосильная нагрузка. — Анна Михайловна как будто бы заколебалась. — Может быть, вы возьмете другого ребенка? — Козловы дружно запротестовали, но она все же продолжала: — У нас есть крепкие, здоровые дети. Правда, ни об одном из них я не могу сказать, что его родители порядочные люди. Детей порядочные не бросают. Впрочем, это вы и сами понимаете. Хорошие родители растут своих чад сами. — Она помолчала угрюмо. — Конечно, с любым человеком может произойти несчастный случай, но, повторяю, дети хороших родителей к нам не попадают, их берут бабушки и дедушки, усыновляют друзья...

Красавица самолично выпроводила растерянных и удрученных Козловых за ворота и лишь на прощание немного смягчилась:

— В этом доме дети все вместе счастливы как обычные дети, а по отдельности каждый носит в себе что-то... малое зернышко, из которого неизвестно что вырастет. Не спешите, подумайте, Оля никуда не денется...

Домой Козловы ехали как с похорон. Автобус невыносимо медленно тащился по слякотному шоссе, по оконным стеклам хлестал дождь пополам с дорожной

грязью, народу набилось полно, автобус просыпал от мокрой одежды и капающих зонтов. Прижатые друг к другу, они всю дорогу молчали, опасаясь чужих ушей,—город маленький, пойдут разговоры, куда и зачем ездили Козловы.

Дома, едва переступив порог, Елена Петровна расплакалась.

— Какая злость, какое бессердечие! Мы с такой радостью ехали, а она... С таким характером работать в детском доме... Не понимаю.— Елена Петровна переделалась в домашний халатик, спрятала в шкаф новый костюм—и нужно было наряжаться как на праздник!—легла на диван, укрылась старым шерстяным платком, ее трясло.—Ну, хорошо, откажи, но зачем же топтать, унижать!—Она и самой себе не призналась бы, какую свою жалкость и некрасивость ощутила перед красивой хозяйкой детского дома с властными повадками, но унижение разбалывалось все сильнее, свербило, как больно-ноющая зуб.

Александр Иванович испуганно бегал по уютной двухкомнатной квартире, вскипятил чайник, заварил чай, достал из серванта вазочки и баночки.

— Не вставай, я тебе подам. С медком, а?

— Что-то не хочется меду,—жалобно протянула она.

— С вареньем! Тебе какого?

— И варенья не хочется.

— Мне тоже.—Александр Иванович поспешно убрал со стола все сладкое.

— Как-то пусто у нас.—Елена Петровна поднялась с дивана, села за стол, кутаясь в серый платок.—Ужасно пусто.—Она пригубила чашку с китайской.—Горячий, пусть остынет.

Александр Иванович размахнулся кулаком по столу—и не ударил, слабо уронил.

— Я во всем виноват! Я... Моя проклятая мягкотелость. Сколько я из-за нее перестрадал. Я шляпа, тюфяк, ничтожество. Я должен был держаться уверенно, настаивать, требовать, наконец. Это наше право. А я мямлил, жевал и... сдался. Сдался при первом нажиме. Что за несчастье иметь такой характер! Лена, ты можешь меня презирать!—Он схватился за голову.—Лена, ты не видела этих детишек, а я видел. Они такие...—Он заскрипел зубами.—С ними она не злая, Лена, она очень добрая, они там все добрые, они мученицы, иначе там нельзя, мученицы или, знаешь, со странностями, как их музыкальная руководительница, а всех чужих и здоровых они ненавидят, никому не верят... И они правы, я понял...

— Погоди, погоди!—Елена Петровна оживилась.—Я, кажется, тоже начинаю что-то понимать. Вспомни, как она говорила с нами у ворот. Она явно изменила тон. По-моему, она сначала изо всех сил нас запугивала, а потом...

— Потом она намекнула, что мы можем прийти еще раз.

— Значит, нас проверяли!

— Вот именно!

Козловы воспрянули духом и стали припоминать, какие слова им говорила на прощание Анна Михайловна. Они были тогда расстроены, слушали невнимательно и теперь припомнили конец разговора с директором детского дома по-разному, однако сходились, что их обнадежили, им даже обещали твердо, что Оля никуда не денется. Эти слова Александр Иванович и Елена Петровна запомнили одинаково.

— Нам дали срок,—уже совсем весело говорил Александр Иванович.—Помнишь, как во Дворце бракосочетаний? Там тоже ведь не верят, дают время подумать. Помнишь, мы стали уговаривать, а нам сказали, что не все пары, подавшие заявления, приходят в назначенный день свадьбы, обязательно бывает отсев. А мы пришли.

— И за Олей придем.

— Ты увидишь, ее нельзя не полюбить. Она такая славная, такая настойчивая.

Но мы теперь ученые, мы придем... Знаешь, когда? Через месяц!

— Не слишком ли долго?

Он засмеялся, потер руки.

— В самый раз! Испытательный срок для директора детского дома. Пусть тоже подумает.

Они вновь почувствовали себя счастливыми и стали обсуждать, когда купить для Оли кровать—завтра же или потом, накануне того дня, когда они поедут за Олей. Подходящая кровать продавалась по соседству, они боялись упустить случай, однако решили не спешить с покупкой. Им казалось, что можно пересуетиться и все испортить. Если к чему-то слишком старательно готовишься да еще заранее шумишь, непременно сорвется.

На другой день Александр Иванович в отличном настроении отправился читать химию будущим зоотехникам. У Елены Петровны болело горло, она ругала себя за то, что не предупредила ангину своим любимым медом. Надо бы остаться дома и вызвать врача, но Елена Петровна оделась потеплее и пошла к себе на работу в городскую библиотеку. Ее непосредственное начальство, железная старуха, внедрила в коллективе обычай **держаться** в начале болезни до тех пор, пока не **свалишься**. Сама начальница никогда не сваливалась, она героически держалась и **перехаживала** любую хворь, несмотря на сырость и сквозняки ветхого библиотечного здания.

Елена Петровна работала на абонементе, где самые сквозняки. Она держалась два дня, пока ей не сказали, дотронувшись до ее лба: «Да ты вся горишь!» Теперь она могла спокойно уйти и лечь в постель—не с пустяком, а с ангиной. Из библиотеки ей приносили новые номера журналов: только и читать, когда болелась.

Она сначала взялась за толстые литературные журналы, дочитала роман известного писателя и от души порадовалась, когда отрицательного героя сняли с должности. На его место, как намекал автор, должен был прийти положительный герой.

Добравшись до журнала «Здоровье», Елена Петровна бегло ознакомилась с содержанием. О ревматизме, об алкоголизме, о пользе пеших прогулок, о плоскостопии... Ревматизмом ни она, ни Александр Иванович не страдали, алкоголизмом тоже, лечебная ходьба Елену Петровну не интересовала: Козловы ходили пешком более чем достаточно, потому что в их городе не водилось ни троллейбусов, ни трамваев. Статья о плоскостопии... Елена Петровна прочитала начало статьи, высунула обе ноги из-под стеганого шелкового одеяла и убедилась, что никакого плоскостопия у нее нет. Журнал соскользнул с кровати на пол, раскрывшись опять на статье об алкоголизме, она поспешила его поднять, и ей бросился в глаза жирный шрифт подзаголовка: «Несчастливые дети».

Авторы таких статей никогда не утешают своих читателей спасительными случаями, не пишут, что ребенок, родившийся в семье алкоголиков, стал великим композитором. У них своя задача, они рисуют самые жуткие картины и не жалеют черной краски. Елене Петровне сразу вспомнились слова директора детского дома: мамаша сбегала, чужой паспорт, краденый... В воображении возникла пьяная, развратная женщина, мутные глаза, гнилой рот. И рядом ее

сожитель, законченный алкоголик... Да, теперь понятно, почему девочка отстаёт в развитии. Типичный неполноценный ребенок.

Пришел с работы Александр Иванович, Елена Петровна попросила его прочесть статью в «Здоровье». Он читал долго, с застывшим в напряжении лицом, потом закрыл журнал и спросил:

— Ты считаешь, что она намекала нам на такую возможность?

— Я не знаю, но это ужасно. Видеть каждый день несчастье ребенка...

Ему вспомнились и непомерно большая головенка, несчастное, тощее тельце.

— Ее не назовешь здоровой, но она шустрая и смысленная.

— Если бы знать наверняка... Ведь мало ли что бывает. Ее мать, конечно, эгоистка, безнравственная особа, но, может быть, она физически совершенно здорова.—Елена Павловна принялась фантазировать.—Случайное знакомство, вечеринка, он и она молоды и легкомысленны. Потом беременность, отец ребенка скрылся, приходит срок рожать, ей нечаянно попадает в руки паспорт подруги, она решает им воспользоваться, едет в незнакомый город...

— Да, может быть, и так, ты права.

С того дня они уже не могли избавиться от ужасов дурной наследственности. Мир словно сговорился dokonать супругов Козловых. В газетах им то и дело, будто нарочно, попадались статьи о последствиях алкоголизма, об эпилепсии, умственно отсталых детях. Стоило включить радио—и оно говорило о том же. У Александра Ивановича в техникуме, у Елены Петровны в библиотеке настойчиво заводились разговоры о детях-уроках, рассказывались случаи абсолютно достоверные, из первых рук. Короче говоря, с Козловыми происходило то же, что бывает с каждым человеком, захваченным какой-либо навязчивой идеей. Начал действовать закон притяжения информации, знакомый исследователям, библиофилам, коллекционерам,—поток материалов сам шел в руки.

К концу назначенного ими месячного испытательного срока Козловы сдались.

Многие на их месте просто бы не явились за девочкой в детский дом: пускай там сами догадываются. Но Козловы решили, что это будет нечестно. Ведь им обещали, что Оля никуда не денется, за ними ее **закрепили**. Значит, как ни тяжело, а надо поехать и объясниться. Обстоятельно подумали и решили, что вдвоем ездить не стоит, вдвоем ездят за ребенком, а отказываться лучше одному.

В Строгино поехал Александр Иванович. День стоял морозный, солнечный, снегу уже навалило порядочно. В липовой аллее по обе стороны лежали сугробы, перед домом в центре каретного круга сверкал и переливался ледяной витязь. Здесь в любое время года все ладилось на вечный праздник детства.

У ног витязя копошились с лопатками малыши. Александр Иванович узнал Олю. На ней было красное пальтишко с серым кроличьим воротником, серая кроличья шапка-ушанка, завязанная под подбородком. Все малыши обернулись на скрип его шагов, она тоже обернулась, и по ее глазам он понял, что она его не помнит, не узнает. Он постоял, подождал. Девочка больше не оборачивалась, со знакомым ему ожесточенным упорством она долбила лед тупой пластмассовой лопаткой. Александр Иванович облегченно вздохнул: «Ей здесь хорошо, вон какая стала румяная. Она меня забыла и другие детишки тоже, детство забывчиво...»

Объяснение с директором оказалось предельно коротким. Александр Иванович понял, что суровая красавица с самого начала, когда он появился в детский дом с сумкой, набитой всяким хламом, составила о нем самое невыгодное впечатление, раскусила, какой он тюфяк и мямля. Она была уверена, что он не из тех, кто умеет бороться с трудностями и настаивать на своем. Александр Иванович вполне явственно почувствовал, как она довольна своей пронзительностью.

На обратном пути он опять прошел мимо ледяного витязя и копошившихся у его ног детишек, некоторые из них зыркнули на него с известным детским любопытством ко всему новому и чужому, малышка же в красном пальто с серым кроликом не обернулась; упрямо долбила лед своей никчемной лопаткой. Она его не помнила, не ждала. Равнодушие ребенка принесло Козловым огромное облегчение, даже радость.

Александр Ивановичу больше никогда не приходилось бывать в дошкольном детском доме. Злопамятная Анна Михайловна не простила техникуму старых книжек и игрушек, шефство над детским домом прекратилось. Козловы говорили меж собой, что оно и к лучшему, а то бы непременно до коллег из техникума дошло, как они собирались взять сироту на воспитание, но так и не взяли. Сами они обо всем пережитом никому из знакомых и сослуживцев не рассказали.

Первое время Козловы очень страдали от пустоты в доме, однако люди умеют зализывать свои душевные раны. Боль притуплялась, заплывала, общие переживания укрепили согласие в семье. Лет через пять они узнали из городской газеты о безвременной кончине директора дошкольного детского дома А. М. Молчановой. Кто-то им сказал, что она умерла от рака. Козловы искренне опечалились. Еще совсем не старая женщина, их ровесница. И детишек очень любила, этого у нее не отнять. Конечно, крутой характер, но кто знает, какие личные мотивы побудили ее взяться за такую работу.

Прошло еще пять лет. Однажды Александра Ивановича вызвали в горком и сказали, что он включен в комиссию по проверке воспитательной работы в средней школе. Как преподаватель техникума, он должен был обследовать старшие классы, но Александра Ивановича наладили к беспокойным шести-классникам, и он, будучи шляпой и мямлей, не смог отвертеться, хотя и уверял председателя комиссии, что не разбирается в проблемах воспитания ребят двенадцати лет.

В одном из шестых классов—шестом «б»—Александр Иванович услышал знакомую фамилию: Молчанова. Он стал присматриваться к рослой девочке: не дочь ли покойной Анны Михайловны? Как-то он увидел ее издали в длинном школьном коридоре, она шагала, широко размахивая руками, очень напористо, словно бы против жестокого ветра. По болтающимся руками, по упрямой походке он вдруг узнал настойчивую малышку, которая когда-то очень давно вскарабкалась к нему на колени. Александр Иванович справился по классному журналу шестого «б». Молчанову звали Ольгой. В графе, где сообщаются сведения о родителях, было написано: «Живет в детском доме». Конечно, это был уже другой детский дом, не дошкольный. Значит, Оля так никто и не удочерил. Свою фамилию ей дала Анна Михайловна, так часто делается, но, возможно, она питала особые чувства к болезненному ребенку.

Перелистав классный журнал, Александр Иванович выяснил, что Молчанова Оля не блистает успехами, по всем предметам у нее выстроились тройки, невозможно понять, какой предмет у Оли любимый.

— Я сразу подумал, что если бы мы ее взяли, она бы училась куда лучше,—рассказывал он дома Елене Петровне.

Все, чем они перемучились десять лет назад, сызнова вошло в семью Козловых.

— Знаешь, не только она тянется на тройки, почти все детдомовские,—оживленно выкладывал Александр Иванович.—Кормят детей и одевают в детском

доме не хуже, чем домашних, у Оли я даже заметил страсть к нарядам, всякие там ленточки и шарфики, но ее школьные дела не могут не тревожить, в учительской все говорят в один голос, что воспитатели детского дома не следят за тем, как ребята готовят домашние задания.

— Надо узнать, что она читает...

Елена Петровна попросила перевести ее в детский зал библиотеки, изучила формуляр Оли Молчановой. Сказки, книжки про разведчиков. Читательница появлялась в библиотеке не часто и книжки задерживала подолгу. За ней числились «Русские сказки», и Елена Петровна попросила детдомовских ребят напомнить Молчановой, что книгу давно пора вернуть. Оля пришла и произвела на Елену Петровну самое хорошее впечатление.

— С ней прежде всего надо заняться чтением,—говорила она Александру Ивановичу.— Она плохо запоминает прочитанное, не умеет пересказать. Это общая беда всех нынешних школьников, в свободное время их тянет не к книге, а к телевизору.

Александр Иванович, проверяя свои шестые классы, обнаружил, что многие ребята из детского дома проводят воскресные и праздничные дни в городе. У родственников, у товарищей по классу. А Оля Молчанова, оказывается, ни к кому не ходит, остается в детском доме. Родственников у нее в городе нет, ни с кем из одноклассниц она не дружит.

— Молчанову больше интересуют мальчики,—заметила в разговоре с Александром Ивановичем классная руководительница шестого «б», тусклая и язвительная. Александра Ивановича покорила откровенная нелюбовь учительницы к своей ученице. К сироте! Воспитаннице детского дома!

— Оля одинока,—рассказывал он Елене Петровне,—ее почему-то никто не любит, она для всех чужая.

— Это вполне объяснимо. Вряд ли кому-нибудь в школе известна ее история, но люди инстинктивно чувствуют чужого в своей среде, особенно дети.

У Козловых считалось решенным, что Александр Иванович при первом удобном случае пригласит Олю на воскресенье к себе домой. Козловы много раз принимались обсуждать подробности прихода в дом Оли Молчановой. Александр Иванович позовет ее как бы невзначай, ненавязчиво. Когда она придет, ей не будут надоедать поучениями, расспросами о школьных делах. Никаких советов как вести себя за столом, никаких рекомендаций по части чтения. Максимум деликатности. Пускай девочка осмотрится у них в доме, привыкнет, а там увидим. Александр Иванович убедился, что девочка совершенно не замечает его повышенного внимания к ней, она не узнает доброго дяденьку, к которому так настойчиво пробивалась верхом на расписном стульчике. Не помнит? Тем лучше. Козловы не собирались травмировать Олю воспоминаниями о том, как они мечтали ее удочерить, но, поразмыслив, отказались.

Александр Иванович не был обязан присутствовать на вечере десятых и девярых классов, он проверял шестые, но на него нажали, и он, по обыкновению, уступил.

Вечер как вечер. Концерт самодеятельности, очень короткий, чисто условный, затем из зала с невероятной скоростью исчезают стулья и скамейки, начинается главное, ради чего все пришли,—танцы. Тогда еще не было в каждой школе своего ВИА, прыгали и дергались под радиолу. Александр Иванович взирал на все со спокойствием мудреца. Он был достаточно корректным проверяющим, чтобы не совать носа в подводную часть веселья, где и бутылка, обнаруженная в школьной раздевалке, и драка в запертом изнутри классе, и все такое прочее. Там действовал комсомольский актив и дежурные учителя во главе с завучем Раисой Романовной, которая носилась по школе, как брендмейстер по горящему дому. Александр Иванович только отметил про себя, что в толчее танцующих появились студенты техникума, проникли каким-то образом сквозь все рогатки. Школьные верзилы на них косятся, сегодня после вечера не миновать выяснения отношений, но Александра Ивановича как проверяющего это не касалось.

Возле него остановились две старшеклассницы, запыхавшиеся от танцев.

— Смотри,—одна из них ткнула пальцем куда-то в зал,—Моргуша здесь. Пролезла! А нарядилась-то как! Смех...

— Она везде пролезет,—другая пренебрежительно фыркнула.— Я знаю, у кого она кофту выпросила. У Мары Борисовны.

— Ну? У музыки?

— А у кого еще найдешь такую страшную. Ты только погляди! Музыка ее носит с длинной черной юбкой. И с черными бусами!

Александру Ивановичу вспомнилась музыкальная руководительница дошкольного детского дома. Кому она дала свою кофту? Он проследил, куда тычат пальцами подружки, и увидел напротив у стенки Олю. На ней были розовая глянцева кофта навыпуск, короткая юбочка, белые босоножки на высоких каблучках. Волосы причудливо взбиты, на шее — самодельные бусы из рябины. «В детском доме некому поучить девочку одеваться, кроме той странной женщины, которая аккомпанировала детишкам в длинном концертном платье и с розой в высокой прическе. Впрочем, в этом зале вполне сойдет, другие тоже не блистают вкусом, ей простительней, она самая младшая...» Александр Иванович обвел взглядом зал. Кроме Оли, тут не отыскалось никого из младших классов. Младших на танцы не звали, кордон у школьных дверей не пускал в школу даже восьмиклассников. А Оля все-таки пробралась! Она действительно настойчива и упряма. Одиночество развилось в ней эту черту, заложенную от рождения.

Александр Иванович незаметно наблюдал за стоящей у стенки девочкой. Какое ожидание на лице, во всей нескладной фигуре, преувеличенно-голенастой из-за высоких каблучков! Но вот к Оле лениво приблизился какой-то юнец. Она вся просияла, потянулась к нему. Старшеклассник рывком выдернул ее в скачущую толпу, Александр Иванович потерял Олю из виду, потом обнаружил неподалеку от себя, она старательно трясла плечами и вращала бедрами, сделала очень заметное, что все формы у нее вполне женские.

— Моргуша-то! Во дает! — услышал он рядом мальчишечий возглас и смехок.

«Почему они зовут ее Моргушей?» — недоумевал Александр Иванович.

Оля танцевала уже с другим юнцом. Видно было, что она на вершине счастья. Как же! Ее приглашают старшеклассники! Александр Иванович не мог не порадоваться ее наивной радости, но тут новый партнер Оли крутанул ее вокруг себя, и Александр Иванович увидел скверную ухмылку на лоснящейся самодвольной морде. Танцует с Олей, старшеклассник глумливо указывал глазами на свою партнершу и пересмеивался с приятелями. Он нарочно пригласил нескладную шестиклассницу, чтобы над ней посмеяться. Но Оля ничего не замечала — ни кивков, ни ухмылок, — она старательно скакала и выхлялась. Партнер опять крутанул ее вокруг себя, и Александр Иванович увидел Олино счастливое лицо. Еще поворот — опять перед ним лоснящаяся глумливая рожа. Потом снова счастливая Оля, снова рожа пошлая, опять Оля, опять она... Другие танзоры останавливались, смотрели на эту пару, потешались. Александр Иванович отыскал Раису Романовну и наклеуничал ей, что в зал пробралась какая-то шестиклассница.

— А-а... Опять Молчанова! — Раиса Романовна ринулась наводить порядок.

Олю вывели, она шла под конвоем дежурных, высоко подняв голову. От Раисы Романовны Александр Иванович узнал, за что Олю Молчанову прозвали Моргушей.

В третьем или четвертом классе у нее стали замечать что-то вроде тика. Дальше — больше. Временами она моргала беспрестанно, до дурноты, потом тик сам по себе проходил, Оля выглядела вполне здоровой, и вдруг опять обострение, она не может ни читать, ни писать. В городской больнице глазник и невропатолог лечили Олю и так и сяк — не помогало. Детский дом и школа стали хлопотать, устроили Олю в областную больницу. Она пробыла там все летние каникулы, вернулась и всю первую четверть не моргала. Потом началось опять. Возили и в Москву — не помогло, Оля по-прежнему мучается от тика. То обострение, то улучшение. Ребята дразнят — она злится. В школе и в детском доме человеку покоя не дадут.

— А диагноз? — спросил Александр Иванович.

Раиса Романовна досадливо отмахнулась:

— Диагнозов «ставили много... Да что толку!

Свой разговор с завучем Александр Иванович передал дома со всеми подробностями. Елена Петровна была совершенно убита.

— Бедная девочка. Наследственность... Все-таки сказала.

— Я тоже об этом подумал.

Они долго и печально молчали.

Прошло еще пять лет... Козловы теперь каждый день могут видеть Олю Молчанову, она работает в парикмахерской напротив их дома.

Школа выпустила Олю со свидетельством об окончании восьми классов, дотянула-таки на троечках. В детском доме прекрасно знали, что Оля не сможет дальше учиться ни в техникуме, ни в ПТУ. Стали искать для нее работу. Из всех городских предприятий только маслозавод располагал общежитием для девушек. Олю устроили на маслозавод. Она проработала с полгода и подала заявление об уходе. Ее уговаривали в завкоме, вызывали на подмогу воспитателей детского дома и школьных учителей. Все правильные слова отскакивали от Оли как от стенки горох. Она проявила свою колоссальную настойчивость и с завода уволилась, после чего сразу же нашла место уборщицы в парикмахерской и угол у одинокой пенсионерки, бывшей учительницы музыки. Олина квартирная хозяйка по-прежнему питает склонность к театральным нарядам, сама мастерит себе бархатные и шелковые шляпы с перышками от райских птиц средней полосы, даже летом не выходит из дому без перчаток.

Козловых по утрам неодолимая сила тянет к окнам. Они подсматривают сквозь тюлевые занавески, как Оля убирает парикмахерскую и отплясывает со шваброй в руках. Зимой лучше видно, что творится в парикмахерской, — на улице темно, а там горит яркий свет. Оля, приходя, зажигает полную иллюминацию. Летом, когда в парикмахерской открыты окна, всей улице слышно, как Оля распеваает во все горло то под Аллу Пугачеву, то под Муслима Магомаева. Мастера жалуются на ее лень, хотя Оля охотно бегаёт по их поручениям в магазины и на городской рынок, где кавказские мужчины торгуют фруктами, а тетки из Молдавии — калеными семечками. На рынке Оля азартно торгуется, кокетничает с черноусыми красавцами, перебаривается с горластыми тетками, проявляет всю свою настырность и всегда покупает удачно. К дамским мастерам она каждый день пристает с просьбой сделать ей новую прическу. Оля зудит и зудит, пока кому-нибудь не надоеет и ее не усадят в кресло. Волосы у Оли реденькие, но нет такой модной прически, которую бы она не испробовала на себе. Мастера помогают ей доставать модные тряпки и пилят за то, что она все время сосет конфеты. Оля не очень-то слушается мастеров и толстеет от сладкого. Тик у нее прекратился сам собой, взамен появились припадки. Она вдруг начинает кидаться на мастеров и на клиентов, кричит, рвется кого-нибудь ударить. Привыкшие к ее припадкам мастера всем скопом окружают Олю, хватают за руки. Она постепенно слабеет, замирает, глаза делаются стекляными, лицо белое, как стенка, губы синие. Наконец Оля вся обмякла, ее отводят на кухню, сажают на табурет. Оля долго сидит одна, полуспит, потом кто-нибудь из мастеров или постоянных клиенток отводит ее на квартиру. На другое утро она появляется в парикмахерской как ни в чем не бывало, поет и танцует, бежит на рынок. Говорят, что при ее болезни человек не помнит, что с ним был припадок, у него отшибает память. Во всяком случае, Оля совершенно не угнетена своей болезнью. Она довольна работой, парикмахерская представляется ей центром жизни, она участвует в разговорах о прическах и нарядах, вдыхает аромат одеколонов и шампуней, видит себя в блеске зеркал одетую по моде и причесанную как на картинке.

Елена Петровна рада бы не ходить в эту парикмахерскую, но других в городе нет. Сидя в кресле, она каждый раз испытывает сердцебиение, когда Оля со шваброй или с кувшином горячей воды идет на нее из всех зеркал. У самой Оли нет никакого интереса к пожилой клиентке, делающей всю жизнь одну и ту же стандартную прическу, одевающейся скучно и серо.

Александр Иванович благодаря тому, что он шляпа и размазня, часто дежурит на вечерах в техникуме. И не было еще такого вечера с танцами, на который не пробралась бы Оля в прическе из последнего фильма и в сногшибательном наряде. Александр Иванович ставил у двери самых надежных ребят, самолично запирает все окна на первом и втором этажах — Оля все равно появлялась на танцах, она по-прежнему настойчива и хитра. Студенты знают, что она «с приветом», однако Оле никогда не приходится уныло подпирать стенку. Среди парней Оля слывет хорошей партнершей, она «клево пляшет», и с ней можно здорово «побалдеть». Александр Иванович от вечера к вечеру с беспокойством следит за Олиным успехом, ему известно, какие ухари есть среди студентов, заговорят, обманут... А что тогда?

Вернувшись домой, он делится своими тревогами с Еленой Петровной. Начинается их обычный печальный разговор. Очень жалко Олю, но что стало бы с ними самими, если бы она жила в их доме как близкий человек, приемная дочь? Нет, нет, они правильно сделали, что отказались. Иначе бы давно уже сами сошли с ума.

Но как бы Козловы ни убеждали друг друга, обоих неотступно преследует мысль, что если бы они тогда, когда Оля была совсем маленькая, взяли ее к себе, окружили лаской, она бы выросла здоровой.

Где-то живет себе беспечно родная мать, не знающая даже, что ее дочь нарекли Олей, а Козловы, без вины виноватые, не находят покоя.

Они постарели, повышлись, но по-прежнему живут в полном согласии. Сладкого совсем не едят, очевидно, их организмы свое получили и больше не требуют. Тайну своих планов относительно Оли — своего злого рока, как писалось в старых романах, — Козловы хранят про себя, никогда и ни с кем в городе не делились. Александр Иванович, правда, однажды не выдержал и рассказал все, от самого начала, но человеку стороннему, случайно оказавшемуся в городе и не намеревавшемуся еще когда-либо побывать в той стороне.

Владислав ЯНЕЛИС.

Фото Владимира ВАСИЛЬЕВА.

Специальные корреспонденты
«Смены»

Шклов — обычный райцентр, каких в Белоруссии немало. Правда, есть у города своя история, уходящая чуть ли не в средневековье, есть, пусть скромная, но своя промышленность, представленная двумя предприятиями — бумажной фабрикой и льнозаводом, есть совсем даже неплохой универмаг, гостиница, ГПТУ, три средние школы. Дом быта — словом, все, что положено иметь райцентру.

Анна Вертиховская знала о нашем приезде и ждала в школе. Мы пошли в методкабинет (пионерская комната была на ремонте), но шли очень долго: началась перемена, и через каждые десять шагов Анну останавливали дети, о чем-то спрашивали ее, что-то ей рассказывали. Она смущалась, извинялась перед нами за своих подопечных, видимо, ее беспокоило, что мы усмотрим в этом проявление недисциплинированности школьников. Мы добрались до методкабинета только после звонка на очередной урок, сели, попросили Анну рассказать о себе. Она переспросила: «Биографию?» Ну пусть так — «биографию».

В гостинице я прочитал записанную биографию Анны. Сопоставив некоторые факты, я вдруг подумал о том, что далеко не все в ее жизни так уж понятно и вытекает одно из другого. На отдельном листке записал несколько вопросов для себя. Понял, что, не получив на них ответ, писать не смогу. Итак, первый и главный вопрос: почему Вертиховская поехала работать в дальнюю Плецницкую школу, а не осталась в Шклове?

Анна с детства мечтала стать педагогом, даже в уличных играх всегда просила товарищей уступить ей место учительницы. Получив аттестат зрелости, она поступала на филфак в Могилевский пединститут. Не прошла по конкурсу. Вернулась в Шклов. Надо было устраиваться работать по специальности, чтобы на следующий год иметь больше шансов стать заочницей. Впрочем, она и не представляла

свою дальнейшую жизнь без работы с детьми.

В ту пору ее мама была уже очень серьезно больна, ей требовался уход. Отец, инвалид Великой Отечественной войны, хотя и работал, тоже все чаще жаловался на здоровье. Тут Анне вроде бы повезло — предложили работать лаборантом в одной из школ города, и от дома близко, и по специальности. А она отказалась, это было не то, о чем мечтала. Тогда ей взялись помочь в райкоме комсомола, где Вертиховскую хорошо знали, долгое время она была в пионерском, а потом в комсомольском активе школы.

— Мы посоветовали Анне поработать некоторое время лаборантом, чтобы потом перевести ее на должность старшей пионерской вожатой, была такая возможность, скоро должна была освободиться ставка в одной из школ, — рассказывал мне на следующий день первый секретарь райкома Владимир Клюйко.

— Как же она все-таки попала в Плецницы?

— Сама попросилась. Узнала, что там срочно нужен вожатый, и поехала. Захотела себя попробовать в трудном и нужном деле. По большому счету она, конечно, была права, найти хорошего вожатого в городскую школу легче, чем в сельскую, но по-человечески Анну поначалу многие не поняли. Ведь дома оставалась больная мать, и все заботы должны были лечь на плечи отца...

ШЕСТИКЛАССНИКИ ЛЮБЯТ УРОКИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ, КОТОРЫЕ ВЕДЕТ ИХ ПИОНЕРВОЖАТАЯ.

Вот ведь как, с одной стороны, выходит — Анна поступила правильно, выбрав Плецницы, с другой — не было ли это решение жестоким по отношению к родителям? Нет, не было. Эта хрупкая на вид девушка нашла в себе силы работать больше чем добросовестно и три-четыре раза в неделю ездить домой (от Плецницы до Шклова 25 километров по шоссе на попутных машинах и 4 километра пешком), чтобы ухаживать за матерью, готовить обеды и прочее. Она выезжала в 6—7 часов вечера, в 9 при благоприятных обстоятельствах была дома, а в 5 утра следующего дня уезжала в Плецницы. И так два года.

Она вообще может произвести впечатление человека слишком реалистичного, потому что не строит воздушных замков, не пытается увлечь детей заманчивой, но неконкретной идеей, которую не в силах будет воплотить вместе с ними в жизнь. Ее идеи основаны на точном понимании возможностей, и каждому слову Вертиховской дети верят безоговорочно. Я далек от того, чтобы исследовать методологию ее работы как пионервожатой. Но познакомиться с самими принципами ее подхода к делу,

думается, интересно. Так вот, принцип первый — в большинстве долговременных акций, организованных вожатым, важен не только их результат, сколько сам процесс их осуществления. Потому что воспитательный момент заложен именно в нем.

Пример. В Плецницкой школе не было музея. Анну никто не принуждал изобретать что-то в этом роде. Но музей школе нужен — как импульс воспитания в детях нравственных качеств, генератор развития природной любознательности. И вот на одном из заседаний совета дружины было решено создать свой Ленинский музей, что в условиях сельской школы совсем непросто. Правда, дело можно было значительно облегчить, если идти проторенным путем... Анна предложила отказаться от традиционного подхода, посоветовав пионерам создать музей своими руками. «Пусть каждый из школьников принесет в музей хотя бы один экспонат и расскажет его историю», — сказала она. Дружина поддержала своего вожатого. Так начался поход в Лениниану.

Первым экспонатом школьного музея стала любительская фотография, сделанная в тридцатых годах в Горках. Дедушкой одного из учеников. Пожелтевшая, с обломанным краем, она хранила отпечаток живой человеческой судьбы. Автор, плецницкий колхозник, попал в Москву как передовик сельского труда и в свой единственный свободный день съездил в Горки со стареньким фотоаппаратом, которым и снимать-то толком не мог. Без малого полвека хранился снимок в семейном альбоме как наичценнейшая реликвия и вот попал в школьный музей вместе со своей историей. Потом случайно обнаружилась в деревне одна из первых книг о Ленине, пережившая в Плецницах фашистскую оккупацию, старая фоторепродукция. Все это принесли в школу сами ребята. Они же без подсказки взрослых написали в Ульяновск и попросили пионеров города рассказать им о школе и городе, где прошли детство и юность Ленина. А вскоре кто-то вспомнил про своих родственников в Ленинграде, и им тоже отправили коллективное письмо с просьбой прислать «что-нибудь про Ленина».

И люди откликнулись, в белорусскую деревню приходили почтовые посылки. Каждому вновь приобретенному экспонату в Плецницах радовались все, от первоклашки до директора школы. Но самое ценное в этом: дети, а с ними взрослые заново познавали величайшую из человеческих судеб через свои открытия, поиск, через судьбы сотен других людей. Знания, почерпнутые в процессе создания музея, закреплялись в памяти ребят накрепко.

Вспоминая тот период из биографии Вертихов-

классов — вожатый. А их, как известно, не хватает, этих педагогов. Вот и выходит, что специалист своего дела, дипломированный, знающий, придя в школу вожатым, через год-два переходит в педагоги. Правда, не без нажима со стороны органов народного образования. Их тоже можно понять — класс без учителя не оставишь. Так что педучилища положения не спасают. А ведь именно они пока что единственный вид учебных заведений, где более или менее основательно преподается вожатская наука. Но поскольку чисто педагогическая подготовка выпускников этих училищ преобладает над вожатской, говорить о них как о стабильной кузнице кадров пионерских вожатых всерьез не приходится. Вот и получается, что в нынешнее время специалистов этого профиля ни одно учебное заведение страны по-настоящему не готовит. Все сто двадцать тысяч вожатых страны пришли, стало быть, к своей настоящей работе без специальной профессиональной подготовки.

Нет такой самостоятельной профессии и в переч-

«НА ЗНАМЯ — РАВНЯЙСЬ!»

К КОМСОМОЛЬЦА

ской, я хочу рассказать еще одну короткую историю, которую можно было бы назвать историей про старые окопы. Началась она с того, что однажды ее отозвали в сторону шестиклассники и под большим секретом доверили свою тайну. Неподалеку от берега Днепра ребята наткнулись на старые военные окопы. В воскресенье они собираются туда опять, хотят поискать гильзы. Могут взять Анну с собой, если она их не выдаст. Она с радостью согласилась. Идти было порядочно, поэтому вышли рано, захватив с собой картошки, хлеба, несколько лопат. Добрались до места без приключений. Берег там был отлогий, деревья подступали почти к самой реке. Меж ними вилась лента окопов, по обеим сторонам которых круглились воронки от разрывов.

Анна работала вместе с ребятами, откалывая глинистые комья от бортиков окопов. Вскоре они обнаружили солдатский котелок с разорванной осколком стенкой, следом за ним пустой автоматный диск, гильзы, алюминиевый портсигар с нацарапанной надписью «Егорушкин». Анна остановила ребят:

— Кто из вас знает что-нибудь про бой, который здесь был?.. Никто. Значит, мы делаем пустое дело. Давайте сначала все выясним, найдем тех, кто здесь воевал. Потом решим, что делать дальше.

— Как найдем, где?

— Подумайте, это ваша тайна, вы нашли окопы... — В этом сказался еще один ее принцип — взрослые должны уступать лидерство ребятам в коллективном деле.

И мальчишки, которые доверили вожатому свой секрет, решили найти участников переправы, хотя бы им пришлось для этого ехать в Москву. Они обошли местных жителей, помнивших тот бой за Днепр, съездили в облвоенкомат, дважды побывали в областном музее. На секретных совещаниях в пионерской комнате в тот период из взрослых разрешалось присутствовать только Анне. Наконец, участники боев за Днепр были найдены, их привезли в Плевшицы, привели к тем окопам на берегу и пригласили туда же всю школу. Этот день стал уроком истории для сотен юных граждан, который организовали их же товарищи.

За два года, что проработала Анна Вертиховская в Плевшицах, ее мечта стать педагогом не ослабла, хотя на этом отрезке ее биографии встречались не только розы, но и тернии. Больше того, мечта ее как бы даже материализовалась, она поступила на заочное отделение филфака, приобрела необходимый педагогический опыт. В то же время Анна поняла, что расстаться с работой вожатого будет для нее невозможной потерей.

ТРУДНЫЙ РАЗГОВОР.

И вот тут давайте на некоторое время отвлечемся от персональной судьбы Анны Вертиховской и поразмышляем о некоторых тенденциях. Да, что греха таить, есть такое мнение — статус педагога выше статуса вожатого. Это в общем. Может быть, и поэтому тоже многие из вожатых смотрят на свою работу как на временную, переходную.

В той же Могилевской области вожатыми работают 415 человек. Чуть больше половины из них имеют высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование, остальные — среднее или учатся на первых курсах институтов. Каждый год четвертая часть вожатых обновляется. То есть текучесть кадров в могилевском цехе вожатых составляет 25 процентов. Это даже несколько меньше, чем в этой «отрасли» в целом. Для любого завода столь высокий процент текучести ставил бы предприятие едва ли не на грань кадровой катастрофы, для педагогического звена тоже, по-моему, многовато.

Но где же найти таких патриотов для всех школ, людей, которые бы не гнались за престижем педагога-предметника, а долгие годы довольствовались бы ролью пионерского организатора? Давайте посмотрим, как формируются кадры вожатых, из кого. Первая категория — вчерашние десятиклассники, как-то проявившие себя в общественной деятельности, комсомольские активисты, наконец, будущие педагоги. На работу в школу их рекомендуют райкомы комсомола, учитывая организаторские способности завтрашних вожатых, их общественное лицо. С этим, как правило, все в порядке. Но, положив руку на сердце, часто ли члены бюро райкома комсомола спрашивают при этом, как долго собирается пробыть этот человек на должности вожатого, не уйдет ли при первой же возможности, любит ли он детей, терпим ли к ним? А спрашивать надо. Если педагогу, возможно, и простится, коли он не всегда понимает детей, но прекрасно знает предмет, то для вожатого безразличие к детям непростительно, любовь к ним, чувствительность к их исканиям — его главный предмет. Кстати, среди вчерашних десятиклассников, ставших вожатыми, текучесть особенно велика. Ибо выбор их зачастую случаен. А комсомольским работникам, что греха таить, порой неловко отказывать человеку, согласному делать в общем-то нужное дело за сравнительно небольшую зарплату.

Другая категория — выпускники педучилищ, у которых в дипломах значится: педагог начальных

ЭТОТ ПИОНЕРСКИЙ СБОР НАДОЛГО
ЗАПОМНИЛСЯ РЕБЯТАМ.

не, утвержденном Министерством просвещения СССР. Нет, а нужно бы ее вписать, жизнь того требует. Пора, как отмечалось на XIX съезде ВЛКСМ, присвоить профессии пионерского вожатого самостоятельный статус, права гражданства. И ввести в тех же педучилищах специальность вожатого-воспитателя.

Немало среди вожатых пионерии и выпускников пединститутов. Особенно в крупных городах. Волею судьбы это учителя по призванию, оказавшиеся временно без учительских ставок. Немногие из них видят свое предназначение в работе пионервожатыми. Но бывает и так — вдруг открывается в дипломированном историке или биологе дар вожатого, и он остается на этой должности. Правда, подобные случаи редки.

Наконец, еще одна категория людей, из которых формируется цех вожатых,—педагогические отряды.

В Могилеве мы познакомились с Анатолием Ходосом, бывшим рабочим объединения «Химволокно», ныне вожатым городской школы № 18. Он на этой должности недавно. Но за дело взялся горячо, с душой. Ребята за ним гурьбой ходят, он для них главный человек в школе, когда уроки кончаются. У него они черпают страстность, неравнодушие, подвижность. Таких бы вожатых побольше.

Впрочем, было бы, может, и побольше. Да есть одно «но». В пединституты при поступлении на заочное отделение у членов педагогических отрядов, то есть потенциальных вожатых, нет никаких преимуществ перед остальными абитуриентами. А ведь по-житейски можно понять производителей. Иные из них и рады бы учиться в институте, не забывая при этом общественной педагогической работы. Уже после 4-го курса они могли бы прийти в школу штатными вожатыми и иметь право на несколько преподавательских часов. Тогда потеря в зарплате при их переходе с производства на педагогическую работу была бы не столь ощутимой. Но поступить в институт, имея равные шансы с вчерашними десятиклассниками, совсем непросто. Так вот, может быть, стоит подумать Министерству высшего и среднего специального образования о каких-то льготах для тех, кто активно работает в педотрядах, готов нравственно, сознательно к вожатской деятельности, хочет стать педагогом.

Ну, а что же Анна Вертиховская? Как же сложилась ее дальнейшая судьба?

...Случилось так, что ставку вожатого в Плещицкой школе сократили, как и во всех сельских школах-восьмилетках. Анна могла бы найти работу в Шклове, но узнала, что есть острая нужда в вожатом в Городищенской сельской школе. И она осталась верна себе. Без колебаний выбрала Городищи. Все пришлось начинать заново: знакомиться с ребятами, создавать ударные шефские отряды наподобие тимуровских, организовывать заготовку лечебных трав, помощь соседнему племсовхозу. Дни ее по-прежнему были сотканы из больших, средних и совсем крошечных забот. Она никогда бы не смогла сказать, что сегодня у нее меньше работы, чем вчера, такова была специфика ее труда вожатой—чем больше она занималась с ребятами, тем нужнее им становилась.

Потом ее пригласили работать в школу, которую Анна когда-то заканчивала,—одну из крупнейших в районе, со сложившимся педагогическим коллективом, со своими прочными традициями. Она колебалась, было страшно оказаться среди людей, знавших ее как ученицу. Ей всегда мешала в жизни некоторая робость, излишняя застенчивость. Там, где другой мог взять напором, легко и быстро, она добивалась своего терпеливым убеждением, деликатной настойчивостью, тратя втрое больше времени.

И все-таки Анна решилась, пришла в родную школу. Да и дома уже не могли без нее обходиться, мама слегка окончательна. Но в школе отнеслись к проблемам Анны с пониманием, люди, которые когда-то учили ее, и теперь готовы были помогать во всем. А выяснилось, что помогать особенно и не надо, это оказалась уже не та девочка, почти подросток, которую они знали три-четыре года назад, у нынешней Анны были свои убеждения, сложившийся стиль работы.

Вот что рассказал мне директор школы, где Анна трудится уже 4-й год, Анатолий Владимирович Акулов:

— В школьной наставнической деятельности в наше время трудно придумать что-нибудь принципиально новое. И так уже придумано немало. Так вот Анна не изобретает, но она умеет максимально наполнить воспитательным эффектом любое дело, любую школьную акцию, в любой разговор с ребятами вдохнуть интерес, творческое начало. Если Вертиховская за что-то берется, то отдаст себя делу полностью. Да вы придите на любой пионерский сбор, увидите.

Пришли. Не предупреждая ни о чем заранее. Пятиклассники проводили сбор для своих подшефных первоклашек. Он назывался «Хлеб—всему голова». Разговор шел о необходимости бережно относиться к хлебу насущному. В руках у декламирующих стихи пятиклассников были пшеничные колосья, заготовленные еще с осени, на столах перед малышами—румяные караваи, сладкие пирожки, пышки, блины, печенье. Во-первых, стихи читались очень хорошие и очень хорошо, во-вторых, каравай выпекли сами пятиклассники. Малыши слушали своих шефов, буквально раскрыв рты, не обращая никакого внимания на фотографирующего их моего коллегу.

Наивысшего нравственного накала сбор достиг в тот момент, когда встал сидевший в последнем ряду мужчина, взял со стола краюшку черного хлеба и,

держа ее на ладони, рассказал о том, что значила эта хлебная порция для детей Ленинграда зимой 1942 года. Владимир Петрович Харитонов, переживший блокаду, говорил очень просто, но в этой простоте была необъяснимая сила. Это почувствовали все.

Все было организовано, повторяю, самими ребятами, только вот Харитонova нашла и пригласила Анна. Когда он говорил, первоклассники непроизвольно отодвинули от себя пышки, сострадав ребячьими сердцами голодным ленинградцам. Это был очень хороший сбор, на нем было бы полезно побывать даже иным взрослым. А ведь никто не осудил бы ни пионервожатого, ни самих шефов из пятого класса, если бы на подготовку его они затратили меньше сил и выдумки.

«Однажды я знакомясь по просьбе райкома комсомола с работой вожатого одной из школ района,—рассказывает Анна.—Вся отчетность у него была в порядке, атрибутика новая, плановые мероприятия проводятся. Но за всю большую перемену в пионерскую никто не заглянул. Я спросила вожатого: «Почему так?» Девушка улыбнулась: «Свои обязанности ребята знают, чего им без дела заходить». Я с ней не согласилась: если в пионерскую приходят только на собрания и только активисты—что-то в работе вожатого не так».

Это еще один ее принцип: работу вожатого оценивают в первую очередь дети, оценивают мерой своего доверия ему, желанием посоветоваться, просто пообщаться. Во время школьных перемен, первые два часа после уроков пионерская комната Анны, кстати, очень небольшая, напоминает полковой штаб в период больших маневров.

Однажды в большую перемену пионерская комната оказалась пустой, после уроков Анны в школе тоже не было. А без нее ребята не хотели решать важный вопрос. Отправились к ней домой—может, заболела?—всем советом дружины. В тот день у Анны умерла мама. Она вышла к ребятам осунувшаяся: «Простите, я не смогла сегодня прийти. Решите без меня». До позднего вечера дети сидели у ее дома, ждали—может быть, понадобится их помощь. Ну, чем еще они могли отплатить человеку, который даже в горе своем помнил об их существовании!

Порой трудно из обилия материала отобрать то первостепенное и самое важное, что характеризует героя в главном—его отношения к делу. В мельчайшем на первый взгляд факте иной раз скрыто больше, чем в значительном. Перечитывая рукопись, ловлю себя на том, что почти ничего не сказал о шефстве пионерской дружины, которую возглавляет Анна, над ветеранами войны. Это большая и серьезная работа, она не разграничена в Шклове на кампании, как это зачастую бывает. 40 ветеранов войны, которые числятся у школы в подшефных, на деле ощущают помощь ребят ежедневно. Формы этой помощи в основном практические: ребята убирают в домах ветеранов, ремонтируют пристройки, ходят в магазины за продуктами, делают с пожилыми людьми свой досуг. Немало мне рассказали про это шефство историй истинно трогательных. Организовала, подняла шефство до практической помощи ветеранам Анна. Во многом объяснялось это ее личным, воспитанным отцом в ней с детства уважением к людям, вынесшим на себе тяжесть войны. Да и сама Могилевщина—край партизанский, где выстрадаана, полита кровью патриотов каждая пядь земли,—требует от ныне взрослого поколения особого отношения к бывшим солдатам.

Так вот что хочу вспомнить в этой связи. Зона пионерского действия ее школы не распространялась на одну из деревень поблизости от Шклова. Случайно Анна познакомилась с женщиной, помогавшей в годы войны партизанам. Она жила одиноко, два ее сына и дочь уже несколько лет не приезжали к матери, хотя и жили в Могилевской области. Никто не уполномочивал Анну разыскивать их, она сама так решила. Побывала у всех троих по очереди, рассказала, что только из гордости их мать не жалуется на одиночество, на отсутствие элементарной помощи от своих детей. Забота об их родной матери, сострадание постороннего человека открыли этим людям глаза, старший сын забрал мать к себе. Анна никому об этом не рассказывала, узнал я об этом со стороны.

Короткая история. Не очень, наверное, и значительная. Но в ней вся она, Анна Вертиховская, ее мироощущение. А человек, который умеет найти душевные силы и время помочь другому, незнакомому ему человеку, и свое непосредственное дело делает добросовестно. Это уж проверено не раз.

Что еще об Анне? Окончила институт. Член райкома комсомола. Была делегатом XIX съезда ВЛКСМ как одна из лучших вожатых области. Ведет русский язык и литературу в шестых классах. Но с работой вожатого пока расставаться не собирается, в этом видит свое предназначение.

К 50-ЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ РОМАНА НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО «КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ»

ПАВКИ

Не много есть произведений мировой литературы, с которыми связано столько героических и романтических событий, каждое из которых достойно стать сюжетом нового романа или повести. Судьба книги Николая Островского «Как закалялась сталь»—лучшее доказательство истинности: прекрасные произведения—это не памятники прошлого, а оружие сегодняшнего дня.

По-разному знакомились с Павлом Корчагиным и прониклись его философией жизни люди различных стран и континентов.

В одном из музеев Болгарии я видел эту книгу, переписанную от руки, ее страницы тайком передавали из камеры в камеру. Размножали эту книгу в джунглях вьетнамские партизаны. Уже ставшие крылатым афоризмом слова о смысле человеческой жизни цитировал с трибуны ООН Кваме Нкрума, призывая к борьбе за свободу людей и наций.

Но вот—еще одна история, поиск подробностей которой начался в августе 1976 года.

...В те дни ртутный столбик в Сочи не падал ниже 35 градусов. Но директора издательства из Кельна Пауля Нойхёффера это не смущало. Ему предписывали покой и море, а он рвался знакомиться с достопримечательностями южной здравницы, где во многих улицах и зданиях живет дыхание первых лет Советской страны, ее революции, ее удивительных людей.

Пытаясь не выдавать усталости и боли (давало о себе знать ранение на полях Бельгии в минувшей войне), он, опираясь на палочку, неутомимо вышагивал по раскаленной брусчатке уютно, внимательно слушал рассказы экскурсовода и задавал десятки вопросов об истории города в годы войны и мира. С особым интересом западногерманский издатель рассматривал каждый экспонат музея Николая Островского, разместившегося в аккуратно выделенном двухэтажном особняке за зеленой кипарисов и лаврового дерева на улице, носящей имя писателя. Нет, такой всенародной любви к литературному таланту не увидишь в ФРГ, где даже существующие на частные пожертвования музеи классиков немецкой литературы впадают нередко жалкое существование.

Здесь, в домике Островского, слились воедино судьба писателя и его книг с вниманием и любовью читателей самых разных поколений. Здесь экспонат несет в себе интереснейшие штрихи биографии юности 20-х и 30-х годов.

На глаза гостю попал текст на немецком языке. Это форзац книги, изданной в Швейцарии, со специальной вклейкой. Ее перевод на русский язык:

«Этот экземпляр был конфискован федеральной прокуратурой Швейцарии 21 февраля 1941 года и пролежал в подвалах федерального дома в Берне четыре года. За несколько дней до конца второй мировой войны и разгрома фашизма книга была освобождена и возвращена обществу «Книжная торговля Штауффхера» в Цюрихе. За издание, напечатание и распространение этой книги ряд швейцарских граждан был арестован и по приговору федерального суда брошен в тюрьму. После освобождения книги общество «Книжная торговля Штауффхера» права собственности на книгу передало отделу распространения литературы Партии труда Швейцарии».

Обратите внимание на некоторые употребленные авторами немецкого текста обороты: «книга была освобождена», «после освобождения книги...». Нет, это вовсе не стилистические огрехи или неточности перевода, а стремление тех, кто писал этот текст, подчеркнуть одушевленность романа «Как закалялась сталь», заточенного в бетонные казематы, брошенного за решетку, как и тысячи людей, преданных коммунистическим идеалам в этой альпийской республике. Их преследовали только за то, что они не хотели подстраиваться под психологию предателей, исповедовавших формулу «лишь бы не раздражать фюрера». В ноябре 1940 года была запрещена деятельность коммунистов, закрыты коммунистические издания, лишены мандатов левые депутаты.

А выпущенная книжным кооперативным сообществом книга Николая Островского продолжала жить и бороться.

— Сопровождавшая меня девушка-экскурсовод рассказывала о музее,—вспоминал позднее Нойхёффер,—а передо мной где-то туманным наплывом

ЕЩЕ ОДИН БОЙ КОРЧАГИНА

вставали те страшные годы, когда на городских площадях Германии полыхали костры из книг, когда миллионы таких же, как я, нацистские приказы бросали на Восток и на Запад, на фронты, откуда не вернулись миллионы моих сверстников.

...Оказавшись дома, в Кельне, директор издательства прямо на следующий день написал короткое письмо своему знакомому — известному библиофилу Тео Пинкусу в Цюрих. Вот текст:

«Дорогой Тео!

Во время осмотра музея Островского в Сочи, который посещают ежегодно 200 тысяч посетителей из многих стран мира, я обратил внимание на копию форзаца и вклейки книги. Посылаю Вам эти материалы в надежде, что Вам удастся отыскать хотя бы один экземпляр книги и Вы сможете передать ее музею. Не сочли бы Вы возможным по-дружески сообщить, обоснованы ли мои предположения? Возможно, Вам удастся найти что-то о людях, которые были арестованы в связи с выходом книги. Руководство музея будет очень радо, если Вы отыщете что-то дополнительно».

Нойхёффер знал, что обращается с просьбой к неравнодушному человеку.

«Спросите у Тео, только он сможет Вам помочь», — сколько людей в различных уголках Европы называют сегодня имя 72-летнего швейцарского антиквара и букиниста, когда заходит речь о редчайших книгах или документах из истории европейского рабочего движения, когда кажется, что следы к разгадке тайн, к уточнению предположений уже невозможно восстановить.

Тео Пинкуса — этого рано увлекшегося социалистическими идеями юношу — в свое время заметил Вильгельм Пик, помог вырваться из трясины буржуазной богемы и привез в Берлин учиться вести книжное дело у известного книгоиздателя Эрнста Ровольта. Так началась дружба Пинкуса с книгой и издательским делом. Он работал вместе с видным деятелем международного молодежного движения Вилли Мюнценбергом в «Новом немецком издательстве» и со знаменитым художником Джоном Хартфильдом в легендарной «Рабочей иллюстрированной газете». До сих пор о тех незабываемых днях Тео Пинкуса рассказывает в своих выступлениях перед студентами.

После первого обыска его квартиры нацистскими штурмовиками в январе 1933 года Пинкуса по совету швейцарского посла покинул Берлин и стал редактором швейцарского варианта «Интрепора» — органа Коминтерна. Но вскоре журнал был запрещен, и Тео почти год скитался без работы.

В 1940 году, собрав у друзей 1000 швейцарских франков, Пинкус создал «Службу книжного поиска», положив начало уникальному в своем роде делу во всей Европе.

Сегодня каждый день в его адрес приходит 60—70 запросов из библиотек, от ученых, журналистов, архивариусов, политиков. Пинкус стал владельцем одного из известных антикварных магазинов, создателем «Фонда научной библиотеки истории рабочего движения». Фонду передал свою премию писатель Макс Фриш, многочисленные поступления направляли антиквары Швейцарии, ФРГ, Австрии. Этому своему новому детищу «фанатик книг» Пинкусу завещал более 10 тысяч томов собственной редчайшей библиотеки. Сегодня в его фирме трудятся 17 энтузиастов. В тесном зале с печью, отделанной кафелем, с качающимися столами и скрипящими самодельными стульями каждый день можно увидеть студентов, аспирантов, ученых из Англии, Италии, ФРГ, ГДР и других стран. И не будет преувеличением сказать, что некоторых интересных и важных сегодняшних исторических находок и открытий не было бы без этих скрипящих стульев библиотеки на Фрошаугассе, помещение которой Пинкус приобрел на деньги, взятые взаймы.

Сейчас на стеллажах — издания Маркса, Энгельса, Ленина, редчайшие книги, комплекты журналов более 1500 названий, произведения тех, кто в разные годы и в разных странах формировал позиции рабочего движения Европы. Здесь широко представлена политическая и художественная литература из социалистических государств, путь к которой долгие годы был закрыт.

...И вот на стол Пинкуса легло письмо из Кельна. — Просьба была нелегкой, — рассказывал позднее

N. OSTROWSKI

Wie der Stahl gehärtet wurde

Das Schweizerische Bundesstrafgericht verurteilt am 1. Februar 1943

**ЛЕОН НИКОЛЬ — 3 МЕСЯЦА ТЮРЬМЫ...
КАРЛ ХОФМАЙЕР — 6 МЕСЯЦЕВ ТЮРЬМЫ...
ЭДГАР ВООГ — 3 МЕСЯЦА ТЮРЬМЫ...
ИХ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» — РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРАВДЫ О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ.**

Пинкус, когда мы встретились на Международной книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне. — Мои «агенты» много месяцев ждали доброй вести от антикваров, дали объявления в газетах, а книга Островского все не находилась. И вот как-то случайно в маленьком горном городке я у одного из знакомых в его личной библиотеке наткнулся на экземпляр романа «Как закалялась сталь», на издание, которое вы ищете в Советском Союзе.

Пакет ушел в Кельн.

Перед нами — эта книга.

На суперобложке красного цвета три белых круга. В них три фотографии людей разного возраста.

21 февраля 1943 года швейцарский суд приговорил Карла Хофмайера, Леона Николая, Эдгара Воога к тюремному заключению за издание этой книги. Их преступление состояло в том, что они распространяли правду о Советском Союзе.

На клангане суперобложки — мнения из американских газет...

«Канзас сити стар»:

«История героя Островского Павла Корчагина полна драматизма и захватывающа. В образе Павла Корчагина автор запечатлел тот дух, которым был охвачен народ во времена невероятных трудностей. Многочисленные персонажи и ситуации романа Островского дают многоплановую картину первых лет русской революции».

«Буффало таймс»:

«Молодой автор «Как закалялась сталь» Николай Островский в своей в значительной мере автобиографической хронике передает мужество и никогда не покидавшую его надежду. Потерявший зрение и парализованный еще до того, как он начал писать этот роман, Островский представил на суд читателя страницы своей жизни. На фоне гражданской войны и восстановления он нарисовал живой образ Павла Корчагина — героя новой России».

Так кто же были люди, которые дерзнули представить швейцарцам в один из труднейших периодов европейской истории книгу из Советской России?

Об этом говорит обращение группы обвиняемых, которое было написано как частное письмо, чтобы обойти запреты на публикацию. Оно благодаря дерзости единомышленников оказалось в сотнях почтовых ящиков политиков, депутатов, судебных чиновников, военных.

Этот страстный документ заслуживает того, чтобы привести ряд абзацев полностью:

«Являются ли Хофмайер и Николь предателями?

Недавно обвинение федерального суда предало гласности решение о том, что руководитель Коммунистической партии Швейцарии Карл Хофмайер, журналист из Базеля Леон Николь, журналист из Женевы Эдгар Воог и еще 15 обвиняемых предстанут перед судом в Лозанне.

N. OSTROWSKI

Wie der Stahl gehärtet wurde

Nr. 001033

Dieses Exemplar wurde am 21. Februar 1941 von der Schweizerischen Bundesanwaltschaft beschlagnahmt und lag 4 Jahre in den Gewölben des Bundeshauses in Bern. Es wurde einige Tage vor dem Abschluss des zweiten Weltkrieges, nach dem Zusammenbruch des Faschismus in Europa, am 3. Mai 1945 von der Bundesanwaltschaft frei gegeben und seiner Eigentümerin, der Genossenschaft „Buchhandlung „Stauffacher“ in Zürich, zurückgestellt. Wegen der Herausgabe, dem Druck und der Verbreitung dieses Buches, wurden eine Reihe Schweizerbürger verhaftet, monatelang gefangen gehalten und vom Bundesstrafgericht verurteilt.

Nach der Freigabe des Buches überfug die Genossenschaft „Buchhandlung „Stauffacher“ die Eigentumsrechte an das Buch dem

«Н. ОСТРОВСКИЙ. КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ. № 001033. ЭТОТ ЭКЗЕМПЛЯР БЫЛ КОНФИСКОВАН ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРОЙ ШВЕЙЦАРИИ 21 ФЕВРАЛЯ 1941 ГОДА...»

Различные газеты в связи с этим решением федерального суда связали свои комментарии, которые дают ложные представления общественному мнению о выдвигаемом обвинении и глубоко оскорбляют политическую честь обвиняемых.

Так как мы вследствие запрета нашей партии и всех ее газет не имеем возможности открыто выступить против предъявленных нам обвинений, мы вынуждены это сделать частным образом.

В каких же преступлениях обвиняем мы федеральным судом?

Как заявляет обвинитель д-р Штремфль в предъявленном обвинении:

«Карл Хофмайер и Леон Николь обвиняются в нарушении статьи 2 абз. 1 постановления бундсрата о мерах против коммунистической и анархической деятельности, принятого в августе 1940 года, в том, что они занимались деятельностью запрещенной коммунистической организации».

А каковы выдвигаемые обвинения?

Государственное обвинение обвиняет нас в том, что мы в кооперативе «Импримерле» в Женеве издали ряд книг и брошюр и частично распространяли их.

О каких же книгах и брошюрах идет речь?

Читатели могут судить сами:

Обвиняются:

Роман Н. Островского «Как закалялась сталь». Об этом романе профессор юридического факультета университета в Базеле доктор Баум-Гартен, отмечая его особое достоинство, писал:

«Можно спорить, является ли книга Островского «Как закалялась сталь» романом или автобиографией. Но это не просто защита догмы и идеи, а судьба человека. Распространение романа Островского у нас в Швейцарии, на мой взгляд, следует классифицировать не как коммунистическую пропаганду, а как нужное и полезное дело, помогающее лучше научиться понимать большевистскую революцию».

Вместе с книгой о Павле Корчагине в списке на запрет находились книги Фридриха Энгельса, Андре Марти о суде над французскими депутатами-коммунистами, брошюра со статьей Ильи Эренбурга о крушении Франции в 1940 году...

Опечатанный роман Николая Островского покинул сырые казематы за несколько дней до мая сорок пятого, до победы, и сразу стал знаменем вышедших из подполья антифашистов Швейцарии.

Вскоре родилась идея каждой из книг сопроводить специальной вклейкой, напомним людям о высших человеческих ценностях, которые невозможно ни убить, ни растоптать.

Сегодня уже нет в живых никого из главных героев этой истории. Но на полках в тысячах квартир рядовых швейцарцев стоит книга-солдат, книга-борец, книга-герой.

...Перед отъездом из Кельна я сказал Нойхёфферу, что хочу об этом написать в журнале «Смена», и рассказал о сборе книг для детских домов и строительстве библиотек Нового Уренгоя, проведенных по инициативе редакции.

Он протянул мне книгу.

— Было бы символично, — сказал Нойхёффер, — если бы редакция «Смены» от имени нас всех передала ее в дар музею Островского в Сочи.

Книга с удивительной судьбой займет свое место в коллекции музея.

...Вот имена и адреса наших друзей, которых мы можем поблагодарить за помощь и сотрудничество:

Пауль НОЙХЕФФЕР — директор издательства «Пал-Ругенштайн», город Кельн, 2, ул. Готесвер, 52, ФРГ.

Тео ПИНКУС — антиквар, Фрошаугассе, 7, Цюрих 1, Швейцария.

Спасибо им!

170 лет со дня Бородинского сражения

Александр КРИВИЦКИЙ.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

Произнесешь или мысленно повторишь эти слова — Бородинское сражение, — и тотчас за ними всплывают легендарные названия: «батарея Раевского» и «Багратионовы флеши». Эти две точки на военной карте стали ключевыми позициями всей достопамятной битвы.

В ночь перед ее началом на высоте

**ЦВЕТЫ С БОРОДИНСКОГО ПОЛЯ —
ПОБЕДИТЕЛЮ НАПОЛЕОНА.**

Курганная была поставлена артиллерийская батарея. Сквозь рассветный туман неприятельские егеря, лежавшие в передовых «секретах», увидели жерла грозных единорогов и пушек, направленных в сторону французов. Волна за волной шли батальоны противника в смертные атаки и разбивались об этот опорный пункт фронта русских войск. Батарея входила в состав 7-го пехотного корпуса. Им командовал молодой еще, красивый, черноволосый, с чуть полнеющей фигурой генерал-лейтенант Николай Николаевич Раевский. К концу сражения он доносил седому главнокомандующему, что войска твердо стоят на своих местах и что француз не смеет более атаковать.

Кутузов любил этого генерала, его обожали и солдаты. А снискать сердечную привязанность «нижнего чина» в армии старой, крепостнической России мог лишь тот военачальник, кто видел в нем не «серую скотинку», не бессловесного раба, но соотечественника, одушевленного желанием отразить нашествие дерзкого врага, постоять за Россию, исполнить воинский долг перед

Отечеством. Таких людей в генералитете императорской армии, состоявшей преимущественно из закоренелых крепостников, любителей плацпарадной муштры и шагистики, было меньшинство. К нему и принадлежал генерал Раевский. Два его сына, младший, Николай, и старший, Александр, были товарищами Пушкина, привлекались впоследствии по делу декабристов... К Бородинскому полю 7-й пехотный корпус подошел уже закаленный в боях у Салтановки и в Смоленской битве. Эти испытания огнем принесли корпусу репутацию стойкого, умело управляемого соединения, а ожесточенные салтановские схватки распространили по всей России весть о личной отваге и беспримерной самоотверженности его командира. Вот об этом именно знаменательном дне в жизни генерала-героя, который привел его к Бородинскому бою уже в ореоле шумной славы, я и хочу рассказать читателю. А еще и об удивительной судьбе первоначального рассказа, возвестившего русским людям о выдающемся героизме Раевского и его юных сыновей. Да, да, сыновей!

ОТБЛЕСКИ БО

ДИОРАМА «БОЙ ЗА БАГРАТИОНОВЫ ФЛЕШИ».

А сейчас перенесемся в тысяча девятьсот сорок первый год. Бушует наша Отечественная война с гитлеровскими полчищами. И снова вспыхивает дивным светом святое название — Бородино. У этого села, что стоит в 124 километрах западнее Москвы, в 12 километрах от Можайска, на реке Колоче, в тех же местах, что были полем битвы 1812 года, защитники советской столицы вели упорные бои с надменным и злобным врагом.

Еще только через месяц, 16 ноября 1941 года, 28 героев-панфиловцев проведут свой отчаянный бой с 50 танками противника. Еще не прозвучали слова вожака героев-гвардейцев Василия Клочкова: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва», — впервые обнародованные в моем очерке на страницах газеты «Красная звезда». Все еще предстоит, но уже вновь блеснула звезда воинской славы над Бородинским лугом. Современность перекликалась с Историей. Мощные удары армейского корпуса гитлеровцев доблестно отбивала в середине октября 32-я стрелковая дивизия полковника В. По-

лосухина. И, казалось, в ее рядах, в одном боевом строю, шли на неприятеля тени российских солдат прошлых времен, удесятерив силы своих потомков.

В эти дни два литератора, два сотрудника редакции, автор этих строк и Петр Павленко, вернулись из очередной поездки на недалекий Западный фронт и, чуть отдохнув, отписавшись, приступили к любимому делу. Каждую минуту свободного времени мы жадно и ненасытно читали. Обращались главным образом к повествованиям о прошлом. Искали в нем все, что укрепляло душевный боезапас да и рано или поздно могло пригодиться в работе. Давно сказано: чтобы писать, надо читать!

И вот, возвратясь из поездки в полосуинскую дивизию, воодушевленные именем «Бородино», мы опять и опять говорили о войне двенадцатого года, о том, как всколыхнула она всю народную жизнь того времени, о ее солдатах и

**НЕ ЗАРЖАВЕЛИ ЕЩЕ ПУШКИ,
ГРЕМЕВШИЕ
В БОРОДИНСКОЙ БИТВЕ.**

БОРОДИНА

МИРНОЕ ПОЛЕ РАТНОЙ СЛАВЫ

генералах и нашей непреходящей им благодарности.

В тот вечер мы наткнулись в дореволюционном издании сочинений прекрасного поэта Константина Батюшкова на его запись, связанную с удивительным подвигом генерала Раевского. Запись эта оказалась для нас полной неожиданностью. Мы поразились тому, что узнали, долго обсуждали все подробности прочитанного, пока Павленко, разозлившись на мою дотошность, не подвел итог обсуждению, высказав одно категорическое суждение, о котором я скажу позже. Тогда же, в тот холодный осенний вечер, я решил когда-нибудь непременно разобраться во всей этой истории. Но не исполнил этого самообещания ни во время войны, ни потом. И вот только сейчас...

Итак, 6 июля 1812 года войска 2-й Западной армии во главе с Багратионом были сосредоточены в районе Бобруйска. Они получили приказ идти через Могилев и Оршу на соединение с 1-й Западной армией, которой командовал Барклай де Толли. Путь преграждали дивизии маршала Даву. Дорогу пришлось прокладывать железом и кровью. Корпус генерал-лейтенанта Раевского выдвинулся к опушке леса южнее деревни Салтановка.

Даву — один из самых старых соратников Наполеона — был военно талантливым, хладнокровным и жестоким (кстати, он не изменил императору до самой своей смерти). Он был грозным противником. Но генерал Раевский смело завязал бой...

Такова в самом сжатом виде обстановка, на фоне которой и возникло то, что можно назвать началом удивительной истории с генералом Раевским.

В тяжелую минуту, когда Даву бросил на его войска превосходящие силы, что-то надломилось в русском корпусе. Все его атаки захлебывались. И тогда на центральном участке позиции генерал Раевский, обняв своих двух юных сыновей (одному было в то время шестнадцать лет, другому — десять, они приехали к отцу «понюхать пороха» и обычно находились при штабе), на глазах у полков, строившихся к новой атаке, вышел перед их фронтом и пошел вперед.

Пораженными решимостью отца не поддавить в бой ни себя, ни своих детей, с неистовым криком «ура» бросилась вперед, обгоняя генерала, русская пехота. В непрерывных штыковых атаках она отбросила французов. Железный Даву отступил.

Раевский выполнил свою боевую задачу. Он сковал противника, дал возможность основным силам 2-й Западной армии переправиться через Днепр и продолжать путь на соединение с войсками Барклая. Тогда же весть о подвиге генерала и его детей облетела всю армию. О нем писали петербургские газеты, рассказы о нем передавались из уст в уста. Жуковский славил его. Вот эти стихи из «Певца во стане русских воинов»:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! Перед рядами
Он первый, грудь против мечей,
С отважными сынами.

Сто семьдесят лет русская военная история благоговейно возвращается к подвигу генерала Раевского. Знаменитый Ермолов, который в своих мемуарах мало кого хвалит, отзываясь о нем так: «бестрепетный Раевский».

И вот, читая в сорок первом году вместе с Павленко объемистый том дореволюционного издания сочинений Батюшкова, я обнаружил на 399-й странице в разделе «Чужое — мое сокровище» нечто весьма удивительное.

Константин Батюшков, как известно, в течение одиннадцати месяцев был адъютантом Раевского. Войну он знал хорошо, был участником кампаний 1812—1813 и 1814 годов. И вот что я прочел в его записи, сделанной в 1814 году:

«Мы были в Эльзасе: Раевский командовал тогда грендерами. Призывает меня вечером кой о чем поболтать у камина.

Войско было тогда в совершенном бездействии, и время как свинец лежало у генерала на сердце...

Слово за слово, разговор сделался любознательным. Раевский очень умен и удивительно искренен, даже до ребячества, при всей хитрости своей...

Это прелюдия, а что же дальше? «Из меня сделали римлянина, милый Батюшков,— сказал он мне.— Про меня сказали, что я под Дашковкой принес в жертву детей моих». — «Помню,— отвечал я,— в Петербурге вас до небес превозносили». — «За то, чего я не сделал, а за истинные мои заслуги хвалили Милорадовича и Остермана. Вот слава, вот плоды трудов». — «Но, помилуйте, ваше высокопревосходительство, не вы ли, взяв за руку детей ваших и знамя, пошли на мост, повторяя: «Вперед, ребята, я и дети мои откроем вам путь к славе», или что-то тому подобное? Раевский засмеялся: «Я так никогда не говорю витиевато, ты сам знаешь. Правда, я был впереди. Солдаты пятились, я ободрял их. Со мною были адъютанты, ординары. По левую сторону всех перебило и переранило. На мне остановилась картечь. Но детей моих не было в эту минуту. Младший сын собирал в лесу ягоды (он был тогда суший ребенок, и пуля ему прострелила панталоны), вот и все тут, весь анекдот сочинен в Петербурге. Твой приятель Жуковский воспел в стихах. Граверы, журналисты, нувеллисты воспользовались удобным случаем, и я пожалован римлянином. Etvoila comme on ecrit l'histoire!».

Вот что мне говорил Раевский. Запись Батюшкова ошеломляла. Историю подвига Раевского я помнил еще с детства. Вот тебе и раз! Неужто так и пишется история?! Батюшков, собственно, и предвзято свой рассказ рассуждениями именно на тему: «Кстати, вспоминаю чужие слова — Вольтера, поминется: «Etvoila comme on ecrit l'histoire!» Я вспомнил их машинально, почему, не знаю, а эти слова заставляют меня вспомнить о том, чему я бывал свидетелем в жизни моей и что видел в описании. Какая разница, боже мой, какая!»

Тогда, в сорок первом году, не было у меня возможности разобраться в этом эпизоде Отечественной войны двенадцатого года. Помню только свое огорчение. Как ясно я представлял себе картину этого утра одиннадцатого июля восемьюсот двенадцатого года!

Солнце кровавым глазом косит на черноволосого генерала. Нежно и твердо обнял он сыновей — один из них повыше ростом, другой еще совсем ребенок. Над их почти скульптурной группой реет знамя Смоленского полка с позолоченным навершием древа.

Генерал полуобернулся к солдатам и выкрикнул что-то сильным голосом, а два подростка неотрывно глядят вперед. Поодаль мерцает сияющий день, а здесь, в дымной полумгле, небо смешалось с землей. Обваливаются разрывы артиллерийских снарядов, и пыль, поднятая тысячами сапог, ботфортов, тяжелых башмаков, застилает белый свет. Сквозь этот смертельный туман мальчики видят на горизонте темную грядку. Это новые полки Даву подходят к полю боя...

Как боялся я за этих ребят в дни своего отрочества — старший был моим сверстником — и как я им завидовал! В то время мы уже хорошо знали слово «фашист», ходили в тир, целились в его карикатурное изображение, и меткого стрелка вознаграждало всеобщее признание ребят.

В наше сознание властно и неотвратимо входило тревожащее ощущение чего-то тяжелого, что предстоит нам впереди, и сердце искало опору в образах прошлого. Множество раз я перечитывал тогда любимые страницы. Как восхитился гоголевским Тарасом Бульбой и его Остапом и как ненавидел красивую полячку, погубительницу Андрея!

Подвиг генерала Раевского и его сыновей под Салтановкой, Дашковкой будоражил душу. Сто, двести раз я примерял его на себя. А как — не спасовал бы, не дрогнул бы я? Смог бы? И думал: вот смогли же мои братья, комиссары гражданской войны. Я гордился их боевыми наградами, почетным оружием. Наверно, смогу, обязан смочь. Так сыновья

¹ Вот как пишется история! (фр.)

Михаил ВЛАДИМОВ

ИЗ ЦИКЛА «ПАМЯТЬ»

1936-й

Баскония,
Гвадарамы,
Бильбао —
Словарь тех дней.
И каждая телеграмма,
Как рана, —
Больней, больней.
Мне снились интербригады,
Идущие по горам.
А киноэкран и радио
Твердили:
— Но пасаран!
И вторили клятве гулко
Мы: Борька, Серега, я —
Тамбовского переулку
Футбольная ребятня.
И вдруг,
Словно канул в прорубь,
Однажды Борька исчез.
Перевернули весь город,
Но вернулись ни с чем.
Оставил только: «Не ждите!» —
Записку нам, пацанам,

Да фото: бойцы в Мадриде
С плакатом: «Но пасаран!»

Три дня прошло с половиною —
Был Борька в дом водворен.
В Одессе из трюма
Вынули:
Бежал в Испанию он!..
Гоняла мяч
оюз «испанца»
Футбольная ребятня:
Наш Борька,
как будто в панцирь,
Замкнулся с этого дня...

И тихо затрясся в плаче,
Узнав,
что Мадрид сдан:
— Эх, было бы все иначе,
Когда бы
Я был там!

Рисунок Александра ГРИШИНА

Раевского и пример братьев поселили в моем существе прекрасное чувство нравственного долга, которому я обязан всем лучшим, что было в моей жизни. Прочитав тогда, в сорок первом году, у Батюшкова пересказ его разговора с Раевским, я подумал: значит, пришла пора проститься с этим прекрасным воспоминанием, живущим во мне еще с отроческих лет.

И словно бы разрыв артиллерийского снаряда накрыл этот клочок земли под деревней Салтановка. А когда дым рассеялся, то на месте, где только что стояла эта полная величия скульптура — отец и его два сына, — стояла, словно остановленное мгновение, тревожное, как пение военной трубы, прекрасное, как чувство исполненного долга, вознесенное на пьедестал славы, к подножию которого мы возлагаем цветы нашего восхищения, на этом святом месте осталась черная дыра.

Тогда, в сорок первом году, я уже об этом сказал, не было ни времени, ни возможности подробно разобраться в том, что я так неожиданно вычитал у Батюшкова. Но, может быть, теперь...

Есть одна странность в самой судьбе свидетельства поэта. Невозможно и предположить, будто я его открыл или раньше других обратил на него внимание. Первое издание «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова вышло осенью 1817 года, а интересующие нас страницы о Раевском написаны весной, в мае того же года, в деревне Хантоново, когда автор заканчивал подготовку этой книги. Свидетельство о Раевском печаталось во всех дореволюционных изданиях сочинений Батюшкова, в том числе и в пятом, общедоступном, в 1887 году.

И вот странность-то и заключена в том, что никаких откликов в историографии Отечественной войны двенадцатого года это свидетельство не вызвало и подвига Раевского и его сыновей не поколебало.

Буквально во всех исторических монографиях и даже военных исследованиях, посвященных тому периоду, вы встретите описание или на худой конец упоминание о семье Раевских в деле у Салтановки.

Я понимаю: дореволюционные школьные хрестоматии не могли так просто расстаться с этим красноречивым примером самоотверженности. Но какое обязательное значение мог он иметь для автора чисто научной работы или военного оперативно-тактического очерка? Допустим, что и среди авторов таких работ были и есть люди, склонные

не забывать эмоциональную сторону событий, так ведь можно же сделать оговорку, наконец, сноску: так, мол, и так, есть одно утверждение, опровергающее факт, но тем не менее считаем необходимым привести этот факт в том виде, как он зафиксирован в ряде источников, и т. д.

Так нет же, за исключением одного-единственного упоминания о свидетельстве Батюшкова я не встретил такой оговорки, внимательно перелистав множество самых различных изданий, касающихся тех или иных проблем и фактов, а особенно нравственного духа событий двенадцатого года.

Передо мной фундаментальный многотомный труд «Отечественная война и русское общество». Его писали, консультировали и редактировали корифеи русской исторической науки. Издание было юбилейным, вышло в 1912 году. Составлялось оно тщательно, на его страницах были представлены военные и гражданские историки различного направления.

Но нас интересует сейчас всего лишь одна подробность: подвиг Раевского. В томе III на странице 105 читаем:

«Боевые его качества были подтверждены не раз. В 1806 году, сражаясь в течение семи дней без отдыха, без продовольствия, без подкреплений, сам раненный в ногу и оставшийся в строю, он мужеством своим и твердостью удивил и русскую и неприятельскую армии. И в Отечественной войне он оправдал вполне возлагавшиеся на него надежды: и в тот момент, когда на плотине под Салтановкой вывел он перед колонну двух сыновей своих (10 и 16 лет) под картечь французской батареи, чтобы воодушевить войска; и тогда, когда в Бородинском сражении, ожидая с минуты на минуту грозного удара французов на батарею свою, бывшую в центре позиции, он без замедления послал Багратиону, на которого уже обрушились французы, половину своих войск, подвергая себя крайней опасности, но вырывая общую пользу дела».

Годами, из сражения в сражение, складывается репутация военачальника, и вот для характеристики мужества Раевского историк выбирает из бесчисленного списка всего три примера, и один из них — подвиг под Салтановкой, где генерал готов был принести в жертву и себя и своих детей, чтобы воодушевить солдат на решительную атаку.

Спустя полвека в двенадцатитомном собрании сочинений, в работе «Нашествие

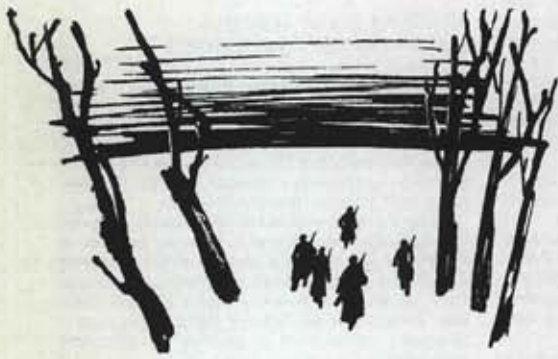
Обмотки

Не сразу
Нам новую форму давали.
Близ фронта
В каком-нибудь рву,
На льдыном привале
Сперва одевали
Солдат-новобранцев в БУ.
Следы от осколков
Заштопаны наспех.
Застирана смазка и кровь.
И вмятины,
Выровнены на касках,
Закрашены вновь.

В БУ нарядившись,
Мы очень гордились
Одеждой, доставшейся нам.
В ней старшие братья
В атаку ходили,
Носили на ней ордена...

Мы, словно металл,
Отливали в той форме
Свою фронтовую судьбу.
И мужество собственное,
О котором
Никто не сказал бы: БУ!

Была пехота
В походе — бог.
Но не хватало
На всех сапог.
Зато ботинок
Подбор любой:
Мотай обмотку —
И с ходу в бой!
Мотай обмотку,
Как будто бинт.
Нога в обмотке,
Как будто винт.
Мотай обмотку
На всю длину,
На всю дорогу,
На всю войну.
К шоссе — тропинку,
К витку — виток:
На Харьков, Киев,
На Белосток.
К дороге — речку,
К Днепру — Дунай,
Переобулся —
И вновь мотай!
Мотай обмотку,
Но знай, что тыл
Тебе к Победе
Сапожки сшил.
В кирзовых, новых
Войдешь в рейхстаг...
А на портянки —
Фашистский стяг!

Наполеона на Россию», академик Е. Тарле пишет об этом же эпизоде:

«Раевский с одним корпусом (7-м) в течение десяти часов выдерживал при Дашковке, затем между Дашковкой, Салтановкой и Новоселовом упорный бой с наследившими на него пятью дивизиями корпусов Даву и Мортье. Когда в этой тяжелой битве среди мушкетеров на один миг под градом пуль произошло смятение, Раевский, как тогда говорили и писали, схватил за руки своих двух сыновей, и они втроем бросились вперед».

На этом месте Е. Тарле отсылает читателя в конец работы, к сноске под номером 41, в которой читает: «По словам поэта Батюшкова, Раевский впоследствии отрицал точность этого рассказа, а сам продолжает: «Николай Николаевич Раевский был, как и его прямой начальник Багратион, любимцем солдат. Поведение под Дашковкой было для него обычным в тяжелые минуты боя».

Таким образом, Тарле хотя и упоминает в сноске свидетельство Батюшкова, но в основном тексте сохраняет эпизод с детьми Раевского в неприкосновенности, таким, как о нем писали во множестве работ до него.

Заметим, кстати, что по другим деталям истории этого времени Тарле полемизирует со своими предшественниками, исправляет их фактические ошибки, используя новые источники.

Еще через десять лет выходит в свет книга военного историка, профессора, генерал-лейтенанта П. Жилина «Гибель наполеоновской армии в России» — серьезное, тщательно документированное научное исследование. Автор по ходу изложения материала спорит с русскими историками М. Богдановичем, В. Харкевичем, Бутурлиным, А. Михайловским-Данилевским, а также и с Е. Тарле, с английскими учеными Р. Вильсоном и Г. Англинсоном по некоторым общим проблемам и частностям рассматриваемых им событий. Автор побывал на достопамятных местах сражений той войны. Эпизод у деревни Салтановка передан им с наибольшим приближением к первым известиям из действующей армии. Он говорит и о знамени, которое, по одним источникам, было в руках генерала, по другим — у его старшего сына.

Жилин пишет: «Был момент, когда казалось, что в неравном бою 7-й корпус дрогнет, но генерал Раевский, приказав генералу Паскевичу вести атаки правого фланга врага, встал во главе основных сил корпуса и повел пехоту в атаку. Вместе с ним шли его сыновья. Старший сын нес знамя Смоленского полка, младший шел с отцом. Подвиг Раевского вдохновил солдат и офицеров; в штыковых атаках противник был отброшен и отступил к Салтановке».

Еще через десять лет, в 1978 году, журнал «Простор» в нескольких номерах печатает любопытнейшую монографию пушкиноведа Николая Раевского (однофамильца, а может быть, и потомка знаменитого генерала, не знаю) под названием «Жизнь

за Отечество». Работа эта посвящена исследованию военной темы в творчестве Пушкина и военных связей поэта.

Как известно, Пушкин близко дружил с семьей Раевского и, как уже сказано, с сыновьями славного военачальника времен Отечественной войны. Пушкин писал брату Льву: «Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского... Свидетель Екатерининского века, памятник двенадцатого года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества». Пушкин был еще лицеистом, когда впервые встретил юного корнета Раевского-младшего. В двадцать восемь лет сын прославленного полководца был уже генерал-майором. Автор, рассказывая о встрече поэта с будущим генералом, пишет: «Корнет Раевский к тому времени уже получил боевое крещение, можно сказать, почти ребенком. По преданию, в одном из боев 1812 года у деревни Салтановка в трудную минуту, когда солдаты заколебались, генерал Раевский-старший вышел вперед, держа за руки обоих своих сыновей, и вместе с ними двинулся в контратаку. Предание это кажется достоверно».

Я процитировал здесь четыре разнохарактерных источника из множества книг, вышедших за сто шестьдесят семь лет со времени первой Отечественной войны. Поддающееся большинство их авторов, если не все, знали, как я уже говорил, о свидетельстве Батюшкова и тем не менее один за другим повторили на страницах своих произведений историю подвига генерала Раевского и его сыновей.

Что это означает? Почему они дружно прошли мимо рассказа Батюшкова и только немногие сослались на него (я обнаружил сие, как известно читателю, только у Тарле, но допускаю, конечно, существование такой ссылки или сноски и в какой-либо другой книге, хотя основная, наиболее серьезная литература по этому предмету мною прочитана, просмотрена)?

Все авторы, с небольшими различиями, понятными в тех случаях, когда факт не переписывается дословно из книги в книгу, или объясняемыми в каждом отдельном случае, повторяли основные детали интересующего нас эпизода. Я ведь тоже допустил как будто бы отсебятину. Я написал, что солдаты бросились вперед, обгоняя генерала и его детей. Но иначе и не могло быть в бою. Те, первые, что добежали до противника, до рукопашной, едва ли вышли из нее невредимыми. Обогнать, прикрыть начальника, подающего личный пример в атаке, — святая солдатская традиция. Постоять хладнокровно под картечью, не кланяться пулям, выдвигать перед сознанием солдат образец поддержки и стойкости, первым, если нужно, броситься в атаку — долг офицера.

Но продолжим нашу тему. Я рассказывал о странной судьбе свидетельства Батюшкова. Теперь несколько слов о

странностях самого свидетельства.

Казалось бы, после разговора с Раевским в Эльзасе в 1814 году Батюшков не мог не поделиться его содержанием с кем-либо из друзей, особенно с Жуковским, как мы знаем, причастным к распространению славы подвига отца и его сыновей под Салтановкой.

Он писал Жуковскому письма и в 1815 году, уже после своей эльзасской беседы, и в 1817 и в 1819 годах, после того как изложил ее суть на бумаге. Но ничего подобного нет ни в одном из его писем ни Жуковскому, ни кому-либо из других близких ему людей.

У нас нет, разумеется, никаких оснований не верить Батюшкову. Да, он, видимо, точно передал слова Раевского. Да, генерал отрицал и даже высмеял факт, которым восхищались петербургские газеты, вся армия, читающая публика, народ, который черпал вести о таких подвигах из рассказов ветеранов, вернувшихся в деревни или к городским промыслам.

Но чем же объяснить, что ни историки, ни мемуаристы, ни писатели не откликнулись на это сообщение Батюшкова? Соображения охраны престижа Раевского отпадают полностью, поскольку отрицание исходит от него самого. Может быть, читающая публика отвергла рассказ Батюшкова, поскольку не дождалась его подтверждения в виде письма потомков Раевского в газету или журнал? Ко времени первой публикации записной книжки поэта самого генерала уже не было в живых.

После окончания войны с Наполеоном во всем мире всколыхнулось обсуждение ее движущих сил и множества проблем, с нею связанных. Ссора Багратиона с Барклаем де Толли, Кутузов и Барклай. Кутузов и царь. Окружение Александра, и его влияние на оценку всех событий войны.

Споры обо всем этом приобрели в русском обществе весьма серьезный характер. При жизни непосредственных участников военных событий к мнениям и оценкам примешивались и личные пристрастия и невозможность провести услышанное или увиденное точным документом. Многие видные военачальники оказывались в плену своих симпатий и антипатий. Не избежал такого и Раевский.

Рассказ Батюшкова об их разговоре в Эльзасе начинается не с ошибок в описании эпизода под Салтановкой, а с гораздо более важных обобщений Раевского, до времени опущенных мною при цитировании. Сейчас я приведу этот текст: «Из меня сделали римлянина, милый Батюшков, — сказал он мне, — из Милорадовича — великого человека, из Виттенштейна — спасителя Отечества, из Кутузова — Фабия. Я не римлянин, но зато и эти господа — не великие птицы. Обстоятельства ими управляли, теперь всем движет государь. Провиденье спасло Отечество, Европу спасает государь, или провиденье его внушает. Приехал царь — все великие люди исчезли. Он был в Петербурге, и карлы выросли. Сколько небылиц напечатали эти карлы...»

И дальше Раевский приводит в пример описание салтановского эпизода. Иллюстрация по масштабам несравнимо меньшая, чем размах самой прерамбулы. Можно пожалеть, конечно, что такие характеристики Кутузова и Милорадовича вырвались из уст генерала одной с ними суворовской школы.

Но что поделаешь! Личные отношения, взаимные боли и обиды существуют, и тут ничего не изменишь.

Раевский не мог знать ни переписки Кутузова с государем, ни острой, но тайной борьбы английского посла в России Вильсона, злых наветов на фельдмаршала, искусно запущенных в дворцовые круги этим рыжим демоном, находившимся в то время при главном штабе российских войск.

Не знал Раевский и того, скольких усилий стоило убедить императора Александра, приехавшего к войскам в первые дни войны, покинуть армию. Ровным счетом ничего не понимая в

военной стратегии и тактике, государь вмешивался во все, разъезжал с огромной свитой военных профанов и болтунов, приводил в полное смущение боевых генералов. И, кстати говоря, ругал Багратиона за тот его недавний маневр, каким он ушел от Даву, прикрытый тем же Раевским под Салтановкой. Царь желал, чтобы Багратион пошел на Минск, не понимая, что при этом погибла бы вся 2-я армия, на нее навалились бы основные силы Наполеона. Никакого соединения 1-й и 2-й Западных армий не произошло бы.

Все, кто знал военную обстановку, приходили в ужас от распоряжений Александра. Дело кончилось тем, что государственный секретарь Шишков, генералы Балашов и Аракчеев — да, да, даже Аракчеев, поскольку и он понимал, что дальнейшее вмешательство государя в военные действия приведет к катастрофе, — уговорили его под разными предлогами отбыть в Москву и далее в Петербург.

Делалось это в глубочайшем секрете в Полоцке, и, конечно, боевые генералы и не подозревали, от каких бед были спасены их войска и Россия. Удаление государя! Что мог знать обо всем этом Раевский, да еще находясь не в 1-й, куда приехал Александр, а во 2-й армии?

Царь говорил тогда укоризненно: «Вот Багратион, кажется, не Барклай, но что сделал!» А военные историки до сих пор полагают, что такой маневр, кроме Багратиона, в Европе мог бы осуществить только один военачальник — Наполеон.

Итак, и Багратион плох и Барклай нехорош, о Кутузове и говорить нечего. Хорош был только один Фуль — немецкий генерал на русской службе, военный наставник царя, автор высочайше утвержденного проекта Дрисского лагеря, где вся русская армия оказалась бы в смертельной ловушке, не сообрази Барклай и его генералы, как поскорее выбраться из нее. Клаузевиц назвал как-то Фуля «полоумным», и никто не вздумал с ним спорить.

И вот о поклоннике Фуля Раевский, по словам Батюшкова, сказал: «Приехал царь — все великие люди исчезли». Мог он так сказать? Мог, разумеется. Русский генералитет был предан монарху до мозга костей. Государь был символом легитимизма, нарушенного в Европе Наполеоном.

И дело, в общем, не в том, знал Раевский или не знал о военной бездарности царя. И для тех, кто знал, особа государя все равно была священной, олицетворяя незыблемость существующего порядка жизни. Царь находился как бы вне игры воли и самодулия, возвышаясь над нею. Но только «как бы»...

Парадокс состоял в том, что Раевский, как и Багратион, Коновницын, Кульнев, как Милорадович и Кутузов и другие генералы, принадлежал к группе военачальников, не любимых Александром. Таких в русской армии было немало. Они были воспитаны по петровско-румынцевским установлениям, выучены Суворовым и видели в русском солдате не «механизм, артикулом предусмотренный», но соотечественника, защитника родины, призванного под ее знамена.

Велики были заслуги Раевского в войне с Наполеоном, и нельзя сказать, что он был вовсе обойден наградами. Но мог законно претендовать и на большее. Рано погиб Раевского любимый начальник Багратион, а никто не знал его так, как он, и никто, как он, не ценил его так высоко и справедливо.

Трудно сказать, чем вызваны желчные оценки Раевского. Он уравнил Кутузова и Милорадовича с Виттенштейном — военачальником действительно посредственным, хотя на последнем этапе войны императорский двор не прочь был посадить его даже на постамент «спасителя отечества».

Незаслуженное выдвижение Виттен-

¹ Легитимисты — приверженцы «законных» династий, лишенных престолов в результате революции.

штейна раздражало тогда и Милорадовича и многих других. Но несправедливое отношение Раевского к Милорадовичу, не говоря уже о Кутузове, трудно объяснить.

Так же вот была не очень понятна, но вполне несправедлива неприязнь Багратиона к Барклаю де Толли, хотя ее разделяли широкие слои русского общества. Понадобилось время, знаменитое стихотворение Пушкина «Полководец» и тома военно-научных исследований, чтобы снять с Барклая де Толли большинство предъявленных ему обвинений. Между тем Багратион много раз высказывал свое резко отрицательное мнение о Барклае, посылая в ходе военных действий пространные письма начальнику штаба 1-й армии Ермолову, а в Петербург — всеильному Аракчееву. Ну а к принижению великой роли Кутузова в Отечественной войне, как известно, приложил руку сам царь.

Весь военный архив Кутузова после его смерти, вся документация, которая отражала его оперативно-стратегические взгляды, была спрятана тогда под замок, и без разрешения Александра к ней не было доступа.

Писать историю — дело нелегкое. Она не пишется в один присест. Время и наука промывают руду событий, отсеивая, отводя ложное, оговаривая сомнительное, выявляя запрятанное, движущееся в донном течении. Сознанию предстает достоверность, очищенная от искажений.

В полной мере значение и масштаб полководческого таланта Кутузова выявлены и объяснены только в советское время. Была научно восстановлена репутация Барклая де Толли и стократно подтверждены несравненные достоинства Багратиона. Разногласия характеров были отделены от борьбы идей. А разные направления в оценке военных действий получили объективное истолкование.

Царскому самодержавию были всегда близки генералы-гатчинцы, сподвижники Аракчеева, почитатели прусской муштры и линейного строя. И оно всегда с инстинктивным недоверием относилось к военачальникам, чьим символом веры была суворовская школа обучения и воспитания солдат. Но именно такие люди во главе с Кутузовым и составили плеяду героев-генералов двенадцатого года. И именно их не терпели русские венценосцы, начиная еще с Павла.

После смерти Кутузова пять его дочерей оказались по ряду причин без средств к существованию. Они обратились к царю с просьбой о помощи. И на их прошение по высочайшему повелению Аракчеев наложил резолюцию: «Оставить без ответа». Генерал Раевский никогда не был любим в придворных кругах, а после декабристского восстания, когда на его сыновей пало подозрение царских следователей, и вовсе стал опальным. И это храбрый из храбрых, народный герой, верный защитник России!

Насколько мне удалось установить, оценка Раевским Кутузова и Милорадовича зафиксирована в письменном виде только один раз — в заметках Батюшкова. Был ли раздражен генерал в тот вечер, изволил ли насмешничать или зло пошутить, слышались ли в его словах отголоски царской немилости к Кутузову — подлинная интонация произнесенного утрачена.

Вернемся, однако, к эпизоду под Салтановкой. Батюшков иронически восклицает, повторяя слова Вольтера: «Так вот как пишется история!» Были ли в рассказе

Раевского основания для такого заключения-сентенции? Как будто бы нет.

Сам бой у деревни Салтановка — правда. Большое значение его для всей операции Багратиона — правда (именно потому ни один историк не обходит его описания). Ожесточение противников — правда. Храбрость самого генерала, воодушевлявшего под картечью дрогнувших солдат, — правда.

Что же ложно или сомнительно? Присутствие там сыновей генерала?

Но у одного из них, того, кто впоследствии дружил с Пушкиным, как подтверждает сам Раевский, были прострелены пулей панталоны, когда он собирал ягоды в лесу.

Позвольте, пулей? Но ведь дальность ружейной стрельбы в то время была весьма невелика. Русская пехота располагала гладкоствольными ружьями образца 1778 года. Эффективный выстрел был возможен лишь на расстоянии не более 90—100 сажен. Французская армия того времени не обладала более совершенным пехотным оружием. Следовательно, мальчик, находясь в сфере действительного огня, фактически был на поле боя. Ему оставалось сделать несколько шагов, чтобы приблизиться к отцу.

Сделал ли он эти шаги?

И где в это время был его старший брат? Как видим, версия, рассказанная самим отцом, возбуждает немало вопросов.

Что мне кажется вполне резонным в записи Батюшкова, так это отрицание Раевским тех слов, обращенных к солдатам, что приписаны ему в сообщении о подвиге: «Вперед, ребята, я и дети мои откроем вам путь к славе...»

Такую фразу вряд ли мог произнести Раевский. Она совсем не в лексическом духе той группы генералов, к которой он принадлежал. В ней смесь словаря лубочных афишек, какие выпускал в Москве ее губернатор Ростопчин, с выпренностью приказов французских маршалов. Характерно, что слова эти фигурировали только в первых сообщениях о подвиге, а в дальнейшем уже не упоминались.

Я думаю, ироническое восклицание Батюшкова «Так пишется история!» могло бы по справедливости относиться скорее к таким фактам, как изъятие из общественного обращения архива Кутузова, поддержка царским окружением лживых клеветнических книг английского посла в России Вильсона, всячески чернивших русского фельдмаршала, и т. д.

МОГИЛА БАГРАТИОНА
НА БАТАРЕЕ РАЕВСКОГО.

«Вы всегда говорили мне правду, которую я не мог бы узнать другим путем. Я знаю, что фельдмаршал не сделал ничего, что он должен был сделать», — кощунственно говорил Вильсону Александр в Вильне о Подлинном вожде русского народа в той Отечественной войне.

Стиль этих высказываний оказал огромное влияние на работы многих историков о Кутузове — русских и иностранных. Так вот и хотело самодержавие писать историю того времени: с Александром в роли мессии. Хотело, но не смогло. Правда фактов и правда народного чувства оказались сильнее.

Кто-то сказал: «Бывает, из ста фактов не выкроишь ни одного ощущения». А без чувств, без ощущений мертвы и факты. История Отечественной войны двенадцатого года была в конце концов написана правдиво, а в ней нашел себе прочное место и эпизод под Салтановкой.

И в созвездии военачальников той поры мы видим рядом с Кутузовым и Барклаем с Багратионом, и Раевским с Милорадовичем, Ермоловым и Платовым, видим Коновичина и Дохтурова, Неверовского и Воронцова, видим их вместе, в тесной группе, в сверкающих эполетах, с решимостью во взорах, такими, какими их изобразил Дюу в

СЮДА НЕ ЗАРАСТЕТ
НАРОДНАЯ ТРОПА.

**ПАМЯТНИК ВОИНАМ 5-й АРМИИ,
ОТРАЖАВШИМ НАТИСК ФАШИСТОВ
НА СВЯЩЕННОМ
БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ.**

галерею Отечественной войны 1812 года в Эрмитаже.

Видим их вместе независимо от подробностей их личного отношения друг к другу, где по-человечески все было возможно, особенно при действии коварного принципа самодержавных правителей — «Разделяй и властвуй!»

И все же о Салтановке. Нет у меня сомнений, все там истинно. Сыновья генерала были при нем. А вот в такой ли близости, что он их обнял и сделал с ними несколько шагов вперед?..

Конечно, много было написано и такого в ту войну, что позже, во время первой мировой, было окрещено термином «кузьмакрячковщина»; выпускались и пресловутые афишки Ростопчина с их ерническим языком, шапкозакидательством и тем, что мы называем лакировкой действительности. Были и поспешно хвастливые репортажи и военные известия, высосанные из пальца и поданные в газетах как свежие сообщения с полей действующих армий.

Но все это не имеет отношения к таким событиям, как эпизод под Салтановкой. Он весь в правде того времени. Он сияет отблеском того воодушевления и той самоотверженности перед лицом неприятеля, что сплотила русский народ, взметнула ввысь его национальное самосознание. Он сохранился не только в бесчисленных письменных источниках — ни один автор ни одной книги о войне двенадцатого года не упустил возможности полюбоваться, восхититься этой жемчужиной стойкости русского духа.

И одновременно этот эпизод стал преданием, то есть памятью о событии, перешедшей устно от предков к потомкам, поучением и наставлением, в данном случае примером самоотвержения, переданным одним поколением другому, заповедью, заветом, поверьем.

А что есть поверье? То, чему народ верит безотчетно, но принимая в свое сердце не все, что в руки плывет, что в ушах гудит, а лишь то, чему есть корень и основание.

Но я не сказал еще о главном свидетеле, который веско подтвердил достоверность первоисточника о подвиге отца и его сыновей. Приведу его полностью: «Некрология генерала от кавалерии Н. Н. Раевского».

«В конце истекшего года вышла в свет некрология генерала от кавалерии Н. Н. Раевского, умершего 16 сентября 1829 года. Сие сжатое обозрение, писанное, как нам кажется, человеком, сведущим в военном деле («некрология» была опубликована без подписи.— А. К.), отличается благородно теплою слога и чувств. Желательно, чтобы то же перо описало пространные подвиги и превратную жизнь героя и добродетельного человека. С удивлением заметили мы непонятное упущение со стороны неизвестного некролога: он не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поле сражений в кровавом 1812 году!.. Отечество того не забыло!»

Н. Раевский-младший — друг еще с лицейской поры, задушевный собеседник Пушкина. Их отношения отличались подлинной теплотой. К сожалению, пе-

КНЯГИНЯ ВОЛКОНСКАЯ: «МОЙ ОТЕЦ, ГЕРОЙ 1812 ГОДА, ЭТОТ ПАТРИОТ. ПРИ ДАШКОВКЕ, ВИДЯ, ЧТО ВОЙСКА ЕГО ПОКОЛЕБАЛИСЬ, СХВАТИЛ ДВУХ СВОИХ СЫНОВЕЙ, ЕЩЕ ОТРОКОВ, И БРОСИЛСЯ С НИМИ В ОГОНЬ НЕПРИЯТЕЛЯ...»

реписка приятелей утрачена, а содержание их сердечных бесед осталось нам неизвестным. Нет сомнения, что в долготем тесном общении они многое поверяли друг другу, и еще тогда, в лицейские годы, зная страсть Пушкина к военному делу, Николай Раевский, да и старший брат — Александр, конечно же, не могли не рассказать ему подробности всего, что происходило под Салтановкой.

Н. Раевский-старший умер в 1829 году. Вскоре же после его смерти вышла в свет «Некрология», а «Литературная газета» тех времен откликнулась на нее в первом же номере 1830 года коротенькой рецензией Пушкина, процитированной здесь. Переписывал я ее, и вдруг сразу же, как результат таинственной работы памяти, четко и ясно вспомнились пушкинские строки:

*Едва расцвел, и вслед отца-героя
В поля кровавые под тучи вражьи
стрел,
Младенец избранный, ты гордо полетел.*

Да, отечество того не забыло. Но почему же Раевский-старший в разговоре с адъютантом отрицал факт, не поколебленный, как мне теперь удалось убедиться, временем,— не знаю.

В сорок первом году, когда мы с Павленко читали Батюшкова и наткнулись на его запись о рассказе Раевского, я, еще до всех своих скромных исследований в этой области, стал прикидывать, судить и рядить о том, кто тут прав, кто виноват.

— Ну, что ты мучаешься? — разозлился тогда Павленко. — Неужели непонятно? Наверно, когда бабушка или жена — не знаю, кто там у него хозяйничал дома, — отпустила сыновей к отцу на фронт, то взяла с него слово не подвергать детей опасности, а потом прочли в газете, как он пошел с ними под картечь, и ахнули. Ахнули и послали ему ругательное письмо, потребовали

детей обратно, к родным пенатам. Генерал и стал открещиваться, не было, дескать, такого дела, выдумка все это. И еще адъютанта стал вербовать в свидетели. Семейная это история, семейная! Нечего и голову ломать.

Мы тогда посмеялись вдвоём. Но совета друга я на этот раз не послушался. Маленько поломал голову над всем этим, и о том не жалею.

И, наконец, последнее свидетельство. Оно исходит из самой семьи знаменитого генерала войны 1812 года. Княжна Волконская, дочь Раевского-старшего и жена декабриста, умерла в 1863 году. В конце 50-х годов XIX века она написала воспоминания. Почти полстолетия они оставались неизвестными читателю. Ее сын М. С. Волконский впервые издал мемуары матери в 1904 году. Вторично они вышли в свет в 1906 году. А в 1914-м появилось новое издание, подготовленное известным пушкинистом П. Е. Щеголевым. В 1975 году воспоминания Волконской были изданы в Красноярске. Вот интересующие нас строки:

«Мой отец, герой 1812 года, с твердым и возвышенным характером, этот патриот при Дашковке, видя, что войска его поколебались, схватил двух своих сыновей, еще отроков, и бросился с ними в огонь неприятеля...»

Проходят годы, десятилетия, столетия. Новая жизнь шумит в наших просторах. Старятся люди, но народ молодеет век от века. Одно поколение передает другому эстафету борьбы и труда, социального обновления и готовности, теперь уже новой общности людей — советского народа — защищать Отечество. Вспоминаю строки из поэмы Николая Тихонова о 28 героях-панфиловцах:

*Безграничное русское поле,
Ходит ветер, поземкой пыля,
Это — русское наше раздолье,*

**ЭСТАФЕТА МУЖЕСТВА, ПОДВИГА,
ВЕРНОСТИ ОТЧИЗНЕ.**

*Это — русская наша земля.
И зовется ль оно Куликовым,
Бородинским зовется ль оно,
Или славой оваяно новой,
Словно знамя опять взметено,
Все равно, оно кровное наше...
Куликово... Бородино... Дубосеково...*

Произносишь или мысленно повторяешь эти названия-символы, а за ними открывается мужество народа, его торжество, печаль и гордость. А сколько таких названий на нашей земле!..

«ЛИЧНАЯ» РЕКА БРИГАДИРА

Человека, чье имя носит теперь пятикилометровый оросительный канал под Чимкентом, ежедневно встречали десятки строителей 49-й передвижной мехколонны треста «Чимкентводстрой».

Руководитель бригады, которая течет теперь через территорию совхоза «Балхакульский», названа именем бригадира экскаваторщиков Григория Фролова. Ударник коммунистического труда, неоднократный победитель соцсоревнования, он много лет занимался орошением казахских степей. Память о доблестной работе бригадира и его товарищей дирекция совхоза решила оставить навсегда и обратилась в компетентные органы с просьбой сделать очередной канал, на строительство которого был занят Фролов, именем.

Ходатайство было удовлетворено, а бригада знатного экскаваторщика, в свою очередь, подарила хозяйству воду на месяц раньше срока.

Борис ПЕТРОВ

ИСКУССТВО XXI ВЕКА

Лазериум —

это музыка звезд

...Она словно звучит из бархатной темноты бескрайнего неба, раскинувшегося над головой.

Глубокая черная сфера усыпана бисером звезд. И вдруг ее прочерчивают пламенные хвосты комет! По команде с пульта золотисто-оранжевые сполохи восхода окрашивают горизонт. На фоне звезд возникает силуэт стремительно мчащегося космического корабля. Торжественными волнами наплывает музыка, и в ее ритме вдруг рождается алый луч. Затем мелодия приносит в зал густую синеву.

...Наш век по праву называют веком технической революции. Лазеры — одно из последних достижений науки. Лазеры помогают горнякам прокладывать тоннели и добывать руду; медики с их помощью делают ювелирные операции; в промышленности широко освоена сварка «рубиновыми лучами»; связисты создают трансконтинентальные мосты теле- и радиосвязи; астрономы лазерными лучами ведут разведку Вселенной, а в музеях лазер копирует бесценные произведения искусства, создавая объемные голографические изображения.

Теперь у него появился новый рабочий адрес — Московский планетарий. Именно здесь, в Звездном зале, состоялась артистическая премьера лазера-художника.

Около полугода готовили

это первое в нашей стране представление — лазериум «Звезды и музыка» — художественный руководитель и постановщик Юрий Спицын, художники — лазеристы-операторы Маргарита Неведомская и Сергей Богданов, звукорежиссер Алексей Павлов.

— В перспективе в столице намечается создание цветотеатра, где широко будет использоваться лазерная техника, голография, музыкальные синтезаторы, — рассказывает Юрий Спицын, руководитель методического центра организации досуга молодежи при Московском горкоме комсомола. — Уже создан проект театра. Он будет возведен в центре Москвы. Внутри зрительного зала мы хотим установить самолетные кресла и придать театру форму космического корабля или огромного воздушного лайнера.

Первым спектаклем, который будет показан в экспериментальном зрелищном здании, станет феерия «Маленький принц», поставленная по знаменитому произведению Антуана Сент-Экзюпери. В главной роли выступит актер Театра сатиры Анатолий Омельченко. А пока, опять-таки в планетарии, готовится к постановке яркое и динамичное «Космическое путешествие».

Борис БЫЧКОВ

На снимке: у пульта А. Павлов.

Фото Александра АНУФРИЕНКО

...НА ДВА СЛОВА!

...После окончания строительства поселка Ния — Грузинская, который возводит мои земляки на БАМе, комсомольцы «Грузстрой-БАМа» поедут в Читинскую область — возводить новый

поселок в селе Ихабья. Инициативу комсомольцев, имеющую большое значение, поддержал Центральный Комитет Компартии Грузии.

Ираклий ВИЛАВА, Руставели

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

Линейка Дробышева

...Линейку Дробышева я впервые увидела в стереофотограмметрической лаборатории Московского института инженеров геодезии, аэрофотограмметрии и картографии, где Дробышев работает более пятидесяти лет.

Тяжеловата она для женской руки. Метровая, стальная, по всей длине — отверстия-квадраты. Молодой топограф Ф. Дробышев, он тогда работал в системе Высшего геодезического управления ВСНХ, изобрел координатную линейку в 1924 году — для вычерчивания сеток, необходимых при построении карт. Линейка и поныне применяется в проектных организациях, горнодобывающей промышленности. А изобретатель получил мировую известность.

Десять лет существует плодотворный союз одного из предприятий Главного управления геодезии и картографии, где обретают жизнь его приборы, и кафедры фотограмметрии МИИГАиК, где он работает. Кроме того, ученым-конструктором написано семнадцать книг, по которым учатся и по сей день студенты специальных вузов.

А сам Дробышев, лауреат Ленинской и Государственной премий, продолжает творить.

— Пока у меня рождаются идеи, буду работать, — говорит Федор Васильевич. — В этом, очевидно, секрет моего долголетия, ибо мне уже восемьдесят семь лет.

Между прочим, ученый еще и сочиняет музыку. Для фортепьяно им написаны прелюдии, вальсы, концерты. Сам играет на скрипке, пианино.

— К сожалению, мои музыкальные сочинения «не внедрены», их признал лишь мой коллега профессор Урмаев, закончивший школу при консерватории, — шутит ученый. — Пианист-виртуоз, он исполняет мои произведения на вечерах художественной самодельности.

Лидия ПОДБОЛотова. Фото автора

КАПИТАН — УЛЫБНИТЕСЬ

СЕМЕСТР НА ПЛАВУ

К ленинградским причалам подходили по очереди суда, построенные по заказу Министерства речного флота РСФСР для Северо-Западного речного пароходства: «Александр Попов», «Павел Яблочков», «Иван Ползунов», «Василий Калашников».

От обычных серийных теплоходов типа «Балтийский» этих отличает двухэтажная рубка. В верхней ее части несет вахту штатная команда, а нижняя предназначена в распоряжение студентов судоводительских отделений институ-

тов водного транспорта. Здесь будущие мореплаватели под руководством своих наставников учатся прокладывать курс, управлять судном.

Студентам, которые, кстати, наравне с основным экипажем участвуют во всех работах на борту, созданы хорошие условия для труда, учебы и отдыха: комфортабельные каюты, медицинский блок, санитарно-гигиенический комплекс с душевыми, сауной, прачечной, гладильней, камбузом.

Валерий НИКИФОРОВ

Вкус? Специфический

В Туркмении в сельской местности почти каждая семья держит в хозяйстве корову, овец, ишака и верблюда. Корову, понятное дело, чтобы получать молоко. Овец, чтобы иметь в достатке шерсть и перерабатывать ее на одежду, кошмы, ковры, а также чтобы иметь в достатке мясо. Ишак помогает по хозяйству, — где что привезти, подвезти, в этих делах ишак конкурентов не имеет ни среди машин, ни среди животного мира. А вот для чего в хозяйстве верблюд?

Первым делом вспоминается замечательная верблюжья шерсть, легкая, как пух. Прекрасные из верблюжьей шерсти получаются одеяла. Но нет, не из-за шерсти держат в хозяйстве верблюда, «шерстяная» проблема в туркменских семьях свободно решается с помощью овец. Тогда для чего же?

Для того, чтобы получить чал.

Чал — это продукт, изготовляемый из верблюжьего молока, чем-то напоминающий кумыс, простоквашу, ряженку и даже квас, но ни одному из этих продуктов полностью не соответствующий, имеющий свой неповторимый вкус и свое неповторимое назначение. В первую очередь чал пьют для утоления жажды.

Какая в Туркмении жара, известно каждому. Так вот, типичный туркмен, живущий в сельской местности, в самое жаркое время пьет чал и утверждает, что это гораздо вкуснее и эффективнее, чем пить чай, квас, пепси-колу. Во вторую очередь чал пьют просто для поддержания в теле здорового духа, а также для борьбы со всевозможными недугами. Утверждают, что чал содержит особые ферменты и благодаря этому имеет особое целебное свойство.

На снимке вы видите Дурсунджамал Вельсатову и ее подопечного верблюжонка. Дурсунджамал исполнилось одиннадцать лет, верблюжонку один месяц. Еще в хозяйстве Вельсатовых — две взрослые верблюдицы и один годовалый верблюд-подросток.

Анатолий ЛЕЛЬЕВ. Фото автора

медикам следует иметь в виду, что время прохождения интернатуры не входит в этот срок.

Работа должна предоставляться в соответствии с приобретенными специальностью и квалификацией. Если же этого не будет сделано, что, к сожалению, иногда встречается, молодой специалист может обратиться в соответствующее министерство с просьбой предоставить другую работу или направить в порядке перевода в систему другого министерства.

ОТ РЕДАКЦИИ:

юридическая консультация «Смены» дает ответ на каждый вопрос — или на страницах журнала, или отдельным письмом.

Какой срок обязательной работы установлен для молодых специалистов после распределения?

Е. ПОПОВ, Тара

Они обязаны отработать не менее трех лет. Студентам-

ФОТО ИЗ ПОЧТЫ МЕСЯЦА

...Все понятно без лишних слов: если перед входом в магазин висит капуста, значит, здесь торгуют овощами-фруктами. А если громадный ботинок на специальной подставке — значит, вы пришли в мастерскую сапожника...

Множество оригинальных вывесок, задуманных и испол-

ненных местными художниками, украшает улицу Вильяуса в Шяуляе. Чтобы удобнее было любоваться так называемым искусством малых форм, эта улица объявлена сугубо пешеходной.

Фото Владимира МАШАТИНА

УВЛЕЧЕНИЯ

Путешествие во вчерашний город

...могут совершить жители Архангельска в конференц-зале горисполкома. Здесь выставлен макет дореволюционного Архангельска, со скрупулезной точностью воспроизводящий улицы и строения старого северного города.

Макет этот сделал Зосим Калашников, коренной житель здешних мест. Немало времени провел он в архивах и музеях, по крупицам собирая сведения о том, как выглядел город в начале века.

Иван ГРИШИН

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЧАС

Родословная клавесина

Пифагор — первый из известных истории людей, который играл на монохорде — далеком предке всех струнных инструментов. Правда, музицировал знаменитый эллин не ради удовольствия: он ставил опыты. Инструмент представлял собой длинный и узкий ящик с натянутыми на его крышке струнами.

Монохорд стал прообразом музыкального инструмента, который три с лишним столетия услаждал слух европейских меломанов. Называли его по-разному: харсихорд — в Англии, клавицимбел — в Германии, гравичембало — в Италии.

Принцип монохорда был положен в основу клавесина, который недавно создали мастера ленинградской фабрики «Красный Октябрь».

Елена ГОЛОВАНЬ

...НА ДВА СЛОВА!

Хорошо, когда слова не расходятся с делом. Вот родилась у нас на заводе тройня: у Анастасии и Виктора Поповых. Три дочки — Вера, Надежда и Любовь. Семье сразу дали четырехкомнатную квартиру, каждый день бесплатно привозят моло-

ко. Медицинская помощь на дому — само собой. И даже игрушки, пеленки, распашонки и т. д., говорят, доставляют на дом продавцы магазина «Товары для детей». И тоже бесплатно!

М. ПЕТРОВ, пресово-рамный завод КамАЗа, Набережные Челны

НАБЛЮДЕНИЯ

СОЛЬ ЗЕМЛИ

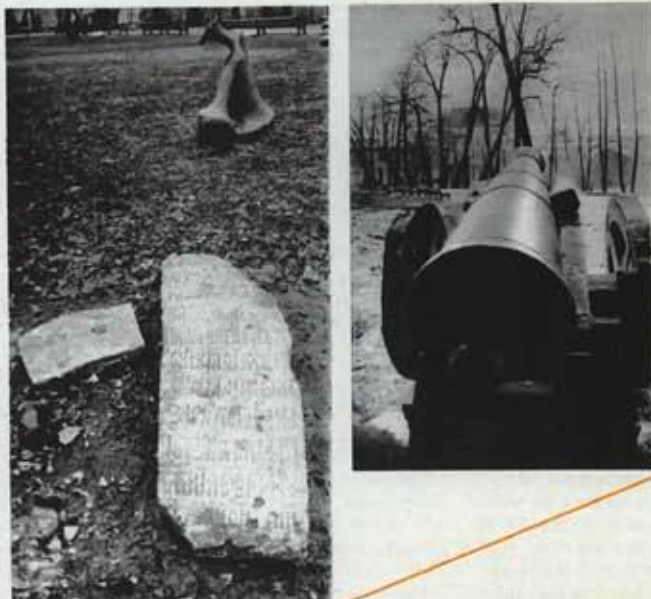
С чего начать? С Петровского домика (1885 г.)? С древлехранилища (1892 г.)? С музея родноведения (1911 г.)? С картинной галереи (1916 г.)?

Все эти «организации» в равной степени могут считаться прародителями Вологодского краеведческого музея (1923 г.). И в равной же степени — те люди, кто во все вышеуказанные времена пекся о прошлом, чтобы лучше понимать настоящее и предвидеть будущее. «Существование краеведов — величайшее благо для глухих окраин Союза. Краеведы — поэты и ученые вместе. Они пропитаны запахом болот, хвои, ветра... дыма едких химических паров и смазочных масел. Объем их исследований обширен, а энтузиазм может заразить самого скучного человека», — заметил Константин Паустовский.

Городская картинная галерея в Вологде существует и по сей день: недалеко от кремля, отдельно. В бывшем же архиерейском доме, обнесённом каменными стенами высотой от шести до семи с половиной метров, с бойницами и переходами по внутренней стороне, с несколькими воротами и четырьмя башнями хранится теперь 130 тысяч материальных свидетельств ушедшего времени.

Над толщей кладки неслышно летают птицы. Летит время...

Петр НОВИКОВ. Фото автора

СМЕЛЫЕ ЛЮДИ

ДВА БЕЗЫМЯННЫХ

Давно и успешно работает секция альпинизма в проектном институте «Севкавгипроводхоз». Пятигорчане под руководством заместителя главного инженера института, кандидата геолого-минералогических наук Эдуарда Валентиновича Запорожченко, большого энтузиаста этого вида спорта, не раз совершали восхождения на горы Центрального и Западного Кавказа. И вот — альпиниада «Архыз-82».

Она проходила в верховьях реки Софии и была посвящена XIX съезду ВЛКСМ. Вместе с нашими ребятами шли и болгарские друзья во главе с опытным альпинистом, заслуженным мастером спорта НРБ Сандю Бешевым.

Более полутора сотен спортсменов края собралось в базовом лагере «Поляна-2000». Отсюда, разбившись на группы, они начинали штурм безымянных вершин. Советско-болгарская группа, несмотря на крутизну и сыпучий снег, поднялась по Восточному кулуару, вышла на Северо-Западный гребень и достигла вершины с отметкой 3226 метров. Этой вершине решили дать имя «Димитров-100» в честь славного сына Болгарии, видного деятеля международного коммунистического движения Георгия Димитрова, столетие со дня рождения которого отмечалось в июне этого года. Альпинисты установили на вершине памятную плиту с барельефом вождя болгарского народа.

А за день до этого группа ставропольчан, среди которых находились и спортсмены «Севкавгипроводхоза», совершили восхождение на вершину, названную в честь открытия съезда комсомола «Пик имени XIX съезда ВЛКСМ».

Владимир ПЕТРОВ, инженер. Фото Сандю Бешева

...НА ДВА СЛОВА!

В фойе астраханского кинотеатра «Октябрь» раскинулся целый тропический сад: пальмы, гигантские фикусы, араукарии, филодендроны, кактусы, лимоны, лавры. Многие из них больше ста лет.

Деревья достигают высоты четырехэтажного дома, и уже дважды приходилось поднимать потолок в фойе. Теперь он сделан подвижным и, если будет надо, поднимется еще выше. Каждый год пальмы цветут и дают плоды.

Екатерина МАСЛОВА, Астрахань

А ЧТО У ВАС?

В коллективных садах тысячи горожан с удовольствием выращивают плоды земли — сотни тонн свежих овощей и фруктов, много букетов цветов. Это существенная прибавка к нашему столу. А цветы — всегда радость...

ПРИБАВЬ-КА САМ!

Петр НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Смены»
Фото автора

Крыльцо загородного домика, где обычно живет все лето кадровый рабочий московского завода «Серп и молот» Феликс Николаевич Соскин, и так невысокое — три ступеньки. Однако старый мастер с удовольствием шаркал рубанком по тонким лесникам, ладил для крыльца перила — взрослому по колено.

Работал, одновременно прислушиваясь к вою тормозящих за лесом электричек: ждал приезда домашних.

Обычно же еще с вечера каждой летней пятницы двенадцать гектаров садоводческого товарищества «Востряково», на которых стоят почти три сотни летних домиков, постепенно заполняются хозяевами: рабочими и служащими родного Соскину завода.

«Серп и молот» организовал у себя три таких товарищества в разных районах Московской области. Не так давно завод получил право разместить на бросовых торфяниках под Егорьевском (два часа езды от Москвы) четвертое — еще без малого три сотни индивидуальных садов. И все равно в заводском комитете профсоюза подсчитали, что на один участок претендовали приблизительно пятеро желающих.

И как не желать?

Семья Соскиных небольшая, но и не очень маленькая: восемь человек. Но восемь соток земли обеспечивают всех вареньями: вишневым, сливовым, крыжовничным, смородиновым, рябиновым, облепиховым, земляничным. И соленьями: из помидоров, огурцов и даже грибов — вот уже второй

год семья опять возле дома дает приличный урожай.

...За сарайчиком растет яблоня, мужественно перенесшая жестокие холода трехлетней давности. Она на участке не единственная, но самая любимая: по двадцать пять разных сортов яблук снимают с нее Соскины каждую осень. Феликс Николаевич сам делал прививки, всей семьей следили: приживутся ли.

А под яблоней — грядки с земляникой, чесноком, петрушкой, укропом, горохом, кабачками, свеклой, луком, морковью, небольшие теплички.

А возле грядок — цветы: пионы, гладиолусы, настурция, всего восемь сортов, не считая сирени.

— Вот тут, на огороде, и учить молодых уму-разуму, — размышляет Соскин. — Хорошо, у нас рабочая династия, а у других? Где еще показать сыновьям и внукам, как нужно относиться к любому делу? И зачем стучать в домино на пенсию, когда можно работать на земле? Земля и молодежь к себе притянет и отдаст по труду, не скупясь...

Когда-то таких, как Соскин, насмешливо называли «частниками». Но сейчас лишь под Москвой таких «частников» более двухсот тридцати тысяч. Ежегодная фруктово-овощная прибавка к столу горожан «весит» ныне десятки тысяч тонн.

...И что жалко, — продолжал Феликс Николаевич, прилаживая к перильцам верхнюю лесинку, — в хороший год непременно часть урожая закопаешь в землю. А куда девать, если не подвернется какая-нибудь оказия? Себе запасли, соседей угостили. Ну, часть яблук — на сок. В позапрошлом году бутылок семьдесят сделал, а остальное? Заготконтора говорит: приезжайте сами. А где взять грузовик? Вот в прошлом году объявило правление: просим, мол, помочь сельской школе-интернату. Так чего только не нанесли: и варенья, и компотов, и свежих плодов, и меду...

Родному заводу — его детским садам и я-

блям — тоже кое-что перепадает: и в качестве безвозмездного дара и в качестве своеобразной платы за постоянную помощь. Организационную, техническую, материалами и любую другую, которая не под силу не только одному садоводу, но даже и товариществу таких, как Соскин. Кто бы из них смог, например, отремонтировать своими силами оба глубинных насоса, которые таскали-таскали воду для всего поселка да прошлым летом — разом — и остановились? Завод сделал. Или: в поселке нужна была газообменная станция. Чей заказ сельским строителям весомее? Конечно, заводской. Не так давно заводы получили право оплачивать своим садоводам и часть стоимости строительства домиков...

...Потому и недоволен дед Соскин: «Мог бы, мог бы родной «Серп и молот» брать с наших участков побольше, пришли он вовремя транспорт».

Совсем скоро приезд родных прервет рассуждения старого рабочего. И сын его Юрий Феликсович, старший мастер электрофасоннолитейного цеха, скажет так: «В отличие от владельцев дач у садоводов нет заборов. Соответственно нет и суеты вокруг них. И наши дети с удовольствием принимают такую «беззаборную жизнь».

Соскин-старший нагнул сооруженную им конструкцию и остался доволен прочностью. Хотя и не плотник сам, а бывший мастер сортопрокатного цеха, все получилось грамотно, аккуратно и почти безотходно.

— Что ты тут нагородил, дед? — раздался веселый голос у него за спиной.

Вяук!

— Что нагородил? — переспросил дед. — А сколько лет твоему двоюродному брату Феликсу Николаевичу-младшему, ты не забыл? То-то и оно, что полтора. Трудно ему в огород ходить самостоятельно. А теперь сможет! Смо-о-ожет... Вот завтра сделаю для него и персональную тяпку.

ЛИЧНОСТЬ В МУЗЫКЕ

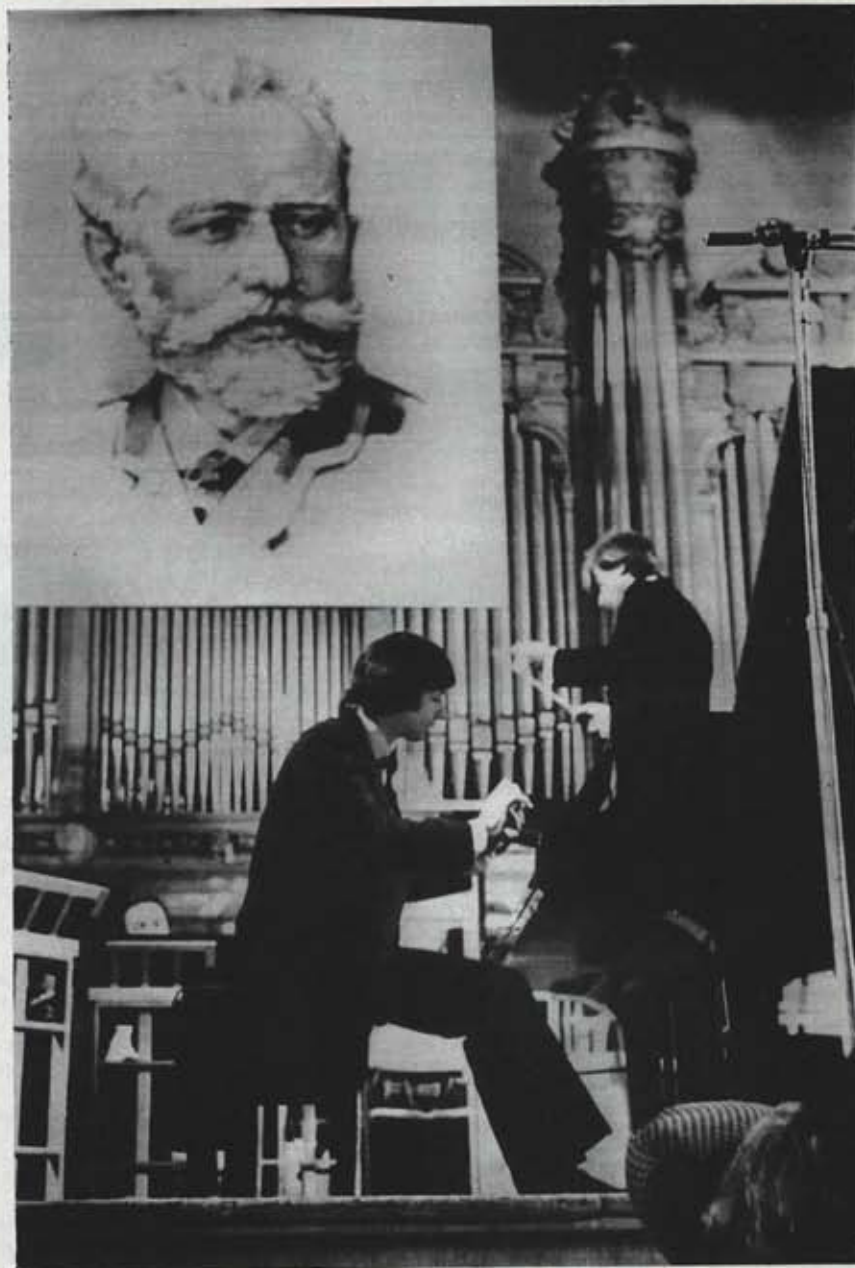
«Я навсегда оставил в Москве свое сердце», — так писал Ван Клиберн, первый лауреат Международного конкурса имени П. И. Чайковского. Спустя почти четверть века на сцене Большого зала Московской консерватории прозвучали такие же слова, слова признательности, благодарности, любви. Их на закрытии VII Международного конкурса имени П. И. Чайковского произнес молодой бразильский виолончелист Антонио Менезес, получивший первую премию и золотую медаль.

Конкурс имени Чайковского. Один из ста с лишним международных музыкальных конкурсов, которые проводятся в мире. Каждый имеет свое лицо, свои особые требования. Международный имени Чайковского — один из наиболее масштабных по объему задач, которые стоят перед исполнителями. Его программы огромны. Они включают музыку четырех столетий. Музыкант, приехавший в Москву, должен проявить себя разносторонне, а еще он обязательно должен любить и уметь играть русскую музыку. Произведения русских и советских авторов звучали в Москве очень часто, потому что одна из основных задач конкурса, который носит имя выдающегося русского композитора, — приобщение к художественным богатствам русской и советской культуры.

«Когда на доске объявлений в Манхеттенской школе, где я учусь, повесили приглашение на конкурс имени Чайковского и условия участия в нем, я решила обязательно поехать, — рассказывала певица из США Долора-Мария Заиц, завоевавшая третью премию и бронзовую медаль. — В Америке любят и пропагандируют русскую музыку многие музыканты. Но студентам справиться с ней нелегко. После спектакля «Орлеанская дева», в котором я исполнила партию Иоанны, мне говорили, что благодаря совсем не американской эмоциональности я ее очень хорошо чувствую и могу петь. Поэтому в Москве я много слушаю и учусь. Ведь самое главное — опыт».

Учиться русской музыке. Учиться не только, когда на сцену вышел товарищ, соперник. На конкурсе каждый день, час, минута наполнены этим. Ведь только побывав в родной стране музыканта, до конца понимаешь природу его творчества. Многочисленные встречи, общение с людьми, посещение музеев, памятных мест оживляют представления об отраженной в произведениях искусства духовной жизни нашего народа.

Международный конкурс имени П. И. Чайковского

«Я давно мечтала побывать на родине Толстого, Достоевского, Чайковского, — говорила Анник Руссен, французская скрипачка, занявшая IV место. — Участие в конкурсе дало мне такую счастливую возможность. Самое главное мое впечатление — люди. Меня поразили их доброта, открытость. Я раньше много общалась с русским искусством. Но теперь я понимаю, какими крепкими нитями все эти произведения связаны...» Чехословацкий же виолончелист Михаил Канька (VIII премия) после поездки в Дом-музей Чайковского в Клину сказал об этом просто: «Я очень рад, что смог прийти сюда».

Конкурс не только раскрывает многоликую картину мирового исполнительства и выдвигает имена наиболее талантливых. Он обнажает острые проблемы, стоящие перед музыкальным миром. Одна из них — проблема личности в исполнительстве и ее отношение к сложившимся в музыкальном искусстве традициям. Да, искусство всегда развивалось из противостояния этих двух начал. Складываясь по-разному, они приводят к неповторимым проявлениям творческого духа.

Часто ли на конкурсе можно услышать глубоко личностную игру, встретить вполне сложившуюся личность? Около 250 участников было в этом году на конкурсе. Если учесть, что нередко на конкурс приезжает молодежь еще обучающаяся, а порой даже не прошедшая предварительных прослушиваний (вспомним, что говорила Долора-Мария Заиц, приехавшая в Москву, увидев объявление!), то нетрудно предположить, что здесь могут оказаться и люди случайные, не соизмерившие свои возможности с высоким уровнем конкурсных требований.

Сито конкурса отсеивает все случайное. К финалу приходят сильнейшие. И здесь уже отнюдь не виртуозность решает дело. Здесь соревнуются личности. Но личность в исполнительстве — это всегда яркое проявление индивидуального артистического дарования. Как сравнить один талант с другим, если все они разные? Кому отдать предпочтение?

Выступления советского пианиста Михаила Ермолаева сопровождалось, например, самыми горячими разногласиями. Предложенные им интерпретации или принимали, или отвергали. Равнодушных не было. Ему ставили в упрек

**ПИАНИСТ
ВЛАДИМИР ОВЧИННИКОВ**

ПИАНИСТ ПИТЕР ДОНОХОУ

ЖЮРИ КОНКУРСА СКРИПАЧЕЙ

СКРИПАЧКА ВИКТОРИЯ МУЛЛОВА

недостаточно рафинированный пианизм, некоторое отсутствие объемности звучания. Но всем ясно было одно: это личность, самобытно, ярко проявляющая себя в музыке.

Ермолаев — композитор (в этом году получил премию Союза композиторов РСФСР). Он и играет как композитор, участвуя в рождении музыкальной формы, пропуская каждую ноту «через себя».

Советская исполнительская школа была представлена не столь большим числом музыкантов. Но тем убедительнее успехи! Шестнадцать советских участников прошли на третий тур и четырнадцать из них получили звания лауреата. Это тем более отрадно, что в нынешнем конкурсе приняли участие представители всех наших республик. Они не только наглядно продемонстрировали высокий уровень и своеобразие национальных традиций, но и заявили о себе как зрелые, опытные мастера.

Успех советской школы не случаен. Это результат хорошей подготовки к такому важному событию, как Международный конкурс имени Чайковского. Советские его участники уже имеют опыт подобной борьбы. Все они играли на республиканских и всесоюзных конкурсах, прошли тщательные отборочные прослушивания. Некоторые также имеют опыт общения со слушателем, опыт концертных выступлений. Поэтому так ярко, уверенно играли Владимир Овчинников и Калле Рандалу, Дмитрий Гайдук и Нино Кереселидзе, Виктория Муллова и Сергей Стадлер, Лидия Забияста и Паата Бурчуладзе...

Пианист из Великобритании Питер Донохоу (вторая премия и серебряная медаль) показал прекрасный пианизм, завоевал симпатии слушателей не только великолепным владением всем комплексом пианистических приемов, блестящей школой, но прежде всего артистической свободой, своеобразием, можно даже сказать, «безоглядностью» интерпретаторских прочтений. Исполнение им Сонаты си-минор Листа вызвало бурю споров. Вероятно, полная свобода привела здесь к искажению авторского замысла. Значит, все-таки личность в плену у личности? Вспоминаю, что сказал член жюри конкурса известный мексиканский скрипач Мануэль Суарес: «Что такое талант? Это нечто необъяснимое. Прибегну к сравнению. Музыкант на сцене напоминает мне артиста цирка, который ходит по проволоке. Он знает,

что в любой момент может сорваться. Ведь музыкант тоже рискует — рискует быть похожим на кого-то или наоборот — ни на кого не быть похожим. Наверное, талант и есть то, что помогает артисту удержаться и не упасть. Талант неповторим. И когда он есть, то можно говорить об индивидуальной манере игры. Но порывать со сложившимися традициями — значит обрекать себя на непонимание. Молодой музыкант должен уметь соотносить свою индивидуальность с существующими традициями».

Для большинства молодых музыкантов, приехавших на конкурс, музыка так же естественна, как и сама жизнь. Да она и есть для них жизнь. Поэтому так хочется не повториться, найти то, что до тебя никто и никогда не находил, познать неизведанное.

«Я не могу сказать, что мне ближе — современная или классическая музыка. Когда играешь сочинения современных композиторов, то невольно ощущаешь себя соавтором, здесь как бы вспахиваешь музыкальную целину, не обремененную существующими интерпретациями. Классические сочинения требуют другого отношения: важно уметь очистить верхние наслонения, нанесенные временем, и увидеть ноты «чистыми». — так думает норвежский виолончелист Трульс Оттербек Мерк (VI премия). Он с первого тура понравился слушателям и жюри. В его игре привлекли красивый звук, тонкая нюансировка, поразительное чувство своего инструмента. Перед ним не стояла проблема выбора — кем быть, на чем играть. Его отец — виолончелист. Музыка была с ним с пеленок, а виолончель — другом, мечтой, жизнью.

Любовь к музыке, стремление понять и выразить звуками себя, мир объединяют несколько не похожих друг на друга музыкантов, которых во множестве собрал конкурс. Но соревнование есть соревнование, и выбор должен быть сделан. Победили наиболее зрелые, сложившиеся артисты, сумевшие убедить публику и жюри.

Но конкурс имени П. И. Чайковского существует не только для того, чтобы назвать имена сильнейших и определить места. Эти итоги будут проверены временем. Он, как ведущий конкурс в мире, ставит основные вехи в развитии музыкального искусства, и его конечный и самый главный итог — это победа прекрасного, торжество добра и человечности.

Почтовый ящик клуба «Музыка с тобой»

НЕ МЕДВЕЖЬЯ ЛИ УСЛУГА?

Выхода этого музыкального фильма ждали многие. Интерес к нему подогревался рекламой. Она внушала, что зритель будет доволен. Еще бы. Сниматься в кинокартине пригласили многих популярных артистов. В главные роли попала наикрепчайшая рок-группа. Казалось бы, все сделано для успеха. И действительно, успех у невзыскательной публики фильм получил. Но серьезного любителя кино, истинного меломана фильм «Душа», поставленный на киностудии «Мосфильм», разочаровал.

Если бы авторы стремились сделать лишь рекламную ленту, тогда, может, и спрос с них был бы иной. Впрочем, тут же хочется спросить: зачем рекламировать, зачем подыгрывать спекулятивной славе модного ансамбля? Вопрос этот тощ и попутный, но далеко не праздный. Наверное, у режиссера Стефановича и есть свой ответ.

Но что же из себя представляет фильм? Он сделан с претензией на глубокомыслие. Герои рассуждают о

песне, о путях в искусстве, о таланте истинном и мнимом. Однако рассуждения эти, мягко говоря, банальны. Мелодраматический сюжет фильма построен по схеме, изжившей себя уже давно. В фильме много музыки, много эффектных съемок. И какой-нибудь молодой, неискушенный зритель может возразить: «А мне понравился». И вот это хуже всего. Ибо подобные ленты-подделки, не имеющие никакого отношения к искусству, приносят больше вреда, чем пользы. Особенно если учесть, что рассчитаны они на молодежь, которая тянется к современной музыке, старается не пропустить ничего, прямо или косвенно связанного с ней.

Не медвежья ли услугу оказывают молодому зрителю эти музыкальные фильмы, созданные бездушными ремесленниками?

Алексей САЛАНОВ,
рабочий,
Мытищи,
Московской области

«ПРИВЕТ, ЭТО СНОВА Я...»

Юлика ГРИГОРЯН
Фото Алексея ФЕДОРОВА

Так начинается всем нам знакомая песня Джо Дассена.

В чем секрет удивительной популярности певца? На этот вопрос когда-то Джо Дассен ответил сам: «Я пытаюсь обрадовать людей, заставить их забыть о заботах и бедах, я зову их в прекрасный мир, где царит любовь, стараюсь вселить надежду на встречу, которая подарит счастье. Для меня каждый концерт — маленький праздник, я делюсь этим праздником со слушателями...»

Он пел и никогда ни на что не жаловался. Даже когда почувствовал сильное недомогание и вынужден был долгое время провести в кардиологическом центре.

«Я не тот человек, которого может поразить сердечный кризис. Просто у меня несколько секунд было сильное головокружение, все это от усталости, и мне действительно нужно отдохнуть».

Это был его второй инфаркт.

В некоторых своих интервью Дассен утверждал, что пять ему осталось всего несколько лет. В сорок пять певец хотел покинуть эстраду. Он считал, что не имеет права состариться на сцене и должен уйти вовремя. Он собирался расстаться со сценой, но не с музыкой, которой певец, казалось, был пронизан, пропитан насковозь.

«Музыка оказалась главным делом моей жизни. Очевидно, буду писать песни для своих друзей, для талантливых молодых певцов. Песня — это моя жизнь, моя грусть и радость...»

Джозеф Айра Дассен родился 5 ноября 1938 года в Нью-Йорке.

«Мой дед был родом из Одессы и еще мальчишкой в начале века уехал в Америку в поисках работы. Так что я тоже чувствую себя немного русским», — сказал как-то певец в интервью советскому корреспонденту.

Джозеф родился в артистической семье. Его отец, Жюль Дассен, был известным в то время кинорежиссером. Мать — скрипачка Беатрис Лаунер, вен-

герка по национальности, передала сыну любовь к музыке.

В 1949 году родители одиннадцатилетнего Джозефа вынуждены были уехать в Европу.

«Нашей семье пришлось покинуть Америку: это было время маккартизма, «охоты на ведьм». А мой отец был известен своими левыми взглядами. Тогда началось наше многолетнее «путешествие» по Европе, в конце которого мы очутились во Франции».

Когда Дассену исполнилось 17 лет, наступила пора выбирать профессию. Опять Америка. Будущий певец успешно окончил факультет этнографии Мичиганского университета. Во время учебы он работал продавцом и мойщиком посуды, грузчиком и водителем грузовика, официантом и слесарем, мусорщиком и поваром, даже комментатором местной радиостудии...

Еще во Франции, где осталась его семья, Дассен заразился «вирусом французской песни».

«Ошеломил Жорж Брассенс. Я знал его наизусть. Получив диплом, решил поехать на родину Брассенса, чтобы «заболеть» до конца».

Известный французский поэт и композитор стал для Дассена на всю жизнь «духовным наставником». Еще учась в университете, Джо начал петь в студенческих компаниях песни Брассенса, выдавая их за народные французские мелодии. И имел успех. Он даже сам стал писать песни на французском языке в стиле Брассенса.

Когда Джо получал диплом доктора этнографии, он еще не помышлял соединить с песней свою судьбу.

«Я не думал посвящать свою жизнь эстраде, я готовился преподавать этнологию».

Во Францию Джо Дассен вернулся уже сформировавшимся человеком, с определенной профессией, на овладение которой ушло несколько лет. Но что часто помогает найти себя в жизни? Случай! Именно он явился на пути молодого человека и заставил изменить планы на будущее.

«Моя карьера профессионального певца началась с пластинки... В то время мне очень нравились одна девушка, которая работала на фирме звукозаписи «Си-вз-эф», и однажды она попросила напеть для нее один диск. Я его напел, и неожиданно для меня его раскупили... По-моему, он был ужасен. Тогда я решил попробовать, могу ли сделать что-нибудь лучше. Вот так все и началось».

Первая его пластинка называлась «Просто американский фольклор». Джо недаром выбрал тогда для своего репертуара народные американские баллады.

«В этом был расчет—в Париже любили все американское только за то, что оно американское».

Хотя песни пользовались некоторым успехом, Дассен был недоволен собой. Он считал первую пластинку поражением. Джо настойчиво работает, много репетирует, ищет свой стиль.

«Настоящий профессионализм для меня—это непрерывная работа, способность выйти на сцену в любом состоянии, даже когда ты болен».

Три года изнурительного труда, исканий, сомнений приносят свои плоды. Первый серьезный успех пришел к певцу в 1966 году, когда ему было 28 лет. Это была песня «Бип-Бип». Потом появились «Для чего?», «Свистеть на холме» и другие. Парижская эстрада неожиданно осветилась новой звездой. Однако Дассен продолжал относиться к себе со всей строгостью.

«Я не принимаю этого слова—«звезда». Я всего лишь профессиональный певец. Все люди, заканчивая работу в учреждении или на заводе, возвращаются к себе и запирают двери. Я считаю своим правом поступить так, когда я уйду со сцены».

*В дождливую или солнечную погоду,
В любое время ночи и дня,
Есть все, что только захотите,
На Елисейских полях...*

В 1968 году мир французской эстрадной песни обогатился песней «Елисейские поля» в исполнении Джо Дассена. Она облетела весь мир. Успех был неподдельный, прочный, огромный, превратившийся в мировую славу.

...На эстраде—Джо Дассен. Высокий, стройный, элегантный, обаятельный. Звучит негромкий, глуховатый голос. Приветливая улыбка. Его манера—это искренность и задушевность.

Его песни похожи на неторопливый разговор, который певец ведет с каждым, кто его слушает. *«Я никогда не начинаю петь песню только потому, что нужно заполнить пустоту. Я должен влюбиться в нее. И самое главное, на мой взгляд,—песня должна быть доступна всем. Я ищу популярные песни, которые могут нравиться*

ПЕСНИ НАД ЗЕЛЕННОЙ ГУРОЙ

В польском календаре культурных событий особое место принадлежит Фестивалю советской эстрадной песни в Зеленой Гуре. Ставший традиционным фестиваль состоялся уже в восемнадцатый раз. В последние годы его программа несколько видоизменилась: наряду с советской песней можно познакомиться с танцевальным искусством, живописью и литературой народов Советского Союза. В этом году, как и в предыдущем, в зеленогурском летнем амфитреатре проходили праздники песни и танца Страны Советов. Дни советской литературы с участием групп советских писателей, творческая встреча, в которой участвовали польские художники, их коллеги из СССР и ГДР. Однако главной «героиней» фестиваля была советская песня в исполнении молодых самодеятельных певцов, которые, победив в отборочных конкурсах, прибыли в Зеленой Гуре почти из всех воеводств Польши. В зеленогурском фестивале, этом важнейшем конкурсе польского певческого самодеятельного движения, участвовали в нынешнем году свыше тридцати исполнителей-любителей, вокальных и вокально-инструментальных коллективов. Лауреатов определило жюри, работавшее под председательством известного дирижера и руководителя оркестра польского радио и телевидения Генрика Дебиха.

«Золотой самовар»—главная премия фестиваля—был присужден Марку Сроцкому из Радома, представителю студенческого клуба «Атриум». «Серебряные самовары» завоевали Иоанна Краковяк, эконоmist из Лодзи, и дуэт из Плоцка—Яцек Качевский и Павел Новак. Успех у публики и высокую оценку жюри снискали очень разные по содержанию и манере выступления исполнители.

Очень важную роль сыграла режиссура фестивальных концертов, созвучная характеру и жанрам представлявшихся произведений. На этот раз все исполнители во время концерта на эстраде пели, танцева-

ли, создавая движущийся фон для выступавших солистов. Авторами такой концепции зрелища были Хильяри Курпаник и Герард Новак, зеленогурцы, которые связаны с фестивалем уже многие годы. Герард Новак удостоен за свою многолетнюю деятельность музыкального инструктора по воспитанию молодежи высокой награды Ленинского комсомола, и это воспринимается как высокая оценка работы всей армии общественников, тех, кто в течение многих лет преданно служит делу Зеленогурского фестиваля, пропагандирующего советскую песенную культуру.

В нынешнем году на первом плане оказались певцы-любители. Фестиваль стал в полном смысле этого слова праздником самодеятельных исполнителей, где выступления певцов-профессионалов были своего рода вставками. В программе наряду с профессиональными певцами из Польши приняли участие и советские—Тамара Гвэрдцители, Павел Бабаков, Тынис Мяги. Солистам аккомпанировал оркестр польского радио и телевидения из Катовице под управлением Ежи Милиана.

Был ли удачным фестиваль в нынешнем году? Моги ли он пройти лучше? Разумеется, нет такого мероприятия, которое нельзя было бы провести лучше. Но в нынешних условиях организаторы этой встречи сделали все от них зависящее, и это, несомненно, чувствовалось во время фестиваля. Не обманули надежд исполнители. Это подтверждали неумолкающие аплодисменты, энтузиазм публики, которую не испугала даже плохая погода.

Фестиваль советской песни вошел прочно в жизнь Зеленой Гуре и воеводства, снискал множество преданных ему друзей.

Цезарь ПРАСЕК,
польский публицист
(АПН—специально для «Смены»)

сакой разнообразной публике, независимо от возраста и социальной принадлежности. Это сложно. Песня—это настроение. Она должна помогать людям жить. Песня хороша тогда, когда ее хочется напевать, что бы вы ни делали в этот момент».

Песни Джо Дассена пронизаны любовью. Любовью к жизни, к людям, к той единственной, которую он ждет, которой верит, которую ищет.

*Если бы тебя не было,
Скажи, для кого бы я тогда жил...
Если бы тебя не было,
Скажи, как бы я тогда жил...
Если бы тебя не было,
Мне кажется,
я все равно бы нашел тебя...*

Любимыми певцами Дассена были Эдит Пиаф, Жак Брель, Жорж Брассенс—знаменитые французские шансоны. К себе самому Дассен не хотел применять слово «шансонье».

«Это—нечто чисто французское. Тут собраны воедино три понятия: поэт—композитор—певец. Таков Жорж Брассенс, таков Жак Брель, таков Шарль Азнавур. Я же только композитор и певец. Слова моих песен написаны в основном Клодом Лемеслем и Пьером Деланоз».

Они были не только авторами большинства его песен, но и очень близкими друзьями певца. Они советовали Дассену поменьше концертировать и переклочиться главным образом на сочинительство. Но колеса крутились, однажды заданный ритм жизни уже не под силу было изменить. А ритм был задан ошеломляющий.

«Выступать за год приходится в среднем в 150 концертах на сценах самых разных городов Европы, Америки...»

Работал он по 10—12 часов в сутки—напряженно, ответственно, с полной отдачей.

*Кто этот тип перед зеркалом
В своей примерной
с салфеткой вокруг шеи?*

*Я смотрю ему прямо в лицо
И не узнаю его, совсем не узнаю.
На стуле—белый костюм.
Песня уже позабыта,
А на домах чужого города—
Обрывки рекламных портретов,
Которые треплет ветер...
Кто этот тип,
который просыпается утром,
Не зная, в каком городе он спал?*

*С ним я встречаюсь каждый вечер
И никак не могу поверить,*

что он—это я...

Джо Дассен не раз говорил, что эстрадный мир живет по законам джунглей. Жертвами напряженного графика выступлений становятся многие артисты.

Джо Дассен в 40 лет перенес первый инфаркт. *«Вообще мне хотелось бы проводить больше времени с семьей, с друзьями. К сожалению, сейчас я могу себе это позволить крайне редко. Такова судьба почти всех профессиональных артистов. Но все это стоит того, чтобы услышать где-нибудь в деревне, как крестьяне, работая на ферме, насвистывают песню, которая однажды родилась у тебя в голове».*

У Дассена есть много красивых мелодий, которые сразу запоминаются и забыть которые уже невозможно. Но он никогда ни как композитор, ни как певец не переходил ту грань, за которой притаилась слащавость.

О себе он говорил очень неохотно, тщательно избегал касаться личного, редко давал интервью. Кристиан Бекс, музыкальный критик, однажды даже сказал о Дассене: «Это наименее известный из наших знаменитых певцов».

Джо Дассен точно ощущал социальную направленность своей песни.

«Человек в нашем обществе одинок. Это трагедия и человека и общества. Ему нужно помочь. Надо дать ему возможность вспомнить светлые минуты своей жизни, поверить в то, что они еще будут. Вот почему я пою».

За свою пятнадцатилетнюю артистическую карьеру Дассен записал свыше 40 дисков, многие из которых стали «золотыми». Однажды он получил одновременно шесть таких «золотых» дисков, присуждающихся за пластинку, которая разошлась тиражом более 100 тысяч экземпляров. Возможно, это скорее признак коммерческого успеха, нежели творческого. И все же... Джо Дассен гордился тем, что его песня «Елисейские поля» больше 25 тысяч раз прозвучала со сцены. Гордился, как мальчишка...

Его песни продолжают звучать по радио, телевидению, их слушают в миллионах домов.

*Привет, это снова я.
Привет, как поживаешь?
Время так медленно тянулось для меня.
Ты знаешь,
Вдали от дома
Я все время думал о тебе...*

Нозль КАЛЕФ

Перевод с французского
Надежды НОЛЛЕ

Глава XIX

Допросы, перекрестные допросы, экспертизы, очные ставки...

Жюльен то обретал веру, то приходил в отчаяние, но боролся изо всех сил, сдавая позиции лишь пядь за пядью.

— Где вы находились в ночь с субботы на воскресенье?

— Я отказываюсь отвечать.

— А в ночь с воскресенья на понедельник?

— Я отказываюсь отвечать.

Следователь обратился к адвокату.

— Мэтр, вам следовало бы порекомендовать вашему клиенту другой метод защиты!

Адвокат — очень славный парень — повернулся к Жюльену.

— Заклинаю вас, Куртуа, перестаньте играть в молчанку!

— Он хочет, чтобы мы поверили, будто он заботится о чести женщины! — сказал следователь с пренебрежением. — Куртуа, в вашем положении лучше сказать все, даже если замешана женщина. Тут не до чести! Вы рискуете своей головой ради чьей-то репутации.

Адвокат вмешался:

— Господин следователь, дайте этой женщине, чью честь он оберегает, время самой открыться. В конце концов Куртуа поступает как джентльмен и...

— Эта женщина не существует, мэтр, вы это знаете не хуже меня. А если оберегать...

— Я никого не оберегаю, — спокойно произнес Жюльен, — и я верю в правосудие. Нельзя доказать, что я совершил это преступление по той простой причине, что я его не совершал.

Его приводили. Его уводили. Тюрьма. Кабинет следователя. Самое удивительное, что свидетели узнавали его.

Эти пожилые супруги... Откуда они взялись?

— Куртуа, — говорит следователь, — вот двое свидетелей, которые видели вас в Марли в субботу вечером, весь день в воскресенье и в ночь с воскресенья на понедельник.

Жюльен, которому свет бьет в глаза, перемещается, чтобы лучше видеть мужа с женой. Они морщатся, переглядываются. Мужчина колеблется...

— Рост вроде такой же... но поскольку он прятался...

— Позвольте, — вмешивается женщина, — в нашем деле научиться в людях разбираться. Я, я уверена: это он.

Адвокат готов уцепиться за малейшую неточность и воспользоваться ею.

— Минутку. Здесь явное противоречие. Вы заявили, во-первых, что у вас что-то случилось с электричеством, во-вторых, что этот человек тщательно прятал лицо. Почему же, объясните, в этих условиях вы так категоричны, в то время как ваш муж...

Матильда улыбается с видом полного превосходства.

— Женщину от мужчины отличает, мэтр, интуиция.

— Представьте себе, мадам, что правосудие требует фактов!

— Вам недостаточно фактов? — осведомляется следователь. — Машина. Имя, которое называет «таинственный» путешественник: Куртуа. Оружие, которым совершено убийство. И, наконец, не забудьте, плащ.

Что им всем дался этот плащ? К счастью, адвокат качает головой.

— Тем не менее свидетели противоречат друг другу. Жена говорит «да», а муж говорит «нет»!

Тут Шарль приходит в ярость.

— Уж извините! Я не говорил «нет». Я не сказал — «да».

— Нюанс, — тонко замечает Матильда.

Эта пара действует Жюльену на нервы. Женщина заговаривает опять, подтолкнув мужа локтем:

Окончание. Начало в №№ 11—16.

— Я скажу, что тебя смущает, Шарль. Что он одет по-другому. Тогда на нем был свитер с высоким воротом, а потом мы его только в плаще и видели, разве не так?

— Свитер с высоким воротом! — кричит адвокат. — Видите? Держу пари, что у моего клиента вообще нет такого свитера.

Жюльен пожимает плечами. Надо было настоять, чтобы ему дали более опытного, более ловкого защитника.

— Да нет же, есть у меня один. Я надевал его обычно, когда ездил за город.

— А вы как раз собирались за город, вы сказали об этом привратнику на работе.

— Я этого не отрицаю. Только если б я поехал прямо из конторы, то не мог бы его надеть, поскольку он был дома, а на мне была серая рубашка. Та самая, в которой меня арестовали.

— Мы сейчас займемся вашими маршрутами, Куртуа. Прошу вас, вернемся к тому, что вы сказали привратнику. Вы ему сказали, позвольте... — Следователь заглядывает в бумаги. — Вот... «Я собираюсь провести уик-энд с самой очаровательной из женщин».

Жюльен хмурит брови.

— Да, кажется...

Следователь поворачивается к адвокату.

— Ваш клиент залупился в собственной лжи, мэтр, это становится уж чересчур!

— Совсем нет! Куртуа сказал нам, что имел в виду собственную жену!

— Как же получилось тогда, что он не взял ее с собой?

Жюльен с трудом сдерживает смех. Эти типы захлебнулись бы в стакане воды. Он не взял ее с собой, потому что застрял в... Сделав над собой немощное усилие, он закрывает рот. Он чуть не проговорился о лифте. А в это время идет жаркий спор вокруг «самой очаровательной из женщин» и свитера с высоким воротом. Кажется, следователь торжествует.

— Ловлю вас на слове, мэтр. Мадам Куртуа не в состоянии с уверенностью сказать, находился ли свитер в квартире. Зато — ваш клиент сам это подтвердил — в помещении, примыкающем к его кабинету, у него стеной шкаф, где он хранил белье...

Адвокат исчерпал аргументы. Он прекращает борьбу, по крайней мере временно, поворачивается к Шарлю.

— Значит, мы договорились, что касается опознания Куртуа, вы нейтральны.

Шарль не успевает ответить. Матильда обращается к следователю, игнорируя адвоката.

— Я убеждена, что муж сможет с уверенностью ответить, если мы увидим господина в плаще.

— Хорошая мысль! Пожалуйста, наденьте плащ, Куртуа.

Жюльен подчиняется, что-то раздраженно буркнув. Смотри-ка, он не замечал, что на левом плече плащ разорван. Наверное, за что-нибудь зацепился.

— Взгляните теперь. Это он?

Хозяин гостиницы морщится, щурит глаза, смотрит на него, склоняя голову вправо, то влево, то вправо.

Не выдержав, Жюльен насмешливо спрашивает:

— Ну что, это я?

Матильда, оскорбившись, тут же отвечает:

— Никакого сомнения! Это он.

Но Шарль покусывает губы, Матильда настаивает:

— Ну, говори, ты же видишь... вспомни...

— Ох! Ну что ты хочешь, ведь он все время выбирал темные уголки, — разводит руками Шарль, — отворачивал лицо. Ты ж сама знаешь! Он прятался, он не хотел, чтобы его видели! Ты сама сказала, что он, должно быть, с любовницей... и что поэтому он...

— Видишь, как ты ошибаешься, — прерывает его Матильда. — Не из-за этого он прятал лицо.

— О, пожалуйста, не делайте выводов! — кричит адвокат.

— Мадам права, — резко обрывает его следователь. — Куртуа готовился к преступлению и не желал впоследствии быть узнанным...

Они яростно спорят. Матильда самоуверенно вмешивается в разговор. Она все время улыбается с таким видом, будто хочет сказать: мы с вами, господин следователь, умные люди и понимаем друг друга... Жюльен чувствует, что в последнем выводе следователя что-то хромает... Наконец-то! Нашел!

— Вы позволите? Если я правильно понял, следствие установило, что туристы приехали в воскресенье утром. Как же я в таком случае готовился к преступлению уже в субботу вечером?

Жюльен доволен собой, и ему неясно, почему его адвокат вдруг смотрит как побитая собака, почему следователь не может сдержать улыбку, почему направляется к нему с самодовольным и хитроватым выражением на лице.

— Значит, вы признаете, что были в Марли?

— Ничего подобного! Я хотел сказать совсем не это.

— Простое предположение, а не утверждение, господин следователь! — вопит адвокат.

— Ваш подзащитный выдал себя, мэтр.

— Нет! Нет! Нет! — кричит Жюльен до потери голоса.

Он делает над собой усилие. Адвокат явно слаб, и он должен быть чрезвычайно внимателен, потому что его спасение зависит только от него самого.

— Господин следователь... все же вы не ответили на мой вопрос.

— Допустим, что вы готовились к преступлению. Это просто.

Жюльен как бы раздваивается. Одна его часть яростно старается разрушить стройную цепь выдвинутых против него обвинений. Вторая, уверенная в своей правоте, забавляется, наблюдая за тем, как люди серьезно занимаются каким-то недоразумением. Это смешно, черт возьми! Скоро они обнаружат ошибку.

Он машинально крутит пуговицы на своем плаще и вдруг восклицает:

— Не хватает одной пуговицы!

Адвокат снова подскакивает.

— Не беспокойтесь, — говорит следователь слащавым голосом, — мы ее нашли.

— А! В машине?

— Нет. В руке одной из жертв.

Жюльен бледнеет. Следователь обращается к Шарлю.

— Ну, хватит спорить. Вы не уверены, что узнаете обвиняемого. Но одежду, которая была на нем, вы узнаете?

— Это да. В последний раз я даже заметил, что плащ разорван.

— Когда вы это заметили?

— В последний раз. Ночью, в воскресенье.

— Точнее, он хочет сказать, утром в понедельник, — добавляет Матильда.

— Спасибо, мадам. Что касается этого момента, вы единодушны: вначале плащ не был порван?

— Нет, — говорит Шарль. — Я даже подумал, когда увидел его в первый раз: вот такой плащик мне б подошел.

— Его плащ уже в таком виде... — прибавляет Матильда.

— На этом мы закончим. Благодарю вас.

Матильда явно недовольна, что все так быстро завершилось. Она выходит вместе с мужем. Хлопает дверью. Жюльен подскакивает и садится опять.

— Ну что ж, мэтр, теперь у нас есть веские основания полагать, что убийство было преднамеренным, — говорит следователь вкрадчивым голосом.

Адвокат возражает, ссылаясь на ненадежность свидетельских показаний, а следователь вновь говорит о плаще.

Жюльена уводят.

Его приводят вновь. Он решил пойти на уступку.

— Я сказал неправду: во время уик-энда я не надевал плащ.

Пальто, должно быть, уже давно почищено.

Следователь улыбается и приглашает в кабинет Денизу. Она неисправима, кокетничает, демонстрируя свои ножки.

— Я думала, что он уйдет в пальто. Ничего подобного. В понедельник утром я увидела его записку...

Из ее заявления явствует, что в понедельник утром пальто находилось в конторе, а не на Жюльене. Дениза ясно: значит, он ушел в плаще. «Правосудие» благодарит Денизу.

Жюльен провожает ее взглядом и, мстя ей про себя, мысленно отмечает, что у нее низкий зад и тощие икры. Затем он поворачивается к своему мучителю.

— Ваше заключение было бы правильным, если б в понедельник утром я не пришел в контору раньше Денизы.

— Ну, ну...

Следователь не позволяет ему продолжать. Его уводят. В тюрьме Жюльен раздумывает о том, что делает все больше уступок. Пальто, возвращение в

контору... Разве это не опасно вот так одну за другой сдавать свои позиции?

Его приводят опять, и на этот раз он встречается с Альбером.

— Альбер Ширье, вы видели, как в субботу в половине седьмого вечера Куртуа вышел из здания. Во что он был одет: пальто или плащ?

Портье подтирает подбородок рукой, прикрывает глаза и выпячивает губы.

— Скажу вам прямо, господин следователь, я не знаю!

— Постарайтесь...

— Я стараюсь, только вот мосье Куртуа всегда носит серое, поэтому трудно заметить... И в это время было темно...

— Ночью все кошки серы! — шутит адвокат.

Жюльен благодарит его взглядом. Но следователь недоволен.

— Подумайте как следует, Ширье...

— Знаете, господин следователь, у меня такое впечатление, что он был в плаще!

Следователь хлопает ладонью по столу. Жюльен подскакивает.

— Всего лишь впечатление свидетеля, начитавшегося газет! — оживает адвокат. — Обвинение должно основываться на точных фактах!

— На точных фактах? — сердится следователь. — Может быть, их недостаточно? А оружие, которым было совершено убийство? А машина? А пуговица от плаща?

Адвокат хочет что-то сказать, но следователь останавливает его жестом, и адвоката это, кажется, устраивает.

— Почему Куртуа сразу не сказал, что был в пальто? Только когда его опознали в плаще, когда этот плащ стал тем самым фактом, которых вы требуете, он вспомнил, что надел пальто.

Внезапно он успокаивается и наносит последний удар.

— Хорошо, мэтр. Он вышел в пальто, согласен. А потом? По его собственным словам, плащ был в машине. Значит, в любом случае он мог его надеть...

Это действительно серьезный довод. Следователь старается скрыть свое торжество, но все больше выпячивает грудь, в то время как плечи адвоката опускаются.

— Впрочем, сейчас мы покончим с этим вопросом. Ширье, находился ли Куртуа в здании в понедельник утром?

— Как я вам говорил, господин следователь, мне действительно показалось...

Такое начало обнадеживает одну сторону и разочаровывает другую.

— Но я убедился, что ошибся, — продолжает привратник, и в настроении присутствующих тут же происходит перемена. — Со мной еще была мадам Бернар.

— В самом деле, у нас есть ее показания. Спасибо. Ну, Куртуа, что вы теперь скажете?

— Он не ошибался, — говорит Жюльен твердо. — Я был у себя в кабинете. Он пытался открыть дверь, но я до этого запер ее.

— Почему?

— Почему? Да потому, что я...

Он умолкает. Ловушка! Адская ловушка, в которую

он рискует угодить. Он по-прежнему надеется, что эта невероятная история с Марли разъяснится сама собой, что не надо говорить о Боргри. Но Марли — это тоже западня, подстерегающая его на каждом шагу. Он мечется, ищет выход. Всюду за ним захлопываются двери. Как только приоткрывается какая-нибудь из них, кто-то или что-то захлопывает ее перед его носом.

Они хлопают все громче и громче. Этот звук проникает до самого мозга. Но он держится. Нервы сдают. Он похудел, осунулся. Он постарел. Его желудок отказывается принимать пищу. Два раза он лишился чувств в кабинете следователя. Его обвиняют в симуляции. Адвокат даже не протестует.

Его уводят, его приводят. У него теперь жалкий вид. Но он держится. Пусть в одиночестве. Ведь он остался в одиночестве. Женевьева отворачивается от него. Жорж изображает безразличие. Адвокат в отчаянии.

Он в одиночестве спорит теперь лишь с самим собой. Спорит с судьбой, которую хотел обмануть. Вся его жизнь теперь — это игральные кости, которые трясут перед его носом с грохотом захлопывающихся дверей.

Ему показывают фотографии. Мужчина и женщина.

— Вы узнаете их?

Он рыдает.

— Нет! Нет! Нет!

Его уводят, его приводят.

Адвокат требует, чтобы устроили психиатрическую экспертизу. Обессилевший, он послушно подвергается осмотру. Его признают вменяемым.

Адский коридор с бесчисленными дверями все сужается вокруг него. Он подобен мухе, тонущей в стакане молока. Мухе, попавшей в паутину Правосудия.

Но он держится.

Десять дней. 8 мая двери больше не хлопают.

То ли весна победила ветер и сквозняки, то ли его невинность одержала победу. Ничего определенного нет. Но следователь выглядит менее уверенным в своей правоте, а адвокат сияет. С ним очень вежливы. Ему даже пододвигают стул. Жюльен смертельно устал, но счастлив.

— Мосье Куртуа... (Он сказал «мосье»! Это хороший знак!) Мосье Куртуа, обнаружился новые факты и...

Следователь смущен. Адвокат приходит ему на помощь.

— Вас собираются освободить под залог...

Он закрывает глаза, чтобы никто не видел, что выражает его взгляд.

— Очевидно, новые факты потребуют дополнительного расследования, и нам, разумеется, придется задержать вас еще на несколько дней...

Следователь покашливает. Жюльен больше не слушает. Какая ему разница, что они там обнаружили, лишь бы его отпустили.

—... Я просто попрошу вас подвергнуться сегодня очной ставке, а потом дам вам отдохнуть.

Входит Жорж. У него опухшие глаза, как будто он проплакал всю ночь. Жюльен встает, идет к нему навстречу, протянув руки. Тогда Жорж приходит в

Рисунок Аллы СОЛОВКИНОЙ

ярость, чуть не набрасывается на своего зятя, но, с трудом совладав с собой, отворачивается, бросив: «Негодяй!»

Жюльен кусает губы, потом улыбается.

— Верну я тебе твои деньги. Пусть только меня выпустят отсюда, я буду работать, чтоб вернуть тебе все...

Следователь и адвокат переглядываются. Когда Жюльена уведут, он слышит, как адвокат восклицает:

— Я же вам говорил, господин следователь. Видите ли, одна вещь меня очень смущала: свитер! С другой стороны, мой клиент морфологически не тот человек, который...

— Разумеется, разумеется...— задумчиво отвечает следователь.

В этот день у Жюльена прекрасный аппетит. Силы восстанавливаются. Когда к нему заходит побеседовать адвокат, он в прекрасном настроении.

— Ну что, наконец вы поняли, что это не я? Но кто же?

— Ищут... Пока неизвестно...

Жюльен удивлен, но хотел бы это скрыть. Он еще остерегается. Ничто не подтверждает, что адвокат его истинный друг.

— Знаете, мэтр... Я хотел бы попросить вас устроить мне свидание с женой.

Адвокат хмурится.

— Теперь?

— А почему бы и нет?

— Господи... Но это же вопрос такта.

— Такта?

— Понимаете,— продолжает адвокат,— это деликатный вопрос...

Да... Жюльен кивает. Должно быть, это очень деликатный вопрос. Только, в сущности, ему наплевать. Он думает лишь о завтрашнем или послезавтрашнем дне, когда он выйдет отсюда... когда он вздохнет...

— Вам придется рассказать мне о вашей ссоре с шурином,— говорит адвокат, радуясь возможности оставить скользкую тему, и тут же замечает, что попал из огня в полями.— То есть позднее... когда вы почувствуете себя лучше.

— Ах! Жоржу я все верну. Выплачу до последнего сантимата.

— Боюсь, что обещания его не устроят.

— Женева его обведет вокруг пальца.

— Но, Куртуа, вы, кажется, забываете, ведь она заговорила,— недоумевает адвокат.— Она приходила к следователю.

— Ах! Да...— осторожно произносит Жюльен.

К счастью, адвокат не настаивает. Он с облегчением прощается.

— Мы еще поговорим об этом. Оставляю вас наедине с приятной новостью.

— Спасибо...

Растянувшись на койке, он пытается разобраться. «Она» заговорила. Кто? Женева? Дениза? А может, эта матрона из гостиницы изменила свои показания?

— Ах! Полно! Какая разница, лишь бы выйти отсюда.

Он отлично проводит ночь.

Его снова приводят к следователю, и он видит Жоржа и Жанну. Смотри-ка! Она тоже пришла. Держится чуть напряженно, но спокойно. Жорж выглядит подавленным.

— Жюльен!— торопливо кричит Жанна.— Я все рассказала. Я призналась, что в ту ночь мы были вместе!

Он падает на стул, перед глазами у него туман. Жанна? Она сошла с ума. Все чувствуют себя неловко, кроме Жанны. Жорж глухо произносит:

— У меня был дом, Жюльен. Ты посягнул на него. Ты его разрушил. Этого я тебе никогда не прощу.

— Правосудия эти детали не касаются. Извините, мосье Журлье. Куртуа, мадам Журлье добровольно рассказала то, о чем вы отказывались говорить. Это было благородно, согласен. Признайтесь вы, что субботнюю и воскресную ночь провели с мадам Журлье, вашей любовницей?

Слова теряют свой смысл, как только доходят до рассудка Жюльена. Ему, как утопающему, вдруг протягивают спасительную соломинку. Он глубоко вздыхает. Он смутно понимает, что ответ «да» может его спасти, и произносит:

— Да.

Жорж плачет, закрыв лицо руками. Жанна переводит дух.

Зачем она делает это?

Зачем он разрушает жалкое счастье Жоржа? «Я подлец,— думает он,— но живой!»

— Куртуа,— раздаётся голос следователя,— скажите, пожалуйста, где вы с вашей любовницей провели эти две ночи?

— Простите?

— В каком месте вы были с мадам Журлье?

Он смотрит на Жанну. Она хочет заговорить, чтобы не позволить ему совершить оплошность. Что скажет он? В комнате воцаряется гробовая тишина.

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

Жанна вздыхает с облегчением. Следовательно — с досадой.

— Послушайте, Куртуа. Вы хотели сберечь относительный покой семейного очага вашего шурина... Я, разумеется, понимаю причины, побуждавшие вас молчать, но на данном этапе следствия...

Вдруг Жорж поднимается с места и резко прерывает его:

— Это невозможно! Невозможно! Жанна! Ты не из тех женщин, кто способен на такое!

— Жюльен тоже не из тех людей, которые могут совершить подобное преступление!— быстро отвечает она.

— Но мы с Женева все время были с тобой! Как, когда ты могла встретиться с ним?

Жанна, которую Жюльен помнил всегда такой строгой и честной, лжет опять, чтобы спасти его. Лжет с холодным безразличием, как будто всю свою жизнь порядочной женщины она только и мечтала вывалиться в грязь.

— Вы с Женева отправились искать Жюльена в субботу вечером.

— Простите, мадам,— вмешивается следователь,— убийство было совершено в ночь с воскресенья на понедельник...

— Они выходили еще, мосье. Они были у секретарши Жюльена. Моя золовка считала, что у них роман. Его уведят. Адвокат, который за все время не произнес ни слова, идет с ним.

— Все это не очень красиво, но...— произносит он шепотом с безразличным видом.

В этот момент дверь кабинета следователя открывается, и до них доносится голос Жоржа, который не в силах совладать со своей яростью:

— Я не остановлюсь ни перед чем... Ни перед чем...

Кто-то захлопывает дверь; Жюльен вздрагивает. Адвокат договаривает:

— Ну, вот вы и выпутались...

Жюльен размышляет, лежа на койке, тщетно ищет объяснения. Разве что она его тайно любила. Жанна! Вот уж никогда не подумал бы... В трудную минуту, когда ему так нужна была помощь, именно Жанна протянула ему руку. Не Женева. Не одна из его любовниц. Только эта женщина пришла...

Она довольно интересная. Жюльен в мыслях строит заново свою жизнь вместе с ней. Она уйдет от Жоржа...

Но, испытывая чувство приятной усталости, он отказывается мечтать о своем будущем, чтобы вернуться к фразе, сказанной адвокатом: «...вот вы и выпутались».

Глава XX

А потом все сразу рушится.

Жорж не сдался. Он допросил горничную, и та призналась, что мадам не выходила из дома.

Жюльену сообщил об этом адвокат.

— В конце концов несчастная призналась, что солгала ради вашего спасения,— говорит он, презрительно поджав губы.— Она даже сказала, что не была вашей любовницей. Но муж, конечно, ей не верит... Так или иначе, они никогда теперь не будут счастливы. Благодаря вам.

Сколько зла! Неужели, что бы ни предпринял человек, остается одно только зло!

Жюльен возвращается в свой кошмар. Его уведут, приведут, а двери вновь начинают хлопать. Теперь малейший шум — попытка для его нервов. Следователь злится на Жюльена за то, что усомнился в его виновности. Адвокат — за то, что не сможет с блеском выступить в его защиту.

Проводят следственный эксперимент. Жандармы удерживают на расстоянии любопытных. Когда под охраной появляется Жюльен, толпа осыпывает его. Он спотыкается, жалобно лепечет:

— Клянусь вам, я даже не знал, что надо выезжать через ворота Майо, чтобы попасть в Марли.

На него надевают плащ, суют в руку револьвер.

— Давайте...

Жюльена сажают в его машину, вытаскивают из нее. Голова у него раскалывается. Он должен сделать несколько шагов.

— Здесь, сюда... Стреляйте... Ну, стреляйте же! Он подчиняется... Вытягивает револьвер перед собой...

— Теперь поворачивайтесь и бегите... Стойте! Вот тут пуля вас останавливает...

— Но попадания не было... Пуля едва коснулась... Этот момент вызывает споры. Остановился ли он?

Не остановился? Кто-то предполагает, что первый выстрел был сделан жертвой. Маловероятно. Что же он делал в этом месте с револьвером в руке? Теперь как будто на него бросается ее муж. Статист делает вид, что борется с Жюльеном, хватается за пуговицу плаща — все это похоже на какую-то жестокую игру. Следователь кричит:

— Ну что же вы не стреляете, Куртуа?

В полной растерянности Жюльен, как ребенок, изображает звук выстрела: «паф!», «паф!». Толпа яростно шумит. Охранник хлопает дверцей трайлера. Жюльен кричит, падает, катается в истерике по земле. Эта нервная разрядка — его единственная самозащита.

— У него припадок эпилепсии!

— Надо чем-нибудь разжать ему зубы, чтобы он не прикусил язык.

Врач делает ему укол, и он погружается в тяжелый, не приносящий облегчения сон...

Его уведут, его приводят. Неужели это никогда не кончится?

Он боится дверей, весь сжимается, скрючивается, когда переступает порог, придерживает рукой двери, чтобы они не хлопали.

— Сегодня мы приступим к рассмотрению последнего аспекта дела. У меня есть для вас маленький сюрприз.

Опять фотография. Взглянув на нее, Жюльен чуть оживляется. На снимке прелестная девушка. Он с удовольствием рассматривает ее, робко спрашивает: — Я ее знаю?

У него украли настоящее, дали ему чужое прошлое и уродуют будущее. Что он теперь может знать? Следователь склоняет голову и с явным удовольствием произносит:

— Вы ее убил.

Он жестом останавливает адвоката, который слабо пытается протестовать.

— Минуточку, мэтр. Куртуа, вы узнаете эту девушку? Предупреждаю, трое свидетелей видели вас с ней.

— Тогда...

Он больше не осмеливается говорить «нет». Он теперь — лишь незначительное, ничтожное меньшинство, противопоставленное целому свету, отвергнувшему его.

— Пригласите мадам Куртуа.

Женева! Он дрожит от волнения. Она входит, опустив глаза, опираясь на Жоржа, который бросает на Жюльена испепеляющий взгляд. Он устремляется навстречу к жене, но его удерживают.

— Жюльен, умоляю тебя, мне и так тяжело,— произносит Женева устало.

Она изменилась, исчезли театральные жесты. Страдание сломало ее, превратив в старую женщину, в которой он с трудом узнает прежнюю Женева.

— Жину...

Она качает головой.

— Я простила тебе, мой бедный Жюльен, но ты натворил столько зла...

— Я ничего не сделал! Ничего, Жину...

Жорж помогает сестре сесть. Следователь просит принести для нее стакан воды, затем осторожно показывает ей фотографию.

— Я узнаю ее,— говорит Женева.— Это она села в машину.

— Какую машину?

— В вашу, Куртуа,— отвечает следователь.

— Жину, подумай, что ты говоришь. Клянусь тебе самым для нас святым...

— Что могло быть для тебя святого, бедный мой Жюльен?— плачет Женева.— Я заметила,— обращается она к следователю,— что подол ее юбки отпоролся.

Он вскакивает, прежде чем его могут удержать, выхватывает у жены фотографию. Он должен признать очевидное: действительно, подол юбки отпоролся. Это доказательство. Женева не лжет. Но... при чем здесь он? Доказательство чего?

— Кто это?— спрашивает он нерешительно.

— Ваша подруга, Куртуа, с которой вы провели уик-энд!

Раздавленный, он опускается на стул, сжимая пальцами виски, слышит как сквозь сон продолжение допроса. В какой-то момент адвокат спрашивает, уверена ли Женева, что Жюльен находился в машине, когда туда села девушка. Да, она ясно видела через стекло его затылок...

Следователь провожает Женева до дверей. У Жюльена одна забота:

— Осторожней, дверь, пожалуйста...

— Куртуа!— кричит адвокат, поднимаясь с места.— Ради бога, перестаньте ломать комедию и скажите правду!

Жюльен смотрит на него и не видит. Собственная жена обвиняет его. Должно быть, это правда. Он не слушает следователя. К чему? Однако одна деталь не дает ему покоя. Эта девушка, с которой он уехал...

Она-то должна знать, был ли Жюльен вместе с ней, не так ли?

— Дверь! — кричит он, просветлев. — Дверь открыта!

В нем возрождается надежда. Нельзя же играть фактами до бесконечности.

— Господин следователь, пригласите эту девушку. Когда она меня увидит, она вам скажет, что это не я!

Адвокат громко чмокает, следователь постукивает рукой по столу. Вначале звук тихий, но постепенно становится невыносимо громким. Жюльен делает над собой нечеловеческое усилие, чтобы не поддаться панике. Следователь считает, что Жюльен — крепкий орешек.

— Охотно допускаю, что вы не могли этого знать, но ведь я сам вам только что сказал, что вы ее убили.

— Убил? Она умерла?

Его это не удивляет. Он заранее готов услышать что угодно: ведь он единственный знает истину.

— Убили не своими руками, согласен. Мне пока неизвестно, где и как вы познакомились с Терезой Вилуа. Во всяком случае, вы ее соблазнили. Вы были в отчаянном положении. Ваша касса опустела. Вы задолжали шурину и другим, получив от них деньги обманом... Однако вы не отказываетесь от свидания с Терезой Вилуа. В Марли, увидев туристов, вы окончательно решили одним ударом убить двух зайцев.

— Господин следователь, — вмешивается адвокат, — вывод несколько поспешный.

— Вы полагаете, мэтр? Хозяйка гостиниц часто имеют прискорбную привычку подслушивать у дверей. Вам, как и мне, известно содержание разговора между любовниками, подслушанного Матильдой Фрэнью. Ваш подзащитный детально разобрал возможность обмена валюты на черном рынке. Он рассчитывал, что найдет у Карасси двести — триста тысяч франков.

— Разве этой суммы было достаточно?

О чем они говорят?

— Да, мэтр. Несчастная Тереза была беременна. От Куртуа. И он это знал. Она призналась ему как раз в Марли. Не имея денег, опасаясь скандала, Куртуа ударился в панику. Ему нужны деньги, которых по крайней мере хватило бы его любовнице на аборт. Вот мотив преступления.

У Жюльена невольно возникает интерес к этой истории, его истории. Он прислушивается.

— К несчастью, Тереза воспитана в старых традициях. Она любит Альфреда, с которым у нее связь и за которого она собирается выйти замуж. Вернувшись домой после этого трагического уик-энда, она рассказывает обо всем своему возлюбленному, и несчастные молодые люди лишают себя жизни.

— Из-за меня... — скорее утверждает, чем спрашивает Жюльен.

— Именно так.

Следователь достает часы. Жюльен боязливо притрагивается к ним. Он читает надпись на крышке: «Педро от его Жермены»...

— Эти часы принадлежали убитому вами человеку. Вы украли их и подарили Терезе Вилуа, чтобы отблагодарить ее за расположение к вам. Перед смертью она выбросила их в окно, чтобы не сохранилось ничего от вашей позорной связи.

Следователь вздыхает и обращается к адвокату: — Еще одна драма, когда нищета вынуждает девушку продавать себя... Но эта драма позволила нам установить истину от начала до конца.

Жюльен кивает неожиданно для самого себя. Неужели только что за ним захлопнулась последняя дверь?

Его мозг продолжает подсудно работать. Он пытается как бы установить шкалу гнусности, низости: убийство Боргри ни за что не сравнится с этими жуткими преступлениями.

— Я скажу вам правду... — начинает он.

Ему странно слышать свой голос. Секретарь готов записывать. Адвокат сидит с открытым ртом. Следователь поудобней устраивается в кресле, у него ироническое выражение лица — он заранее не верит ни единому слову.

— Я провел весь уик-энд в лифте в здании Ума-Стандард.

Рука секретаря застывает. Адвокат закрывает рот, а следователь меняет позу.

— Вы смеетесь над нами, Куртуа?

Это уж слишком. Жюльен встает и кричит, вздев руки к небу:

— Я убил Боргри! Слышите? Это я его убил! Из-за этого я весь уик-энд просидел в лифте!

Он не может больше сдерживаться, выкладывает множество противоречивых деталей.

— Замолчите! Я приказываю вам замолчать!

— Нет! Дайте мне сказать! Я не могу так больше! Присутствующие раздосадованно переглядываются. Его уводят.

В камере записывают его показания. Потом он ждет.

Он чувствует себя почти что счастливым, такой

облегчение принесла ему исповедь. Он снова стал таким же человеком, как и другие, вернулся в свою собственную жизнь.

На следующий день он входит к следователю с высоко поднятой головой.

— Куртуа, — говорит ему следователь, — вы ссылаетесь на это преступление, чтобы доказать свою невиновность в другом. Вероятно, это плод вашего воображения, подстегнутого чтением газет. Или же вы руководствовались стремлением нести ответственность за менее гнусное убийство, чем то, которое вы совершили. — Следователь с довольным видом прогуливается по кабинету, заткнув большие пальцы за пройму жилета. Жюльен пока не улавливает смысла сказанного им. — Однако правосудие готово прислушаться к вашим словам, если вы представите хоть малейшее доказательство в подтверждение вашего признания.

— Доказательств нет, господин следователь. Я уничтожил все улики, так как не думал, что меня обвинят...

Следователь не дает ему договорить и обращается к адвокату:

— Ну, теперь вы убедились, мэтр?

— Но ведь я признался! — Жюльен изумлен.

— Выслушайте моего подзащитного до конца... — колеблется адвокат.

— Как вам угодно! — раздраженно соглашается следователь. — Но все улики, которыми мы располагаем, говорят о том, что преступление в Марли совершил Куртуа!

Он сердится и с шумом задвигает ящик письменного стола. Жюльен прикрывает уши руками, произносит умоляюще:

— Только не двери! Что хотите, только не двери!

Следователь жестом обрывает его.

— Не начинайте опять симулировать, прошу вас. Психиатры признали вас на сто процентов вменяемым. Отдаю вам должное за выдумку с лифтом.

Технически это возможно. Мы проверяли. К сожалению, практически это маловероятно, учитывая свидетельские показания...

Адвокат наклоняется к Жюльену и мягко произносит:

— Этот Боргри, которого вы якобы убили, Куртуа, покончил с собой. Я внимательно изучил дело. Если бы вы могли мне помочь хоть за что-нибудь зацепиться!

Жюльен тщетно пытается собраться с мыслями.

— Господин следователь, — вновь заговаривает адвокат, — не следует, однако, забывать, что неоспоримое доказательство самоубийства Боргри, обычное в таких случаях письмо — решив уйти из жизни и так далее, — отсутствует.

— Согласен, — спокойно отвечает следователь.

Адвокат поворачивается к Жюльену, испутив удовлетворенный возглас. Жюльену такой поворот дела тоже нравится. Сумасшедший поезд возвращается на свои рельсы. Это положительный момент...

— Согласен, однако при одном условии. Пусть Куртуа откажется от выдумки с лифтом. В таком случае я охотно допускаю, что Куртуа убил Боргри, инсценировав самоубийство... Так было дело, Куртуа?

Жюльен несколько раз кивает. Следователь улыбается.

— Но, не удовлетворив свой кровожадный инстинкт, он отправляется в Марли. Если вы этого хотите, я с удовольствием добавлю к делу и убийство подпольного банкира!

— Но лифт, господин следователь. — В голосе Куртуа слышны слезы.

— Смешно! Все это игра воображения. Вскрытие установило, что Боргри умер между половиной шестого и половиной седьмого вечера. Ваша секретарша, Куртуа, категорически утверждает, что в это время вы не покидали свой кабинет.

— Погодите... Погодите... Мне надо подумать.

— Вот-вот, — кивает следователь, — подумайте. Может быть, в следующий раз вы найдете что-нибудь поумнее. — Он встает. — Но следующего раза не будет. — Его рука рубит воздух, как нож гильотины, подчеркивая слова «не будет».

Жюльена Куртуа охватывает то странное спокойствие, которое испытывает человек, смирившийся наконец с неизбежной катастрофой. Абсолютно все двери захлопнулись. Бояться больше нечего. Молча, не торопясь, он подходит к двери кабинета, открывает ее и с силой захлопывает, чтобы доказать самому себе, что он больше не боится. Но все же, не сдержавшись, вздрагивает.

— Господин следователь, — говорит он невыразительным голосом, — все кончено. Ничего не осталось. Я сам уже не знаю, кто из нас прав, вы или я. Важно одно — для меня завтра больше не существует. Некоторым образом даже чувствуешь себя спокойней. Знаете, как в делах, когда расплачиваешься наличными. Понимаете... Надеешься... Надеешься... И... — Он грустно улыбается. — Надежда — это жизнь в кредит. Отчаяние — расплата наличными.

Римма КАЗАКОВА

*Женщина картошку продает.
Скромная, нехитрая забота.
Что мелка картошка, злится кто-то.
Говорит: что делать? Недород...*

*Рукавицы грязные на ней,
фартук ржой и сыростью изложен,
и лицо от этого моложе,
а глаза красивей и синей.*

*Глянула спокойно и светло,
проследила — тоже вроде малость,
чтобы гниль какая не попалась
и в мои каких-то три кило.*

*В овощной палатке городской
продает картошку продавщица.
Мне вот — лишь до дому б дотрагаться
с сеткою, а ей здесь — день-деньской.*

*С ней бывает грубоват народ.
Может быть, была б она счастливей
при лимонах и при черносливие,
но она картошку продает.*

*Не лимон — картошка, а нужней.
Как иначе в голод нас спасли бы?
Продавщице говорю «спасибо»
и приду опять, конечно, к ней.*

*С благородной тяжестью своей
выхожу в морозный день погожий,
улыбаюсь: чем-то мы похожи,
и за то я благодарна ей.*

*Не изыск — и вы, мои дела.
Кто-то бросит: — Пахнет ширпотребом!..
Я скажу: картошкой и хлебом
жизнь всегда незыблема была.*

*И уж если человек не слеп,
то, что он берет с моей ладошки,
это не подобие картошки,
это просто, как насыщенный хлеб.*

*Музыка работы: скрип весов,
музыка движений однослонных, —
осторожных, нужных, не оплошных, —
музыка дыханий, голосов...
И во мне безудержно поет
музыка — такая же по сути!
...Кто осудит, ну а кто рассудит:
женщина картошку продает.*

*Сперва, как в коконе, живем
в неведенье почти утробном.
Потом прощаемся с жильем
привычным, замкнуто удобным.*

*И ветры свищут и гвоздят
по темечку дожди и грады,
но шаг за шагом все же взят
и пройден перевал преграды.*

*И мир в масштабах всех сторон
тобою узан не из окон...
И вот опять — привычен он,
уютен, замкнут он, как кокон.*

Из летнего репортажа

*Такая страдная пора, —
могли бы, пособили:
в Москве тяжелая жара,
и нет дождя в Сибири.
Траве мерещится роса,
день вянет, пыль глотая.
Ясны в столице небеса,
и сухо на Алтае.*

*Цивилизованный народ,
воздевши к небу лица,
мы, думая про недород,
готовы хоть молиться.
И в этой яростной мольбе
о важной, влажной весте —
не о себе, не о себе! —
как никогда, мы — вместе...*

ТУР ЧЕТВЕРТЫЙ

1. Ход белых. Что сильнее: их материальный перевес или проходная пешка черных? Дайте анализ (3 очка).

2. У черных материальный перевес, но очередь хода за белыми. Оцените позицию (3 очка).

3. Каково название дебюта конкретно возникающей системы после ходов: 1. e4 a6 2. d4 e6 3. Kf3 c5 4. Kc3 cd 5. K:d4 Kc6? (1 очко).

Открытки с ответами на вопросы четвертого тура посылаются в «Смену» не позднее 15 октября 1982 года.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЗИЦИОННОГО ПЕРЕВЕСА

Одним из важных качеств шахматного мастера является использование позиционного перевеса. Мало получить определенные выгоды. Важно довести их до логического завершения — реализовать свое, порой самое незначительное преимущество. Иными словами, техника в шахматах играет важнейшую роль. Овладеть техническим совершенством очень непросто. Здесь прежде всего учителем является собственная практика. Как в любом виде, надо научиться все делать своими руками. Пусть сперва совсем несовершенно, но с каждым усилием, опытом все лучше и лучше. Существенным подспорьем здесь должно быть изучение партий ведущих шахматистов. Великолепной техникой игры владели все чемпионы мира: Эм. Ласкер, Х. Р. Капабланка, А. Алехин, М. Ботвинник, В. Смыслов, Т. Петросян, Р. Фишер, А. Карпов. Все эти имена говорят сами за себя. Да и только ли чемпионы мира? Следующий пример из твор-

чества одаренного львовского гроссмейстера Олега Романишина достаточно красноречив.

Показательна партия Романишин — Сласский (Тилбург, 1979), где был разыгран один из актуальных вариантов испанской партии: 1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cb5 a6 4. Ca4 Kf6 5. 0—0 Ce7 6. Le1 b5 7. Cb3 d6 8. c3 0—0 9. h3 Kb8 10. d4 Kbd7 11. Kbd2 Cb7 12. Cc2 Le8 13. Kf1 Cf8 14. Cg5! h6 15. Ch4 Фс8?! (После этого у черных длительные трудности. Следовало предпочесть 15... c5 или 15... g5!) 16. de de 17. K3 h2 c5 18. Фf3 Фс6 19. Лад1 c4 20. Ке3 g6 21. Лd2 Ce7 22. Леd1 Фе6 23. Khg4 Kpg7.

У черных уже весьма нелегкое и, главное, пассивное положение. Так неплохо 23... h5? 24. Kh6+ Kpg7 (24... Kph8 25. K:f7+ Ф:f7 26. Лd7), флюх для черных) 25. Khf5! и т. д.

24. b3! h5! (После 24... Lab8 25. bc bc 26. Ca4 C:e4 27. K:f6 C:f3 28. K:e8+ Le8 29. C:d7 C:d1 30. C:e6 C:h4 31. Cd7 положение черных безнадежно) 25. K:f6 K:f6 26. bc bc 27. C:f6+ Ф:f6 28. Ф:f6+ C:f6.

Размен ферзей не облегчил положения черных. В распоряжении белых ряд сильных форпостов в центре, что позволяет им увеличить натиск, в то время как позиция черных остается пассивной.

29. K:c4 Le7 30. Kd6 Lc7 31. Cb3 Cc6 32. c4 Lb8 33. c5! Cg5 34. Лd3 h4 35. g3 Lb4 36. gh C:h4 37. Cd5 Cb5 38. K:b5 ab 39. c6!

Положение черных безнадежно. Следует стадия реализации преимущества.

39... Lb2 40. Лf1 Ce7 41. Лf3 (Хуже 41. Лb3 Лb3 42. ab Ла7!, с возможностью обороны у черных) 41... Cg5 42. Лd1 b4 43. Лdd3 Cf4 44. Лb3 Л:a2 (Явно к выгоде белых: 44... Лb3 45. Лb3 Cd2 46. Kpf1 Ла7 47. Кре2 Cc3 48. a3! и т. д.) 45. Л: b4 Lc2 46. Лb6! g5 47. Лfb3 Kpf6 48. Лb7 Л2: c6 49. C:c6 Л:c6 50. Л3b6 Л:b6 51. Л:b6— Kpg7 52. Kpf1 f6 53. Кре2 Kpg6 54. Kpd3 Ch2 55. Лс6 Cg1 56. f3 Ch2 57. Kpc4 Kph5 58. Л:f6 Cf4 (Или 58... Kph4 59. Лh6 Kpg3 60. Kpd3 Kp:f3 61. h4 g4 62. h5 Cf4 63. Лg6 g3 64. h6!, и белые выиграют) 59. Kpd3 Kph4 60. Лh6 Kpg3 61. Кре2 Cc1 62. Лg6 Kph2 63. f4. Черные сдались.

Конкурс юмористических рисунков

Дорогие читатели, ждем ваших рисунков — остроумных, веселых, ироничных. Жюри рассматривает все работы, присланные до 1 ноября 1982 года.

Рисунок Викентия ПУЗАНКЕВИЧА, Минск

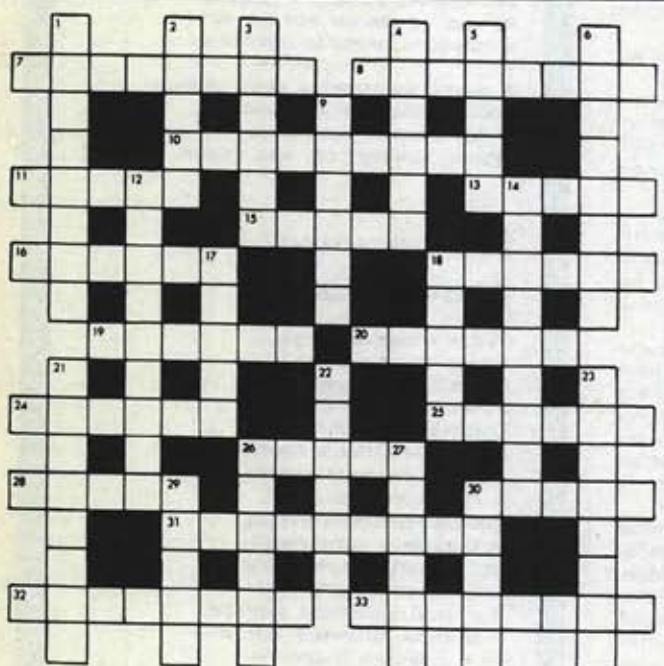
Рисунок Льва ГУЛИНА, Александра СОЙФЕРА, Москва

Рисунок Константина ШУБНИКОВА, г. Туймазы

Рисунок Виктора ТОМАЕВА, Москва

КРОССВОРД

Составил А. ПЕРЕЛЕШИН, Новочеркасск

По горизонтали:

7. Полуостров на юге Италии.
8. Ускоритель тяжелых заряженных частиц.
10. Советский летчик-космонавт.
11. Пьеса М. Горького.
13. Приток Днестра.
15. Вид кровли в древнерусском зодчестве.
16. Морское беспозвоночное животное, полип.
18. Наука о законах и формах мышления.
19. Советский энергетик, академик, начальник строительства Днепрогэса.
20. Инструмент для нанесения внутренней резьбы в изделиях.
24. Рассказ А. П. Чехова.
25. Часть сооружения, устройства.
26. Римская или византийская золотая монета.
28. Спортивное состязание в беге.
30. Народный писатель Узбекистана.
31. Тригонометрическая функция.
32. Архитектор, автор Ленинского мемориала в Ульяновске.
33. Прибор для измерения силы света.

По вертикали:

1. Источник звука, служащий эталоном при настройке музыкальных инструментов.
2. Город в Японии на острове Хоккайдо.
3. Сорт винограда.
4. Быстроходное пассажирское судно, скоростной самолет.
5. Водная трава, листва ондатры, нутрии.
6. Устройство для распыления жидкого топлива в двигателях.
9. Народный артист СССР.
12. Декоративное растение семейства ирисовых.
14. Советский поэт.
17. Химический элемент, металл.
18. Южное растение с крупными цветами.
21. Коренной обитатель страны.
22. Русская народная эпическая песня-сказание.
23. Постепенное замедление темпа в музыке.
26. Длинношерстная охотничья собака.
27. Автор повести «Трое в лодке, не считая собаки».
29. Вид ювелирной техники, филигрань.
30. Английский физик, иностранный член-корреспондент Академии наук СССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

5. «Кочегар».
7. «Индиана».
9. Изопрен.
10. Катер.
11. Орден.
12. Армстронг.
16. Скирда.
17. Канна.
19. Платов.
20. Премьера.
21. Скорпион.
23. Путина.
25. Арека.
26. Офелия.
28. Авансена.
31. Ферма.
33. Альма.
34. Баритон.
35. Дебюсси.
36. Океания.

По вертикали:

1. Бекар.
2. Празем.
3. Цицеро.
4. Динго.
5. Казачок.
6. Копытень.
8. «Айвенго».
12. Амальгама.
13. Гипербола.
14. Армения.
15. Манизер.
17. Корма.
18. Аккра.
22. Рейсшина.
24. Углерод.
27. Иллипея.
29. Анализ.
30. Егоров.
32. Аллор.
33. Алдан.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 20.07.82. Подписано к печати 02.08.82. А 05153. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 2061. Заказ № 2891. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

"СМЕНА" 1983

Дорогие читатели!
1 августа во всех почтовых отделениях страны началась подписка на журнал «Смена». И мы считаем своим долгом рассказать о том, что редакция планирует напечатать на журнальных страницах в новом, 1983 году.

Прежде всего мы расскажем о нашем молодом современнике, о его труде и учебе, о его поисках и проблемах. Место в жизни, выбор профессии, создание молодой семьи, взаимные отношения молодых супругов, одним словом, поиск себя в многосложном человеческом мире, открытие таких важных нравственных идеалов, как дружба, честь, товарищество, любовь, верность, мужество,— все это станет предметом читательского, журналистского, научного, социологического обсуждения на страницах журнала. Короче говоря, интерес к формирующейся личности и ее проблемам — тема номер один для «Смены» 1983 года.

Как всегда, журнал расскажет о передовой нашей битвы за будущее — об ударных комсомольских стройках, о коллективах молодых единомышленников, о том, как можно и нужно наладить работу комсомольской организации.

Акция «Детский дом — теплый дом» стала главной в организаторской работе журнала 1982 года. В новом году мы предложим новый поворот этой нравственно важной темы — вновь с участием широкого круга читателей, а вы, дорогие друзья, прислали для детских домов больше 100 000 книг. Низкий вам за это поклон! Кстати, а что еще можно сделать для детского дома? Может, ваши предложения станут началом еще одной организаторской кампании журнала?

Пример старшего — великое и благое дело. В рубрике «Жизнь замечательных людей» мы расскажем вам о выдающихся сынах народа, среди которых Дмитрий Менделеев, Сергей Королев, Юрий Гагарин, Иван Павлов, Петр Шмидт, Мстислав Келдыш, Анатолий Липидевский, Игорь Курчатov, Константин Станиславский, Владимир Немирович-Данченко, Инга Артамонова.

В рубрике «Автобиографии» мы опубликуем рассказы о своей жизни прокурора РСФСР, Героя Советского Союза Бориса Кравцова, выдающихся ученых Николая Семенова и Николая Ясова, артистов Клавдии Шульженко и Майи Плисецкой, Владимира Васильева и Ростислава Плятта, дирижера Евгения Мравинского, скульптора Николая Томского, известных советских космонавтов.

Мир подростка, растущей личности во всех сложностях становления станет темой специальной дискуссии, принять участие в которой мы приглашаем всех читателей уже сейчас.

«Музыкальный клуб» станет в 1983 году ежемесячной рубрикой «Смены». Здесь мы расскажем о крупнейших отечественных и зарубежных ансамблях и исполнителях, попытаемся критически анализировать тенденцию современной эстрады, вновь расскажем об Александре Пахмутовой, Раймонде Паулсе, Алле Пугачевой, Эдите Пьехе, Софии Ротару и других популярных деятелях советской музыки. В новом году мы будем оперативно рассказывать о новых дисках.

Армия. Эта тема традиционная в «Смене». В 1983 году на страницах журнала выступят виднейшие советские военачальники, представители всех родов войск: маршал И. Х. Баграмян, адмирал флота Советского Союза С. Горшков, прославленные герои войны И. Кожедуб и А. Покрышкин.

Литература будет представлена новыми произведениями Виктора Астафьева, Юрия Нагибина, Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского, Владимира Цыбина, Эдуардаса Межелайтиса, Нодара Думбадзе.

«Смена» из номера в номер печатает лучшие остросюжетные повести и романы отечественной и мировой литературы. В 1983 году мы предложим вам опубликовать новые романы Юлиана Семенова, Николая Леонова, братьев Вайнеров, Агаты Кристи, Жоржа Сименона, Станислава Лема, Себастьяна Жапризо. В первых номерах 1983 года мы опубликуем детектив французского писателя Пьера Немура «Ненужный мальчик».

«Смена» — богатый иллюстрированный двухнедельный журнал. «Смена» — это 100 очерков и фоторепортажей, десятки статей, интервью и диалогов, 10 тысяч поэтических строк, 24 кроссворда и столько же новых песен с нотами, 1000

опубликованных читательских писем и откликов, сотни рисунков. «Смена» — это конкурсы эрудитов, юмористов, а любители шахмат, добивающиеся хороших результатов на шахматных олимпиадах «Смены», получают спортивные разряды.

У нас есть и юридическая консультация для молодежи.

Подписная цена журнала на год — 8 рублей 40 копеек.

«Смена» может быть получена как индивидуальным, так и коллективным подписчиком: иллюстрации можно использовать для создания монтажей, наглядной агитации в цехе, учреждении, классе, а многие материалы обсудить в молодежном коллективе.

РЕДАКЦИЯ ОБРАЩАЕТ ВНИМАНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ, ЧТО ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «СМЕНА» НА 1983 ГОД ПРИНИМАЕТСЯ ВСЕМИ ОТДЕЛЕНИЯМИ «СОЮЗПЕЧАТИ» И ОБЩЕСТВЕННЫМИ РАСПРОСТРАНИТЕЛЯМИ.

Юная МОДА:

НЕПРИНУЖДЕННОСТЬ, РОМАНТИЧНОСТЬ...

ЛЕГКОСТЬ МАТЕРИАЛА,
СВОБОДА ФОРМЫ...

А ВАМ НРАВИТСЯ
РОМАНТИЧЕСКАЯ НОТКА
НОВОЙ МОДЫ?

Нора ФИШЕР (ГДР)

Вероятно, еще никогда прежде мода не была столь щедрой на варианты. Что нравится, то и выбирайте. И все же... Когда в берлинском молодежном журнале «Нойес лебен» мы предложили линии и силуэты, которые сегодня воспроизводит «Смена», одобрение, можно сказать, было всеобщим. Аргументы в пользу предлагаемых идей: во-первых, несложность моделей; во-вторых, в силу первого положения их общедоступность; в-третьих, как нам представляется, соединение в них спортивной непринужденности с романтическим изяществом.

Итак, девушки, берите в руки нитку и иголку, а перед этим покопайтесь в бабушкиных сундуках — там почти наверняка найдутся или кружева, или вышивки, или платья из тонких тканей, которые, как принято было считать, стали безнадежно устаревшими. Больше смелости, больше фантазии. Главное, как мы уже сказали, непринужденность и романтичность...

